

Юлия Андреева

Король- Лебедь

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«КРЫЛОВ»

2006

ББК 84Р1-44
УДК 882
А65

*Рисунок на обложке
Екатерины Гвоздевой*

Андреева Ю.

А65 **Король-Лебедь.** — СПб.: «Крылов», 2006. — 288 с. (Серия «Внеклассная история»)
ISBN 5-9717-0323-4

Летом 1845 года в Германии два враждующих между собой рыцарских ордена — Святого Георгия и Иллюминатов — ждали рождения чудо-ребенка. Одни с надеждой, другие — с ужасом. Ведь древнее пророчество гласило, что он преобразит Баварию и возвысит ее над всем христианским миром...

Столь долгожданный ребенок, Людвиг Второй, был ослепительно хорош собой, удивительно музыкален и пластичен — не зря народ звал его Королем-Лебедем. Этому принцу из сказки идеально подходили рыцарские замки и озерные пейзажи.

Но, едва взойдя на престол, Людвиг не стал бороться за расширение земель и бряцать оружием, а также крепить авторитет принятыми в XIX веке способами.

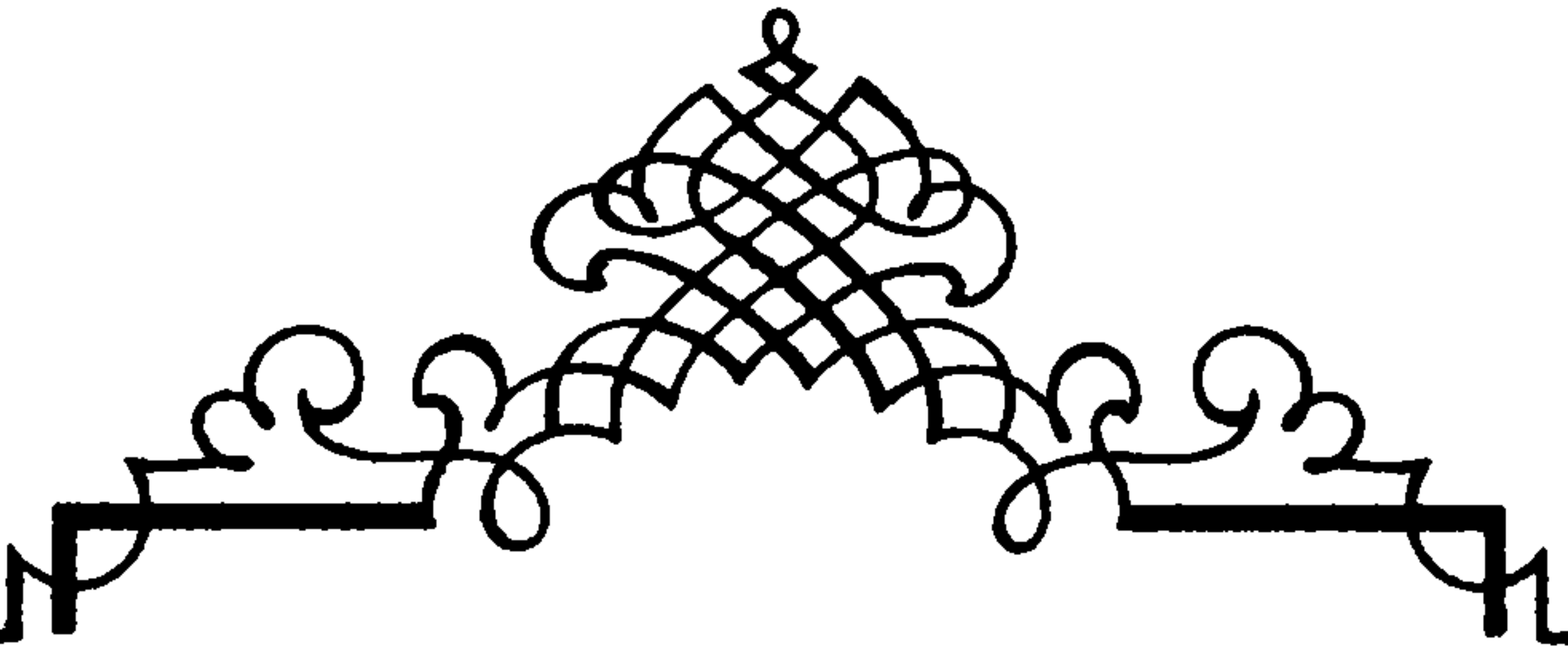
Первый его королевский указ гласил: «Доставить в Баварию маэстро Вагнера! На моей родине каждый человек должен слушать эти божественные звуки и приобщаться к высокому!».

Баварцы призадумались...

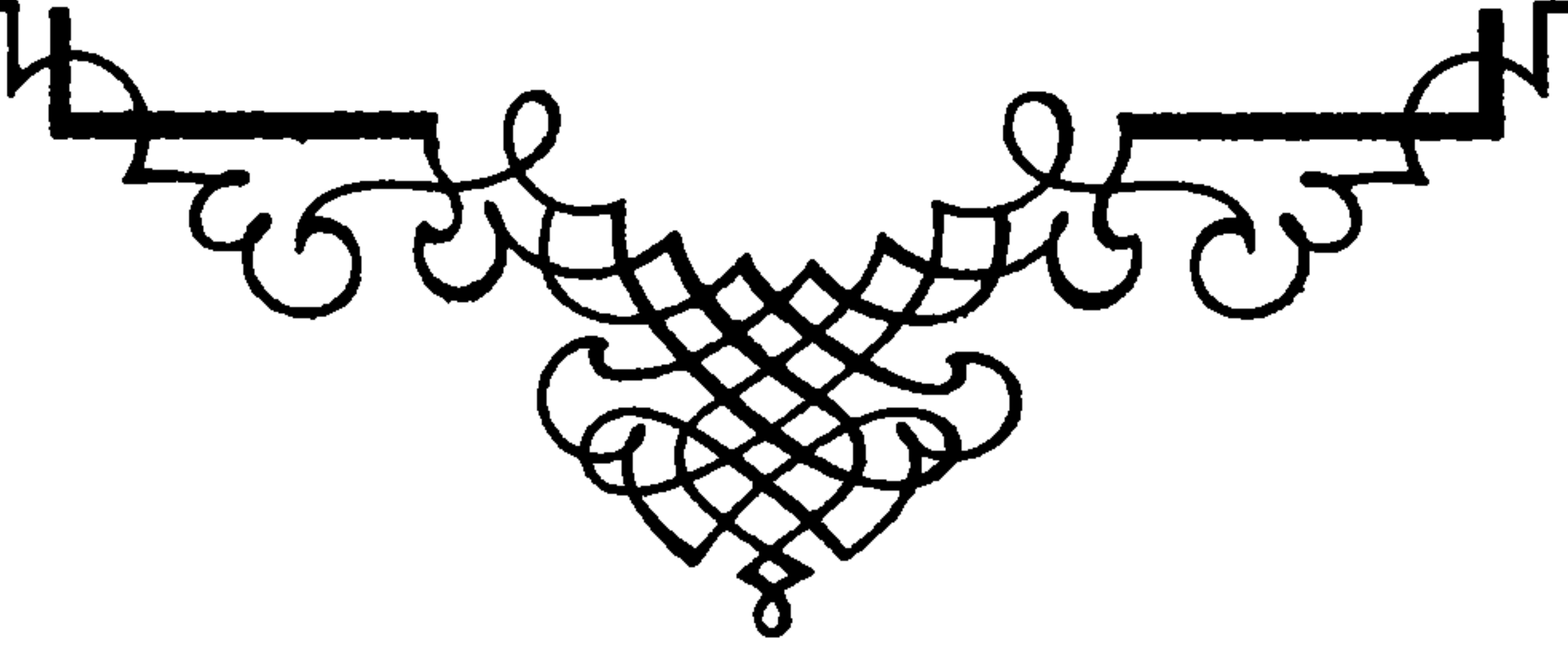
ISBN 5-9717-0323-4

© Андреева Ю., 2006

© Издательство «Крылов», 2006

Часть первая ПРЕДСКАЗАНИЕ

Вернувшись, море в берег бьет крутой.
Из-за горы глядит светило дня.
Для солнца путь открылся золотой.
И мир людей открылся для меня.

Роберт Браунинг

Летом 1845 года в Баварии и Германии отдельные астрологи, маги, прорицатели, равно как духовные общества, рыцарские ордена и братства, ждали прихода мессии. В конце августа 1845 года планеты встали в подобающее для появления чудо-ребенка положение. Были отмечены необыкновенные знаки на небе, свидетельствующие о том, что в самое ближайшее время, буквально до конца месяца, в Баварии или Германии на свет должен появиться необыкновенный ребенок, и это событие изменит ход истории. Что это будет за мессия и о каком именно изменении идет речь, знали лишь избранные. В архивах господствующего в Баварии ордена Святого Георгия хранилось древнее пророчество, оставленное самим Иоганном Беме, согласно которому Бавария получит новый шанс на духовное преображение посредством

чудо-младенца. Поскольку речь здесь идет ни много ни мало — о воплощении воина духа, существа, посланного самим небом. В своем тайном послании магистру ордена Иоганн Беме разъяснял, что следует ждать не библейского мессию, не воплощение Иисуса Христа, а рыцаря горнего мира, страны Святого Грааля, подлинного мессию красоты.

В своей работе Беме предсказал, что ребенок появится на свет 25 августа 1845 года в Баварии. Что звать его будут Людвиг или Людовик. Долгие годы эта информация считалась тайной, так как больше всего на свете рыцари ордена боялись потерять этот данный им свыше шанс.

Знаки появления необыкновенного младенца наблюдались повсюду. Уже во второй половине августа орнитологи отмечали необыкновенную активность птиц, которых становилось все больше и больше. Причем прилетевшие птицы все как одна были белого или серого цвета. Отчего птицы избрали для своего перелета конец лета, а не весну или осень? Почему они вдруг изменили маршруты своей обычной миграции? Эти вопросы оставались тайной. Никогда прежде в Баварии не доводилось наблюдать такого количества белых птиц. Гуси и лебеди, буревестники, чайки и конечно же белые голуби кружились стаями над крышами домов, над лесами и горами, словно искали кого-то, кто еще только должен был появиться на свет. Белые птицы плавали по глади зеркальных озер, дежурили на ветках деревьев и на красных черепичных крышах. Также в конце лета в садах и парках было отмечено необыкновенное количество распутившихся белых цветов.

Лето выдалось жарким и дождливым, как это часто бывает в этих местах. Но в это необыкновен-

ное лето ни один дождь, ни одно появление на небе солнца не обходились без радуги или каких-то иных ярких и заметных знаков на небе.

Датой рождения чудесного младенца астрологи определили 25 августа, что для ордена Святого Георгия, как уже было сказано, являлось дополнительным подтверждением правильности пророчества. Рыцари основных делящих власть в Баварии мистических рыцарских орденов — Святого Георгия и мистического ордена, или, как их называли чаще, секты Иллюминатов, готовились к этому событию задолго и по-разному.

Однако, если орден Святого Георгия во главе со своим магистром королем Баварии Людвигом Первым искали знаки, которые могли бы рассказать им о месте рождения будущего мессии, чтобы, отыскав ребенка, воспитать его в идеалах благородного рыцарства. В надежде, что, когда малыш подрастет, он сможет с Божьей помощью возглавить орден, приняв на себя полномочия магистра. Орден же Иллюминатов искал младенца, чтобы убить его.

Задолго до рождения нового мессии по всей Баварии и Германии были разосланы принявшие обет посвящения в секту врачи, медсестры и акушерки, которые должны были отыскать младенца и умертвить его. При этом иллюминаты уничтожали не только малышей, родившихся 25 августа, то есть в день, когда согласно расчетам астрологов должен был появиться мессия, но и всех детей, родившихся в августе. Несмотря на то, что мессию ожидали мужского пола, опасавшиеся ошибки иллюминаты на всякий случай убивали и девочек.

Но легко сказать — пойдите и убейте, когда давно уже замечено, что Господь любит даровать свою

милость простым людям, позволяя рождаться избранныкам в самых неприметных семьях, до которых никому нет никакого дела и которым по этой самой причине легче спрятать младенца. А это дополнительные сложности, ведь простых людей несравненно больше, нежели знати.

В 1845 году эта особенность была учтена. Особое внимание убийцы-иллюминаты уделили семьям крестьян и горожан, которые либо пользовались услугами дешевых больниц и клиник, либо прибегали к помощи практикующих в их местности врачей.

Таких детей обычно труднее всего обнаружить, так как здоровая крестьянка вполне могла рожать у себя дома в окружении родственников и не вызывать к себе акушерку. Зато все носили детей креститься и регистрировать в местные мэрии и полицейские участки. А там, как уже можно догадаться, ничего не подозревающих родителей уже ждали. Все делалось быстро, организовано и чисто. Смерти не вызывали ни малейших подозрений, так как детей убивали, давая им повышенную дозу снотворного, которое было невозможно определить во время вскрытия. К 25 августа операция по детской зачистке проходила со впечатляющими результатами, а кладбища уже пополнились свежими крохотными могилками.

Казалось, что ничто теперь не сможет воспрепятствовать хорошо отлаженной деятельности секты, и чудесный ребенок так и не появится, осчастливив своим появлением погибающую в своей бездуховности и косности Баварию.

25 августа 1845 года, в день своего рождения, пятидесятидевятилетний магистр ордена Святого Георгия, король Баварии Людвиг Первый Вит-

тельсбах стоял у окна своего кабинета в замке Берг и смотрел в сад. Вот уже несколько дней ему поступали доклады от подчиненных относительно детоубийц, но он не мог не только дать этому делу ход ввиду отсутствия доказательств совершения этих преступлений, но и как-то защитить несчастных детей.

Да, магистр совершил серьезную промашку, недооценив противника, и теперь был вынужден наблюдать за жестокими убийствами, творившимися по всей Баварии. Невинные дети погибали повсюду, а рыцари его ордена, призванные защищать свой народ, не могли предвидеть, где им будет нанесен следующий удар.

Вот если бы можно было собрать всех рожениц в одном замке, выставить стражу и защитить таким образом мессию, а заодно вместе с ним и всех невинных детей... Но было поздно. Посвященные сбились с ног, не зная, как собрать сведения о находившихся на последнем месяце беременности женщинах. Не обладавший столь мощной агентурной сетью, как у иллюминатов, орден Святого Георгия терпел фиаско.

Магистр попытался расслабиться, слушая голоса астрала, его связь с не рожденным еще мессией была очевидна. Ребенок должен был появиться сегодня — то есть в день его рождения, его тоже должны были назвать Людвигом, он должен был в дальнейшем возглавить его орден, а значит, именно он, король и магистр, должен каким-то образом обезопасить появление мессии на свет Божий.

Хорошо сказать — обезопасить. Но как это сделать? Как опередить убийц и вырвать из их когтей драгоценного младенца, когда даже не известно, в

какой именно семье он должен появиться. В каком городе или деревне его искать? Задача не из легких.

Утешало одно. Искомый младенец был либо еще не рожден, либо рожден, но не умерщвлен. А значит, за него еще можно было бороться.

Неожиданно магистр ощутил мощнейший прилив энергии. Поток света и музыки вдруг неведомо откуда ворвался в его видения, заставив выйти из транса и открыть глаза. Необыкновенная радость распирала грудь, так, словно на душу короля снизошла благая весть.

«Аллилуйя! Он родился! Он появился на свет! — прошептал Людвиг Первый, предусмотрительно зажимая себе рот, так как боялся, что его слова будут услышаны шпионившей для иллюминатов прислугой. — Аллилуйя!»

Король открыл окно и вдохнул полной грудью запахи цветов и свежескошенной травы на лужайке.

Вдруг взгляд его остановился на необыкновенном зрелище — в озере, что сияло зеркальным овалом посреди парка, плавал великолепный белый королевский лебедь. Никогда прежде эти прекрасные птицы не прилетали на озеро короля, и даже когда тот распорядился закупить пару штук и поселить их возле дворца, ничего не получилось. Птица захирела и издохла к зиме.

Теперь король наблюдал царственного лебедя, который грациозно смотрел на свое отражение, то и дело опуская прекрасную голову в воду и вылавливая оттуда мелких рыбок.

Это был знак. Наивернейший знак того, что долгожданное событие свершилось. Король огляделся по сторонам и изумился увиденному: все балконы дворца, крыша, крытой галерей, подоконни-

ки и балюстрады сверкали от обилия белых голубей, они все прилетали и прилетали.

Птицы были замечены слугами и придворными, которые выглядывали из окон, подзывали детей, показывая в сторону лебедя и голубей, что несколько не смущало птиц, которые вспархивали, заметив излишне резкое движение в их сторону, и тут же садились поблизости, на первое свободное местечко. Словно их первейший долг был находиться тут, свидетельствуя о произошедшем чуде.

Мессия красоты

В это время возле замка слышался стук копыт, и вошедший камергер доложил о прибытии в Берг нарочного из Хохеншвангау с письмом. Магистр велел немедленно принять его и вскоре уже читал запечатанный по всем правилам королевского дома конверт, в котором управляющий сообщал ему о рождении внука. Мальчик появился на две недели раньше срока, но тем не менее его мать и невестка Людвига Первого Мария Прусская пребывала в прекрасном состоянии.

Едва успев дочитать письмо, магистр упал на колени перед распятием и вознес жаркую, но краткую молитву Богу-Отцу и своему небесному покровителю — Святому Георгию. После чего чиркнул записку своему заместителю в ордене, требуя немедленно отправиться в Хохеншвангау охрану для новорожденного, и, вскочив в седло, помчался в сторону родового замка, в котором, возможно, дожидался его не просто внук, а новорожденный мессия.

Вместе с королем на не менее резвых конях неслись два его телохранителя и четверо посвящен-

ных в тайну Грегорианского ордена рыцарей, находившихся постоянно при персоне магистра.

О том, что новорожденный действительно мессия, говорили, нет, кричали стаи белых птиц, которых становилось все больше и больше, по мере того как конники приближались к лесному замку.

Проезжая мимо Шванзее*, что расположено под горой, на которой стоял Хохеншвангау, бывший король и его спутники невольно остановились, пораженные до глубины души чудесным зрелищем — все озеро было белым от стаи лебедей. Прекрасных белых птиц было семнадцать, а вожак — словно король среди своей многочисленной свиты.

Крыши и деревья вокруг среднего замка и замковых построек, так же как в Берге, занимали белые птицы. Издалека могло показаться, что крыши и крепостные стены были покрыты вдруг выпавшим снегом.

Вопреки традиции, король не спешил у ворот замка, а подлетел к лестнице, где быстро перебросил ногу через круп коня, на ходу спешиваясь. Бросив поводья подлетевшему мальчишке и не отвечая на приветствия и поклоны, Людвиг ворвался в замок. За ним следовали верные главе ордена рыцари Святого Георгия.

Каждая секунда была на счету. Проклятые шпионы могли оказаться в комнате роженицы, быть среди прислуги или охраны.

Король быстро поднялся по лестнице, ведущей в комнату невестки, где его встречали приседавшие в книксене служанки. Постучавшись в хрупкую, изукрашенную причудливыми стеклами дверь, король вошел в комнату.

* Шванзее (нем.) — Лебединое озеро.

Не было никаких сомнений: лежавший в розовой атласной постельке младенец был именно тем, кого он искал и которого невольно оплакивал в каждом невинно убиенном малютке. Господь услышал молитвы Великого магистра, позволив Марии родиться раньше времени, и отвел таким образом удар проклятых иллюминатов, ожидавших появления наследника престола только через полмесяца.

Слава Господу! И его мудрости! Мессия красоты был рожден и до сих пор не убит.

Но опасность еще не миновала. Донесение о том, что у принца Максимилиана родился сын, а у короля и магистра ордена Святого Георгия — внук, могло уйти одновременно и во вражескую ставку.

Появление прекрасных птиц было знаком, который мог понять не только Людвиг Первый, но и всякий посвященный в тайну рождения чудо-ребенка или сколько-нибудь умеющий считывать знаки. А значит, в любой момент в Хохеншвангау могли нагрянуть воины иллюминатов.

Король окинул тревожным взглядом аккуратную розовую спальню, только сейчас обратив внимание на лежавшую на большой постели и не сводившую с него глаз невестку.

— Что-нибудь не так, отец? Что-нибудь не так с моим Людвигом? — она попыталась приподняться, но скорчилась от боли.

— Все так, дорогое дитя! Ради всего святого, отдыхайте, — Людвиг проследовал к окну и задернул плотные шторы. Прекрасная, увитая с внешней стороны диким виноградом и иными ползучими цветами веранда, на которой родился его первый внук, была сделана лет пятьдесят назад и тогда казалась очень красивой, модной и изящной. Теперь король с ужасом глядел на соединенные тонкими

деревянными полосками витражные стекла, на балкон, на который в любой момент могли как подняться со двора, так и спуститься с крыши. Стекло, стекло и еще раз стекло.

Ужасная веранда не могла послужить надежным форпостом, в случае если королю и его немногочисленной свите пришлось бы отражать атаки.

Людвиг бережно взял на руки ребенка и, выглянув в коридор, подозвал к себе своего адъютанта.

— Мою невестку следует немедленно перенести в главную башню замка, ребенка я заберу сам. Вы быстро делаете носилки и переносите принцессу туда. В башне мы сидим столько времени, сколько понадобится для того, чтобы в Хохеншвангау добрались наши воины. Я хочу, чтобы в замке была полностью сменена прислуга до последнего кухонного мальчишки. Все должны быть проверенными слугами и друзьями ордена. Ни одного случайного человека. Даю сутки для тайного размещения гарнизона и замены персонала. Тайного, мой друг, я не хочу, чтобы мой сын узнал что-нибудь о происходящем здесь, — он весело подмигнул сэру Стефану Дюрану и, прижимая к себе драгоценный сверток, последовал с ним в главную башню замка.

Через час в Хохеншвангау прибыл боевой отряд ордена, к вечеру в замке была произведена полная замена прислуги. Так что прибывший сын короля, принц Максимилиан Йозеф не заметил ни малейших перемен и даже не признал в новом кучере замка первого министра своего отца и рыцаря ордена Святого Георгия Стефана Дюрана, чем очень обрадовал короля.

В считанные часы рыцари ордена Святого Георгия создали тайную многоярусную защиту замка, через которую не мог пробраться шпион илюминатов, да и

вообще никто не мог пробраться, не будучи обнаруженным рыцарями, переодетыми по такому случаю в одежды простых сельских жителей, лесников, рыбаков, охотников и псарей. Руководил ими всеми верный королю и рыцарской клятве сэра Дюран, которому и предстояло теперь заботиться о жизни наследника.

За считанные часы в округе замка Хохоншвангау не осталось ни одного почтальона, молочницы, пекаря или сельского учителя, не получивших посвящение в орден, магистром которого был король Баварии Людвиг Первый.

Замок Хохоншвангау

Когда маленькому Людвигу исполнилось три года, его дед — король Людвиг Первый отрекся от престола в пользу своего сына взбалмошного и помешанного на устройстве собственного войска принца Максимилиана. На такой шаг короля толкнул сделавшийся достоянием общественности его роман с танцовщицей Лолой Монтез.

Пресса заклевала короля, позоря его на каждом шагу и обсуждая, сколько денег он истратил на любимую женщину. Когда семейный совет вкупе с советом министров предложили королю выбрать между короной и любовью, Людвиг Первый, прозванный в Баварии романтиком, избрал любовь. После чего бывший король отправился в Италию, где пополнил собой ряды художников, поэтов и мистиков. Пропутешествовав год и вернувшись в Баварию без Лолы, которая бросила незадачливого любовника, едва только он утратил власть, бывший король обосновался в одном из своих малых дворцов в Мюнхене, откуда и руководил орденом.

Это была основная версия, о которой знали все. Но была и другая: в день перед решающим советом король молился в орденской церкви, прося своего небесного патрона помочь ему принять правильное решение. По словам дежуривших возле дверей церкви слуг, проведя ночь в священном месте, наутро король вышел оттуда веселым и просветленным. Так что те, кто близко знал короля, поняли, что он получил благоприятный ответ...

Вернувшись из своего путешествия, Людвиг Первый направил все силы на достойное воспитание своего внука, которому были нужны не только защита, но и помощь в духовном развитии.

Однако дед не смог поселиться в Хохеншвангау вместе с вновь беременной невесткой, малышом и несколькими преданными слугами, на то не было воли нынешнего короля. Тем не менее каждый день он получал подробнейшие сведения относительно того, что делал кронпринц и какие в нем произошли перемены. Время от времени бывший король навещался в Хохеншвангау, для того чтобы встретиться с малышом лично. Там, устроившись в зеленой беседке парка или гуляя возле прекрасного лесного озера, старый Людвиг рассказывал своему крошечному внуку истории и легенды, которые так любил мальчик.

Шли годы. У маленького Людвига появился брат Отто. Время от времени в Хохеншвангау навещался король Максимилиан. Нервный и вечно чем-то недовольный, он не собирался перевозить семью в столицу, предпочитая компанию офицеров и казарму тихой семейной жизни. Он не любил свою жену Марию, считая ее глупой и ничего не понимающей в военной подготовке женщиной, чей удел — рожать солдат и помалкивать.

Королева Мария тоже не рвалась поселиться с мужем под одной крышей. Ей вполне хватало и того, что тот раз в месяц являлся в Хохеншвангау и, распространяя вокруг себя пивные ароматы, забирался в ее постель.

После рождения Отто она больше не беременела, так что постепенно король утратил к ней всякий интерес и, наверное, запер бы надоевшую супругу в монастыре, если бы она не была нужна ему в качестве воспитателя его сыновей.

Правда, Людвиг и Отто воспитывали на военный манер приставленные к ним офицеры запаса, но не в меру впечатлительный наследник престола нипочем не желал расставаться с матерью и даже как-то устроил отцу форменную истерику из-за того, что тот хотел услатить ненавистную королеву в ссылку.

Впрочем, сыновья скорее должны были радовать Максимилиана, нежели беспокоить. Крепкие и достаточно высокие для своего возраста оба мальчика росли сильными и выносливыми. Оба рано научились держаться в седле, стрелять и делать упражнения с маленькими ружьями. Оба часами занимались на плацу, вытягивая ножку и делая «на плечо», «коротким коли» и «длинным коли».

Кроме обязательных спортивных и воинских дисциплин, принцы изучали естествознание, математику, древние языки, мировую историю и историю отечества и литературы.

Опасения доставлял Людвиг, который рос мечтательным и нежным ребенком. В десять лет больше всего наследник Баварии любил читать книги, о которых мог потом говорить часами. Он постоянно придумывал продолжения и то и дело оказывался сам в полюбившейся ему истории, с тем

чтобы то разорвать оковы томящегося в неволе рыцаря, то снять веревку с шеи несправедливо приговоренного к смерти, то броситься в пучину моря за тонущей принцессой. Людвиг был поэтом и музыкантом, сразу же после занятий на плацу или в манеже он мог бежать в библиотеку замка или музицировать на материнском клавесине.

Нередко прислуга заставляла его на коленях перед картиной с изображением Христа, у которого юный принц слезно молил простить род человеческий за то, что ни один из присутствующих на казни не обнажил меч и не порубил стражу.

Когда Людвигу объяснили, что жертва Христа была необходима для спасения всего человечества, мальчик возразил, что не желает спасения, за которое кому-то пришлось испытывать страдания и умирать.

— Я не хочу, чтобы кто-то отдавал за меня свою жизнь. Чтобы кого-то, а тем более ЕГО, распинали на кресте! Если Бог добр — он поймет меня и согласится спасти меня сам без всякой жертвы. Если зол — значит он не Бог!

«Откуда у него это»? — не понимал отец.

Чтобы заставить сына выбросить дурь из головы, он велел учителям увеличить нагрузки, но крепкий мальчик с легкостью справился со всеми данными ему заданиями и вышел победителем из сложнейших испытаний.

Отец велел экзаменовать его, и Людвиг ответил на все каверзные вопросы собранного отцом трибунала.

Секрет такой работоспособности юного принца был прост и одновременно с тем непостижим для короля. Мальчик боготворил своего отца. Больше всего на свете он желал добиться его располо-

жения и любви, чего не мог дать ему не умевший любить даже самого себя король.

Людвиг страдал, ощущая лишь холод и настороженность со стороны недоступного короля. Он был готов измучить себя на плацу, лишь бы только вызвать похвалу родителя. Но все было напрасно. Ничто не трогало это ледяное сердце. И чем больше принц старался стать таким, каким хотел видеть его король, тем больше король уходил от него, тем больше он находил сына странным и непостижимым.

Эта борьба шла несколько лет, за которые Людвиг не сумел приблизиться к отцу ни на один шаг.

Тайна наследника

Однажды утром Людвиг прокрался в комнату брата и, разбудив его, велел немедленно одеться и следовать за ним. При этом Людвиг казался взволнованным, он сразу же запретил Отто разговаривать и задавать вопросы.

На цыпочках наследник престола подкрался к двери и, высунув голову в коридор, слушал какое-то время тишину.

— Все в порядке, — наконец сообщил он. — Сейчас, когда слуги только начинают просыпаться, никто не хватится нас, и я смогу рассказать тебе страшную тайну.

— Тайну?! — глаза Отто засверкали, он восторженно смотрел на брата, не зная, как следует реагировать на подобные предложения. Его ладони мгновенно вспотели, кроме того, от волнения он вдруг почувствовал, что не плохо было бы перед тайной прогуляться до туалета. Но разве можно го-

ворить на столь низменные темы, когда старший брат предлагает тебе такое?..

— Тайну, — Людвиг придиричиво окинул Отто с ног до головы, и обратно, велел ему заправить рубашку в бриджи, после чего сам помог надеть матросскую курточку, которая была приготовлена с вечера.

Крадучись они выбрались из комнаты и проследовали до конца коридора, держа под мышками свои башмаки и стараясь не дышать. Внизу на кухне уже гремела кастрюлями кухарка, из кладовки слышалось тихое пение одной из служанок, которую, должно быть, отправили за маслом или молоком.

Незамеченные никем мальчики выбрались из дворца и тут же стремглав шмыгнули в раскидистые кусты сирени, где у них уже давно был сделан тайный лаз и где их никто не мог видеть.

Кусты были такими старыми и густыми, что братья могли не опасаться, что кто-нибудь разглядит их сквозь эти ароматные заросли. На четвереньках они проползли до следующей парковой аллейки, где поднявшийся на ноги Людвиг нарвал букет цветов, пригибая к земле ветки. Отто хоть и был ростом ниже брата, помогал по мере своих возможностей. Он залезал на высокие ветки, повисая затем на них, так что те прогибались под его тяжестью.

Придиричиво разглядев букет и найдя его достаточно красивым, Людвиг разрешил брату выбираться из куста сирени, после чего они устремились вглубь парка.

— Я хотел сказать тебе, Отто, что в последнее время моя жизнь коренным образом изменилась. И я надеюсь, что в скором времени не только ты,

но и все остальные узнают об этом, — он сделал серьезное лицо, приняв позу Наполеона Бонапарта, смотрящего вдаль, как это было изображено на картине, висевшей в будуаре его матери королевы Марии.

— А что такое «коренным образом»? — Отто открыл рот, его карие глаза смотрели на брата с восхищением.

— Это значит — насовсем. Решительно и бесповоротно, — снисходительно пояснил Людвиг. — Дело в том, что недавно я познакомился с молодой особой, которую полюбил чистой и возвышенной любовью, — он сделал паузу, давая возможность брату уяснить, что к чему. — В общем, мы встречаемся уже две недели. И думаю, это очень серьезно.

— Ты собираешься жениться?! — голос Отто сорвался, превратившись в сдавленный визг.

— В том-то и дело, что нашему счастью не бывать! — Людвиг тряхнул своими черными, точно воронье крыло, густыми кудрями. — Ведь я наследник баварского престола, а она... впрочем, не стоит нарушать инкогнито.

— Чего нарушать? — опять не понял Отто.

— Секретности, — помог ему брат. — Отец непременно пожелает, чтобы я женился на своей ровне, на какой-нибудь принцессе или герцогине. Ему нет дела до истинных чувств! До любви! До благородных порывов, — он вздохнул, заламывая руки. — Боюсь, Отто, что если я представлю свою прекрасную и чистую, словно слеза, возлюбленную отцу, тот будет решительно протестовать против нашего брака.

— Прости. Ты, значит, должен будешь жениться на принцессе? Это на какой такой принцессе? На

сестрице Софье или на Анне, что приезжала в прошлом году из Польши?

— Какая разница, на какой, когда мое сердце отдано... — он поспешно закрыл себе ладонью рот. Отто стоял рядом, словно замороженный, забыв обо всем на свете.

Людвиг поднес к лицу букет сирени, вдыхая аромат цветов, его грудь то вздымалась, то снова опускалась, глаза выражали крайнее волнение и решимость.

— Если король будет против моей любви, я отрекись от престола и уйду отсюда, взяв лишь то, что на мне надето. Тогда я уйду к ней, к моей ненаглядной. Буду жить в лесу у Лебединого озера, чтобы иметь возможность каждый день видеть перед собой это чудесное создание, целовать ее ручки, слушать ее голос.

Он обнял за плечи брата, увлекая его за собой по узкой аллейке мимо кустов акации и шиповника. Вместе они дошли до маленького леска, за которым начиналось озеро.

— Пока я еще не отрекся от престола, пока я еще наследник, а значит, ты являешься моим верным подданным, моим адъютантом, моим гвардейцем, которому я хочу доверить охрану моей персоны и персоны моей невесты. Ты будешь стоять здесь, — Людвиг нарисовал носком ботинка на земле крест, — это пост, который нельзя оставить. Моя дама ждет меня внизу у озера. Там мы встречаемся с ней каждый день. Сейчас я пойду к ней, а ты должен ждать меня и свистеть, в случае если сюда кто-нибудь придет. Все понял?

— Все, — Отто закивал, боясь пропустить какую-нибудь значимую информацию. — Я постою здесь, братик. Я все сделаю. Но... — Его распирало жгу-

чее любопытство. — Но я же никогда не видел твоей любимой. Что, если я замечу ее и засвищу тебе, как об опасности, не напугаю ли я тогда твою девочку?

— Она не станет проходить здесь, — Людвиг таинственно ухмыльнулся, пытаясь отвязаться от брата.

— Почему же, ведь из деревни к озеру можно пройти только этой дорогой, да и из замка тоже. Не думаю, что твоя любимая станет бегать через лес, портя свое платье.

— Ей не нужно ходить и тем более бегать через лес, — Людвиг вздохнул, вновь прижимая букет к лицу. — Дело в том, что она ждет меня там... в озере... Она русалка, — сказав это, Людвиг резко развернулся и, чеканя шаг, пошел в сторону озера, не оборачиваясь и не слушая дальнейших расспросов и просьб брата.

Шло время. Отто больше всего на свете хотел в туалет и увидеть прекрасную русалку. Он много слушал сказок об этих удивительных созданиях, но никогда не видел их воочию. И вдруг ему представилась такая редкостная возможность.

Он выглянул из-за куста, перед которым начертал крест старший брат, но не увидел ни Людвига, ни его дамы. Решив, что, должно быть, брат уже объяснился в любви и вот-вот придет снять его с поста, Отто потоптался еще несколько минут, не зная, что предпринять. Справить нужду прямо здесь — но если Людвиг застанет его за этим занятием или обнаружит лужу, не сочтет ли он это явным оскорблением и себя и своей дамы? Отойти в кусты? Но ведь брат четко сказал, где ему следует стоять. Когда-нибудь Людвиг станет королем, и он — Отто Виттельсбах — всегда будет его подданным. Отец требовал, чтобы он знал свое место, и Отто его знал.

С другой стороны, если Людвиг женится на русалке, ему придется отречься от престола и тогда трон достанется Отто. Но пока Людвиг не женился и не отрекся, он наследник, а значит, несчастному Отто приходилось ждать, понимая, что еще немного и он опозорится при исполнении особо ответственного задания будущего монарха.

Отто скрестил ноги, его трясло, по лицу катились крупные слезы. Он попытался снова выглянуть из-за куста и позвать брата, но у озера, похоже, никого не было. Скрючившись, он сделал шаг по направлению к Шванзее, и в этот момент произошло неизбежное. Отто заревел в голос и побежал к замку, чувствуя свое ничтожество и желая одного — умереть.

За завтраком мальчики не разговаривали. Чувствуя вину и презирая себя за то, что сделался в глазах брата посмешищем, Отто дождался, когда после завтрака их позвали на урок фехтования, который должен был проходить в саду, и, подойдя к Людвигу, сильно толкнул его плечом.

— Что тебе нужно, зассыха? — Людвиг зажал пальцами нос, изображая, что он не может дышать рядом со зловонным братцем.

— Между прочим, я встречался с твоей русалкой. И она сказала, что любит меня! — выпалил в лицо старшему брату красный от злобы Отто. И убежал переодеваться в костюм для фехтования.

Через четверть часа оба мальчика стояли друг против друга с масками для фехтования и рапирами в руках. Людвиг был белым точно призрак, лицо Отто оставалось красным.

После того как учитель дал сигнал к началу боя, мальчики одновременно надели маски и отсалютовали друг другу.

— Ты врешь, что встречался с Анабель! — сделал свой выпад Людвиг, попытавшись кольнуть брата в горло.

— Встречался и целовался! — парировал удар Отто, отступая на шаг и прикрывая горло эфесом.

— Наглая ложь! Ты не мог встречаться с ней, потому что...

— Потому что ее не существует? — Отто кольнул брата в коленку, и учитель засчитал попадание.

— Потому что она не такая! Потому что она была со мной! — Людвиг вытеснил брата из центра площадки и теперь пытался заставить его только защищаться.

— Она была с тобой сегодня, но вчера... Я сам женюсь на ней! У тебя — у наследника кишка тонка, а я не наследник, хоть и принц. И мне никто не помешает делать то, что захочу я. Она станет моей принцессой, а ты останешься один!

Людвиг опустил рапиру, и направленное в него оружие брата кольнуло в сердце, выгнувшись при этом.

— Хорошо. Если это сделает Анабель счастливой, я не стану препятствовать вам. Живите с миром, — он заплакал и, не слушая велевшего ему закончить поединок, как это подобает, учителя, убежал прочь.

На следующий день Отто был и сам не рад своей выдумке. Людвиг облачился во все черное, то и дело плакал, целый день скрываясь либо в своей комнате, либо в одной из садовых беседок.

— Прости меня, Людвиг, — наконец не выдержал Отто, пробравшись в библиотеку, где на этот раз спрятался от всех старший брат, точно черная грустная птичка, устроившись на высокой стремянке перед шкафом со старинными легендами. — Я соврал тебе. Я не знаком с твоей Анабель, и она нико-

гда не любила меня и не обещала стать моей женой, — он заплакал. — Меня вообще никто не любит. Я не достоин твоего прощения, и вообще ничего из меня хорошего не получится.

— Хорошо. Я прощаю тебя, — раздался откуда-то с высоты звонкий, печальный голос Людвига.

Отто посмотрел наверх и увидел белое в черной оправе волос исстрадавшееся лицо брата на фоне голубых небес, нарисованных неизвестным художником на потолке.

— Я прощаю тебя, Отто. Но теперь оставь меня. Я должен все как следует обдумать. Оставь меня одного, — донеслось с нарисованных небес.

Отто кивнул и, вытирая рукавом мокрое лицо, поспешно покинул старшего брата.

Происшествие в деревне

Людвиг и его брат Отто любили ходить в деревню, где играли с деревенскими мальчишками в войну, прятки или круговую лапту. В Хохоншвангау знали об этом и не запрещали. В деревне все знали, что Людвиг — наследник престола, так что детям было, с одной стороны, строго внушено ненароком не обидеть принца, с другой, — знакомство со своим будущим королем могло впоследствии дать ребенку неплохое продвижение по службе. Так что этого тоже не следовало сбрасывать со счетов. Добавьте к сказанному тот факт, что сразу же после рождения Людвига его дед выселил из окрестных деревень почти всех фермеров, перекупив их земли и передав в ренту семьям, члены которых в разные времена были посвящены в рыцари ордена Святого Георгия и доказали свою преданность на деле.

В этих прогулках мальчиков нередко сопровождал сын дворцового конюха Альберт, который был на два года старше наследника.

Однажды, это произошло, когда Людвигу исполнилось одиннадцать, на ферму Хорс, что располагалась недалеко от деревни, на лето приехали двое близнецов. Озорные и грубые мальчишки, которые сразу же сплотили вокруг себя настоящую шайку, состоявшую из деревенских мальчишек. Все вместе они совершали набеги на фруктовые сады соседей, стреляли зажженными стрелами и даже как-то ради потехи пробрались на скотный двор господина Шнейдера, где преспокойно дремали в лужах три жирные свиньи, и, оседлав их, погна-ли вон из деревни.

Насилу почтенный фермер отыскал затем свою скотину, а один из наездников свалился в канаву и сломал себе ногу.

Узнав о неприятностях, приносимых деревне шайкой, юный принц решил, что его долг защитить своих людей. Поэтому он смело отправился на переговоры с предводителями разбойников. Привыкший, что деревенские ребята никогда не пытаются ссориться с ним, а скромно снимая шапочку, слушают, что им хочет сказать мальчик из Хохеншвангау, Людвиг не мог даже вообразить, что вдруг оба брата-близнеца набросятся на него и начнут мутузить что есть силы.

Людвиг упал на землю, но даже тогда против всяких правил о поединках оба противника продолжали бить его ногами и руками. На помощь брату поспешил Отто, но какое там — близнецы были крепче Виттельсбахов, кроме того, за их недолгую жизнь им удалось провести десятки подобных боев, отчего их действия носили достаточно сплоченный характер.

Поняв, что пощады не будет, Людвиг и сам пустил в ход кулаки, не думая о правилах, а стараясь достать своих врагов как можно сильнее. Возможно, он победил бы, так как был силен и постоянно тренировался, но на помощь близнецам прибежали мальчишки собранной ими шайки.

В результате, образовалась куча мала. Все били друг друга, катаясь в пыли и разрывая одежду. Наконец Людвиг сумел подняться на ноги и схватить лежавшую у дороги ветку дерева, которой он начал размахивать, так, словно делал упражнение со штыком. В считанные секунды ощутившие на собственной шкуре, что против дубины их кулаки — ничтожное оружие, деревенские ребята поднялись и с ревом убежали прочь.

Поняв, что Отто ничего не угрожает, Людвиг велел ему бежать домой, прикрывая отступление и продолжая охаживать не испугавшихся близнецов палкой. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы на крики и шум драки к месту побоища не прибежал Альберт.

Увидев, что к принцу на подмогу пришли свежие силы, близнецы, не сговариваясь, убежали в лес, показывая кулаки и угрожая страшными карами побившим их Виттельсбахам.

Альберт отвел братьев на озеро, где помог им умыться и почистить одежду. Отто плакал, его левый глаз совершенно заплыл, локоть саднило, колени были разодраны. Людвиг потирал синяк на скуле, кроме того, у него был выдран клочок волос, и все его тело было в синяках и царапинах.

— Это нельзя так оставлять. Я пожалуюсь отцу, и он выбросит и фермера, и его ужасных мальчишек с нашей земли! — задыхаясь от гнева, проговорил Людвиг. — Как посмели они поднять руку на мою особу?!

— Теперь нас ни за что не отпустят в деревню, —
выл Отто.

— Ерунда, Ваши высочества, — Альберт отряхнул курточку Людвига и с поклоном подал ее принцу. — Старина Альберт сумеет наказать этих разбойников так, как и следует наказывать бунтовщиков и бандитов. Так, как карали преступников во времена благородного рыцарства. Выгнать с земли — это пустое дело. Отсюда выгонишь, где-то осядут. Другое дело — загнать их под землю, чтобы они оттуда уже не могли выбраться.

— Точно. Закопать по самую шею! — восторженно сверкая не заплывшим глазом на Альберта, предложил Отто.

— Как казнили разбойников? Четвертовали, отрубали головы, вешали... — Людвиг задумался.

— Отрубить головы и четвертовать — это для знати. Не хотите же вы, сир, сказать, что дети фермера могут претендовать на дворянскую казнь?! Ни в коем случае. Я повешу их сегодня же ночью в лесу. И приглашу вас и вашего братца полюбоваться на это.

— Клянусь честью, это будет замечательное зрелище! — воскликнул Отто, с обожанием глядя на словно ставшего выше ростом и заметно похорошевшего Альберта.

— Да будет так, — Людвиг побледнел, его кулаки сжались, как перед боем, на висках набухли вены. — Я, наследный принц Баварии, Людвиг Второй, приказываю тебе, Альберт Ищинбах, сын второго конюха, казнить близнецов с фермы Хорс через повешение. Сего года пятого июля. Подпись: Людвиг.

После чего, заложив руки за спину, Людвиг развернулся на каблуках и, не глядя больше на обескураженно примолкших мальчиков, пошел в сторону замка.

Высокий лебединый край

Название замка Хохеншвангау переводится как Высокий лебединый край. Два прекрасных зеркальных озера лежат пред замком, точно зеркала пред знатной дамой или два щита пред рыцарем, который все не может выбрать, каким из них воспользоваться. Имена этих озер — Шванзее (Лебединое озеро) и Альпензее (Альпийское озеро). Высокие горы, подобно природной крепостной стене, охраняли замок с юга, в то время как с севера на защиту его вставали некогда непроходимые леса.

Когда-то в незапамятные времена кто-то из предков Людвига был так очарован прекрасным и защищенным самой природой местом, что приказал возвести здесь замок Хохеншвангау.

С того дня люди узнали первых лебединых рыцарей — рыцарей озера Швангау. О них можно прочесть и сейчас в «Хайдельбергской книге песен», а значит, их имена, блестящие подвиги и святая жизнь будут известны в веках. История хранит имя первого из лебединых рыцарей — благородного Хильтпольда Швангау из Хохеншвангау, чьи подвиги прекрасны, как посвященные ему стихи.

Когда-то в Хохеншвангау жил последний Штауфен, принц Конрадин, которому в 1268 году отрубили голову в Неаполе, когда тому едва исполнилось шестнадцать лет.

В XVI веке шванриттеры, или лебединые рыцари, покинули Хохеншвангау. После этого замок начал ветшать и разрушаться, точно вместе с лебедиными рыцарями его стены оставила сама надежда.

За семнадцать лет до рождения наследника замок Хохеншвангау приобрел Максимилиан Второй, ему пришлось буквально отстраивать его за-

ново. Деньги на это выделил его отец — король Людвиг Первый, которому нравилось не столько удобное расположение замка, сколько связанная с ним легенда о баварском Лоэнгрине, рыцаре Лебедя и о благородных и прекрасных временах прошлого, к которому король тянулся со страстью искателя Священного Грааля.

Согласно множеству источников в Хохоншвангау проживали и гостили блестящие рыцари, был свой двор любви, и во все времена замок славился великолепными трубадурами и миннезингерами. Сам бард Тангейзер гостил в Хохоншвангау во время возвращения из своего паломничества в Рим.

Но даже это было еще не все. Хохоншвангау стоял в предгорьях Альп, подобно стражу, охраняющему дорогу в крепость Монсальват, или Монсегюр, что означает Гора Спасения, где, согласно преданию, хранили Священный Грааль девять по девять дев Грааля во главе с Эсклармондой де Фуа и помогающей ей Репанс де Шой. Где нашел свой приют и исполнил свою миссию благословенный рыцарь Парсифаль, отец Лоэнгрина.

Дающая бессмертие и спасение души чаша Грааль была с Христом и его учениками во время Тайной Вечери, и потом после смерти Иисуса на кресте Иосиф Аримафейский взял чашу и собрал в нее пролившуюся кровь. Именно эту реликвию спасла в свое время Мария Магдалина, спрятав ее в Лангедоке, чтобы затем она могла занять свое место на каменном алтаре в подземной церкви Монсегюра.

Крепость Монсальват существовала одновременно в двух измерениях, как это объяснял внукам бывший король и магистр ордена Святого Георгия Людвиг Первый, развалины ее по сей день

можно найти во французских Альпах, в то время как подлинное царство Грааля находится на небесах.

Там правит славный и бессмертный король Парсифаль и его вечно юный сын — рыцарь Грааля и рыцарь Лебеда Лоэнгрин.

Сейчас реальный Грааль вознесся на небо, послужив основой для создания нового царства небесного — царства Грааля, куда могут попасть только чистые сердцем и благородные духом истинные рыцари. Должно быть, именно туда и отправились в свое время лебединые рыцари замка Хохеншвангау, чтобы охранять реликвию, пополнив собой Божье воинство.

Лоэнгрин

Согласно легенде, которую в этих местах почитали за реально существующий факт, в стародавние времена царство людей называлось Антверпен и разделялось на две великие державы — герцогство Брабан и Германию, которые хоть и хотели жить в мире, но почему-то это у них плохо получалось.

Когда в Брабане умер правитель, он завещал заботу о своих еще не достигших совершеннолетия детях — дочери Эльзе и сыне Готфриде — Фридриху фон Тельрамунду, женой которого была колдунья Ортруда. Тельрамунд сделался регентом и на правах временного правителя держал власть в Брабане.

Все было бы хорошо, но в один неладный день исчез Готфрид. Напрасно слуги и стража искали повсюду мальчика, он как в воду канул.

Тогда Ортруда нашептала своему мужу, что для того, чтобы отыскать виновного, следует прежде

всего разобратся, кому было выгодно исчезновение мужского наследника славного Брабана? Кому как не его старшей сестре, права на престол которой делались шаткими, так как, несмотря на то что она родилась первой, власть в стране обычно доставалась мужскому наследнику.

Тельрамунд поверил в доводы супруги и созвал суд, на который вызвал Эльзу. Когда она явилась и скромно заняла свое место, возложив руку на Библию, все поняли, что такая красивая, милая и нежная девушка, больше похожая на ангела, нежели на реального человека из плоти и крови, просто не может быть коварной убийцей.

Тем не менее, для того чтобы решить, виновна ли Эльза, по закону страны следовало устроить поединок между обвинением и обвиняемой стороной. На стороне обвинения стоит король Германии Фридрих Птицелов, на стороне бедной Эльзы никого.

После того как судья бросил третий клич рыцаря защитника, все увидели, что на речной глади озера появился лебедь, на шее которого поблескивала золотая цепь. Чудесный лебедь был запряжен в лодку, на которой стоял во весь рост такой прекрасный рыцарь, какого в Брабане отроду не видели. Рыцарь подошел к Эльзе и предложил ей свою помощь в обмен на два условия: первое — она должна стать его женой и второе — она не должна никогда спрашивать его имя. С восторгом Эльза приняла предложение столь прекрасного рыцаря, и поединок начался.

Кони сорвались с мест и полетели навстречу друг другу, и при первой же сшибке Лоэнгрин выбил Фридриха из седла, после чего опустился перед ним с обнаженным мечом, требуя либо при-

знать себя побежденным, а Эльзу невиновной в приписанном ей злодеянии, либо умереть.

Фридрих выбрал жизнь. После чего Лоэнгрин повелел ему убраться обратно в Германию. Затем он женился на Эльзе и приказал отправить в ссылку обоих ее опекунов, которые не только не уследили за маленьким Готфридом, но и выдвинули обвинение против Эльзы. По доброте душевной он разрешил им только побыть на свадьбе, с тем чтобы на следующий день они убрались из Брабана.

Не желая так легко сдаваться, Ортруда плела интриги против появившегося так некстати рыцаря. Она начала переговоры с Фридрихом, убеждая его, что тот был побежден не силой благородного оружия, а властью черного колдовства. Так как не назвавший себя рыцарь является не кем иным, как злым колдуном, желающим погубить все и вся. Потом она отправилась к Эльзе и, умывая ее и украшая перед первой брачной ночью, попросила узнать имя мужа, для того чтобы отвести от него страшное подозрение, пришедшее на ум Фридриху Птицелову и всем честным людям герцогства. Она так запугала доверчивую девушку рассказами о том, что и ей и ее мужу будет грозить страшная беда, если рыцарь не скажет, как его зовут, что Эльза поверила ей и пообещала выяснить правду.

Перед тем как отправиться в изгнание, Тельрамунд публично обвинил Лоэнгринна в общении с нечистой силой, призвав народ сжечь проклятого колдуна, на руках которого, скорее всего, еще и кровь несчастного Готфрида.

Полная смятений и страхов Эльза ждала мужа в супружеской спальне. Когда он появился, Эльза бросилась к нему, умоляя открыть ей свое имя и откуда

он родом. Но в тот момент, когда Лоэнгрин готов был сдать прекрасной Эльзе, в их спальню ворвался Фридрих со своими рыцарями. Чудом Лоэнгрин успел поднять свой меч и зарубить их всех.

Враги повержены, но Лоэнгрин понял, что их с Эльзой любовь уже не столь чиста и небесна, как была. А их брачное ложе залито кровью мятежников и врагов, сама Эльза не верит Лоэнгрину, как верила вначале.

Любовь не требует никаких доказательств, любящий просто любит, не спрашивая имя того, кого он любит и откуда он, не верит глупым домыслам и клевете.

Поэтому Лоэнгрин решает вернуться в заоблачное царство Грааля. Перед разлукой он во всеуслышание называет свое имя и имя своего благородного родителя. Рассказывает, откуда он прибыл.

Тем временем на глади озера вновь появился прекрасный, запряженный в лодку лебедь. Лоэнгрин садится в лодку и уплывает прочь. Эльза и весь народ провожают прекрасного рыцаря, так и не ставшего их благородным сеньором.

Дождавшись, когда лодка Лоэнгрина исчезла за горизонтом, Ортруда призналась, что заколдовала юного принца, превратив его в лебедя.

Из лебедя обратно в человека его мог расколдовать только подлинный рыцарь Грааля, но Лоэнгрин уже далеко, и он никогда не вернется, оскорбленный оказанным ему в царстве людей приемом.

В этот момент произошло чудо. Перед Эльзой вновь появился прекрасный лебедь, который на ее глазах превратился в мальчика Готфрида.

С этого дня Эльза и Готфрид правили вместе, храня как святыню память о рыцаре Грааля — благородном принце Лоэнгрине из заоблачного царства.

Казнь у лебединого озера

Людвиг заснул за чтением любимой книги легенд, а когда проснулся, за окном начало темнеть. Рядом с ним стоял Альберт. Должно быть, он уже давно находился здесь, пытаюсь добудиться юного принца.

Людвиг поднял на него вопросительный взгляд. Альберт чинно поклонился, показывая знаками, что Людвиг должен идти за ним.

— Куда мы? — на всякий случай шепотом поинтересовался принц. — Фрау Зольдерикс может прийти с минуты на минуту.

Зольдерикс совмещала в замке роли классной дамы на уроках истории и гувернантки у маленького Отто. Кроме того, она всегда приходила вечером прощаться с обоими мальчиками, а утром здоровалась.

— Ничего, как-нибудь успеем. Но вы должны это видеть. И Его высочество тоже. Он уже ждет нас в парке у леса, так что нам лучше поспешить, если вы хотите успеть к вечерней молитве.

Мальчики прибавили шаг, чуть не столкнувшись в дверях со стариком садовником, который низко поклонился Людвигу при встрече.

— Куда мы идем? — поинтересовался принц, рассеянно оглядываясь на старика.

— Наш будущий король должен поглядеть на то, как его подданный исполняет его волю, — Альберт спрыгнул с крыльца, не забыв подать руку Людвигу, но тот не воспользовался помощью. Еще чего не хватало, чтобы потом сын второго конюха начал рассказывать всем, что наследник престола не умеет прыгать и ведет себя как девчонка.

Людвиг молчал, обдумывая, что хотел сказать Альберт. О каком приказе и о каком подданном

идет речь. Они быстро пробежали по аллейке парка и оказались на границе с лесом, где их поджидал, спокойно сидя на большом плоском камне, Отто.

Все вместе они ринулись в лес. Людвиг спешил, так как, с одной стороны, боялся показаться трусом в глазах Альберта, а с другой, — не собирался злить лишний раз фрау Зольдерикс, которая и так сетовала на него с братом за синяки и ссадины, полученные в стычке с шайкой близнецов.

Оглянувшись, Людвиг сумел определить, что Альберт ведет их прямехонько к ферме Хорс, и у него похолодело внутри. Неужели Альберт — проклятый предатель, вознамерившийся сдать его и брата врагам. Людвиг тревожно посмотрел на Отто, понимая, что малыш думает о том же.

«Не ходить!» — мелькнуло в голове Людвига, и он тут же упрекнул себя за трусость. Да, сын второго конюха мог оказаться иудой, но он — Людвиг Виттельсбах не может быть трусом. Он никогда не струсит, ни за что не отступит, не изменит раз и навсегда избранной цели. Он закусил губу, продолжая послушно следовать за Альбертом.

Вдруг сын второго конюха остановился и, велел мальчикам присесть, пополз вперед, делая знаки, чтобы те не поднимали шума. Людвиг посмотрел на Отто. Младший братик старался даже не дышать. Набрав в рот воздух, он застыл на несколько мгновений, после чего его лицо покраснело и Отто был вынужден с шумом выпустить воздух. В другой момент Людвиг, возможно, посмеялся бы над оплошностью брата, но теперь ему было не до смеха.

В этот момент раздался тихий свист, и из-за кустов показался Альберт.

— Прошу вас, господа, ваше приказание насчет разбойников выполнено, — Альберт с достоинством поклонился принцам, показывая, что дальше они должны идти сами.

Не зная, что и подумать, Людвиг выступил первым, прикрывая собой Отто. С деланным достоинством и хладнокровием он прошел несколько шагов до куста орешника и, обойдя его, был вынужден закричать, от страха застыв на месте.

То, что увидел юный принц, могло бы поразить и взрослого. Сразу же за раскидистым орешником открывалась небольшая круглая поляна с двумя соснами на ней. Обычно на эти сосны, как на естественные столбы, фермер вешал гамак, в котором любила полеживать вечером его жена. Но сегодня на соснах висели избившие принцев близнецы. Людвиг узнал их по одежде и ярким рыжим шевелюрам.

— Я повесил их согласно полученному от вас, мой принц, приказу. Я казнил разбойников, нарушивших покой в принадлежащей замку деревне и оскорбивших действием ваших высочеств.

От страха ноги Отто подкосились, и он сел на землю. Людвиг вглядывался в тела повешенных, не в силах вымолвить ни единого слова. Вдруг представилось, что Альберт — коварный убийца, который не пожелает оставлять их с братом в живых. Шутка ли сказать, ведь они знали, что ужасное преступление совершил именно он, а значит, могут заявить о случившемся в полицию. С другой стороны, Альберт был человеком, исполнившим свой долг по отношению к будущему монарху. И это также нельзя было сбрасывать со счетов.

Людвиг вспомнил, как отец часто говорил ему, что многие из работавших в замке слуг до фанатиз-

ма преданы их семье. А значит, любой, пусть даже самый глупый приказ, высказанный наследником престола, для таких людей может означать лишь одно — они обязаны начать действовать. Если дело обстоит таким образом, значит, Альберт не палач, а жертва. И единственный истинный виновник тут сам Людвиг, давший необдуманый приказ.

Принц хотел уже объяснить все это Альберту, с тем чтобы испросить у него прощение, и затем постараться спрятать его от полиции, но в этот момент произошло самое страшное: один из повешенных протянул к Людвигу руку так, словно хотел схватить мальчика за горло. В тот же момент зашевелился другой повешенный. Они извивались, точно черви на лесе, шипя и извергая хулы.

Отто заорал, Людвиг заорал вслед за братом. Потом они бежали. Бежали так, словно по пятам их преследовали жаждущие крови вурдалаки вместе с упырями и волками-оборотнями.

Братья остановились, только влетев в замок и поднявшись в комнату Людвига.

— Ты думаешь, они ожили? Это он, Альберт, подшутил над нами. Я сам слышал, как его отец на прошлой неделе рассказывал, как можно фальшиво повесить человека, чтобы потом он напугал всех. Нужно закрепить ремень в подмышках, потом подвесить человека за этот ремень, а на шею надеть петлю, которая не будит его душить. Какие же мы с тобой глупые, — Отто старался отдышаться. — А я еще и бежал, — он засмеялся. — Чертов Альберт, так нас надуть. А ведь, получается, что они, ну близнецы и он, заодно.

Людвиг думал. Было обидно, что собственный слуга так жестоко посмеялся над ним. Людвиг опустился на изразцовый пол, чувствуя его приятную

прохладу. За окном садилось солнце, его рыжие лучи прочертили на стене широкую полосу.

— Я думаю, что мне следует отметить Альберта в приказе, — спокойным голосом произнес Людвиг.

— Этого предателя, который связался с нашими врагами и чуть не убил нас?

— Альберт действовал по моему приказу, а я должен был покарать разбойников, — четко произнес Людвиг. — Казнь через повешение. Преступники были казнены. И ты сам видел их тела. То, что потом они вдруг ожили, так этому есть понятное объяснение. При жизни они были плохими людьми, поэтому Господь не принимает их к себе на небо. Возможно, они будут упырями, которые станут охотиться за людьми. Если на то будет воля Господа, то в скором времени мы отправимся истреблять этих слуг сатаны в составе рыцарей ордена Святого Георгия.

Людвиг поднялся и, снисходительно поглядев на брата, вышел из комнаты.

На следующий день он велел собрать прислугу и объявил, что намерен в будущем приблизить к себе отличившегося Альберта и произвести его в офицеры. После чего был дружелюбен и добр с прекрасно понимавшим, что его следовало выпороть на конюшне, а не отличать при всех Альбертом.

Приблизительно через неделю после фальшивого повешения близнецов с фермы Хорс и повышения Альберта до положения личного друга наследника престола в Хохеншвангау приехал бывший король Людвиг Первый, который выслушал объяснения обоих внуков и принял меры. Рентный договор с отцом близнецов был спешно прекращен. Что же касается иуды Альберта, то конюх

получил ясный приказ выпороть его, придравшись к чему-нибудь не имевшему отношения к существу разбираемого дела.

Призрак собственного замка

Несмотря на то что Людвиг и Отто постоянно играли вместе, они были мало похожи друг на друга. Отто рос веселым и шаловливым мальчуганом с румяными щечками и озорными глазками, в то время как Людвиг больше любил читать или скакать на коне по горным тропам.

Верховая езда — вот, наверное, то единственное, что сплачивало братьев.

Однажды Отто как обычно увязался за Людвигом, когда тот собирался на конную прогулку, это случилось приблизительно через неделю после злополучной «казни у озера». Спеша и боясь, что брат ускачет без него, мальчик не обратил внимания на прохудившийся ремень, на котором держалось седло, и вывалился из него, неудачно ударившись о землю и сломав при этом руку. Пришлось возвращаться с плачущим и молившим добить его братом домой. Но и там беде принца Отто не смогли помочь. Требовалось вмешательство профессоров из Мюнхена. Поэтому замковый доктор и королева в сопровождении небольшой свиты спешно отправились в Мюнхен, телеграфировав по дороге королю о случившемся несчастье и своих дальнейших действиях.

Как ни просился сопровождать брата в столицу Людвиг, это не было ему позволено. И вот теперь он остался полным королем и властелином в своем родовом замке.

Точнее сказать, власть нового короля началась в полночь, когда прислуга и гувернанты видели десятые сны, а стража несла свою службу. Людвиг поднялся и, не одеваясь, как был в одной рубашке, выглянул в коридор. Там было темно. Со стороны большого холла, иногда используемого для танцев и приема гостей, сочился лунный свет. Людвиг живо представил себе, что находится в незнакомом ему замке — в замке рыцаря Грааля Лоэнгрина или его отца Парсифаля. Увлеченный игрой кронпринц шел, касаясь рукой стены, которая вдруг сделалась незнакомой на ощупь.

Слушая ночные звуки, он добрался до окна в гостиной, посидел на широком подоконнике, слушая прилетевшего под окно соловья, потом отправился в зал Рыцаря Лебедея. Через широкие окна лунные потоки света лились, подобно прозрачным покрывалам небесных дев.

Людвиг двигался вдоль картин, красиво поворачиваясь в ритме игравшей лишь для него одной призрачной скрипки. Он танцевал перед портретами предков, воспринимая теплоту ночи и радуясь этим новым ощущениям.

Потом замок Лоэнгрина вдруг вернул себе более привычные очертания Хохеншвангау, но сам Людвиг теперь сделался призраком в замке, случайно забредшим сюда горным духом.

Всю ночь напролет наследник престола путешествовал по замку и наутро заснул с блаженной улыбкой, едва донеся свое уставшее тело до постели.

На следующую ночь повторилось то же самое. Людвиг изучал ночной замок, спускаясь и поднимаясь по лестницам и открывая одну за другой двери служанок и придворных дам. Несколько раз он подкрадывался к комнате стражи, где подслушивал

не интересные ему разговоры, рассчитывая узнать через них тайну высшего бытия и божественного порядка вещей. К утру он вернулся в свою комнату, после чего его еле добудились.

Третью ночь счастливый своей безнаказанностью Людвиг начал перекидывать с места на место вещи прислуги, для того чтобы потом днем послушать, как отнеслись к его невинным шалостям. На стол одной из придворных дам, француженки, впервые рассказавшей кронпринцу о Людовике Четырнадцатом и заставившей полюбить его абсолютной любовью, Людвиг положил белую розу, заранее сорванную в саду.

Целую неделю во время отсутствия матери и брата Людвиг был ночным властелином Хохеншвангау и властелином мира. Его ночные странствия были обнаружены чисто случайно отправившимся на ночное свидание к камеристке королевы стражником. После чего комендант замка пригласил к Людвигу врача из соседнего замка Берг, который должен был сделать полный медицинский осмотр кронпринцу и вынести свой диагноз, позволивший посадить шалуна под домашний арест и закормить его в назидание пилюлями.

Какого же было удивление врача, когда Людвиг вдруг встал перед ним в величественную позу, коей он научился у портрета короля Людовика Четырнадцатого — Короля Солнца, заявив, что никто не имеет права без особого на то разрешения дотронуться до особы королевской крови, коей, без сомнения, является наследник престола!

Не знающий, как поступить в таком случае, доктор спасовал, и Людвиг, воспользовавшись замешательством противника, сообщил, что за ослушание того ждет смертная казнь. Добрый старый доктор,

конечно, с удовольствием отшлепал бы зазнавшегося мальчишку, из-за которого он не мог исполнить своего долга, но с другой стороны, посулы юного наследника Баварии показались ему не столько фантастичными, сколько реальными. Поэтому он решил никуда не спешить и отправил телеграмму в Мюнхен, описав Максимилиану Второму положение дел и испрашивая письменного разрешения на осмотр кронпринца.

За то время, пока шла переписка и из Мюнхена не пришел приказ за подписью короля и скрепленный его личной печатью, Людвиг как следует выспался и предстал для осмотра уже будучи здоровым и примерно отдохнувшим, так что его было просто невозможно посадить под домашний арест как больного ребенка.

Тем не менее доктор надолго запомнил, каким невероятным, почти что божественным огнем запылали вдруг глаза юного кронпринца, когда тот запретил дотрагиваться до него под угрозой смертной казни.

Дорога на Мюнхен

Людвигу было шестнадцать лет, когда дед пригласил обоих внуков с их матерью в Мюнхен на премьеру оперы Вагнера «Лоэнгрин». Королевское семейство и раньше частенько выбиралось в театр, который оба брата обожали, считая за счастье увидеть новый или полюбившийся спектакль, послушать гастролеров.

Из Хохеншвангау они выбрались за день, чтобы успеть отдохнуть во дворце Людвиг Первого или в королевской резиденции, если на то будет во-

ля короля. Максимилиан по-прежнему не баловал вниманием жену и детей, так что его хоть и поставили в известность, но никто особо ни на что не рассчитывал.

Февраль выдался холодным, но братья в один голос уверяли королеву-мать, что небольшой морозец для них не страшен, и если Ее величество соблаговолит надеть на себя теплую шубу и положить к ногам грелку, то всю дорогу ей будет казаться, что за окнами жаркое лето или, по крайней мере, весна.

Оба молодых человека намеревались прибыть в столицу на конях, в чем им решительно было отказано. В планы короля Максимилиана не входило представление своих сыновей народу, а значит, и в театр семья Виттельсбахов должна была прибыть инкогнито. В одной коляске или в одной машине, не называя своих настоящих имен и не останавливаясь в гостиницах, где могли спросить их документы.

Вся эта секретность угнетала наследника престола, который желал почестей и славы. Он мечтал, как в один из дней предстанет перед своим народом и добьется его любви. О, он хотел служить своему народу, сделав его жизнь прекрасной и удивительной. Людвиг мечтал подарить своим подданным все самое лучшее, что только может дать им король. Лучшие законы, самые гуманные и благородные, основанные на уставах рыцарских орденов, которые он любил перечитывать. Школы для детей, новые церкви во славу Божью, театры, музеи, библиотеки.

Не зная и не имея возможности лучше узнать нравы своих будущих подданных, Людвиг хотел одарить свой народ тем, что было дорого ему самому,

наивно полагая, что, поделившись самым драгоценным, он сумеет угодить всем, сделавшись благословением для страны.

Вместе с матерью и братом они сели в коляску, накрыв колени теплым одеялом, и двинулись в путь. Людвиг смотрел на заснеженные леса и поля. На снеговые шапки гор, представляя, что где-то там за горными пиками и облаками можно разглядеть небесную страну Святого Грааля, которой он грезил днем и ночью.

— А ты знаешь, мой дорогой, — голос матери неожиданно вывел его из задумчивого состояния, — в газетах сообщали, что Рихард Вагнер написал либретто «Лоэнгрина» в тот год и в тот день, когда родился ты. Не правда ли — странно... В тот год на наше озеро впервые за много лет вдруг прилетели лебеди, отчего я невольно назвала этот год Лебязьим.

— В день моего рождения?! — Людвиг удивленно воззрился на мать. — Вы уверены в этом?

— Газеты писали, — королева потянулась к сыну и поправила его прекрасные черные вьющиеся волосы. Удивительной красоты был ее старший сын — принц из сказки, о котором она мечтала, еще будучи маленькой девочкой. Черные пышные волосы, которые можно было не завивать, потому что они и так лежали красивыми блестящими локонами, и голубые холодные, словно две льдины, глаза. Светлое чистое лицо принца было без веснушек или родимых пятен. Несмотря на подростковый возраст на нем не было ни единого прыща. Людвиг был прекрасно сложен — высокий и стройный, с широкими плечами и ровной прямой спиной. Казалось, в нем не было ни единого даже самого крошечного недостатка. Он был

совершенным, и это совершенство почему-то страшило королеву Марию Прусскую, в замужестве Виттельсбах.

«Он так нереально прекрасен, что ему не жить в этом мире, — с грустью думала королева. — Мир не любит совершенства, идеальная красота обманчива и несет в себе горе и разочарование. Какую же каверзу припасла судьба для моего прекрасного ребенка? Судьбу обожаемого им Лоэнгрин, который не задержался в этом мире даже для того, чтобы жить с любимой девушкой, чтобы управлять герцогством. Нет, Лоэнгрин вознесся в страну Грааля, а мой сын сделается королем Баварии, чего бы мне это ни стоило. Он красив, благороден, у него чистое сердце и ясный ум — у него будет все: и любовь, и деньги, и слава. Пусть хотя бы он будет счастлив».

— Матушка, что-нибудь не так? — обеспокоенный долгим молчанием королевы Людвиг поцеловал ее руку.

— Все прекрасно, дорогой мой. Все просто прекрасно. Я думаю о сегодняшней опере, о Лоэнгрине и о тебе.

— Не правда ли, мамам, Людвиг похож на Лоэнгрин? — встрял в разговор молчавший до этого Отто.

— К сожалению, да, — вздохнула королева.

— Отчего же к сожалению? — поднял красивые брови Людвиг.

— Оттого, что мир не принял рыцаря Грааля, принца заоблачной страны, и ему пришлось возвращаться к себе на небо, — пояснила мать. Ей не нравился разговор.

— А разве не к этому учит стремиться церковь? Разве наша цель не возвращение в прекрасный

Эдем? В страну Грааля? — Людвиг встряхнул прекрасными кудрями и посмотрел на серое небо.

— Все так, дитя мое. Но лучше чтобы это произошло попозже, после того как ты проживешь долгую и интересную жизнь. Продлишь наш род, оставив после себя прекрасных детей, которые унаследуют престол и продолжат начатое тобой дело.

— Мое дело? — Людвиг казался застигнутым врасплох. — Значит, у меня должно быть свое дело. Моя миссия, которую я должен выполнить и завещать своим детям... Но что это за миссия? Что это за дело?

— Когда-нибудь ты сам ответишь на свои вопросы, — королева улыбнулась, обнимая сразу двух своих сыновей. Ей было приятно, что разговор удалось-таки повернуть на более приятную тему. Кроме того, она понимала, что с этими вопросами ее старший сын отправится ни к кому другому, как к деду. А тот уже давно ищет удобного случая, для того, чтобы посвятить внука в рыцари и частично раскрыть перед ним древнее предсказание.

Ведь именно он — великий магистр, уже давно исподволь старается внушить Людвигу страсть к прекрасному. Людвиг вырос в Высоком лебедином краю в окружении древних легенд, лесов и гор, которые до сих пор помнят рыцарские времена, пропитанные сказаниями о подвигах и славе.

По приказу Людвига Первого лучшие художники Мюнхена заново расписывали замок. Сам великий Морис фон Швинд, о котором говорили, что он «Шуберт в живописи», трудился в Хохеншвангау. Кристиан Рубен, Михаэль Неер, Лоренц Куаглио и другие, чьи имена королева давно позабыла и на чьи творения продолжала любоваться, испытывая всякий раз ощущение чуда.

Больше всего в замке маленький Людвиг любил находиться в зале Рыцаря Лебеда Лоэнгринна, любимого героя принца. Там было создано настоящее царство лебедей. Прекрасные белые птицы были не только на картинах и в произведениях настенной живописи. Ручки дверей были сделаны в виде красиво выгнутых лебединых шей, изящную столешницу поддерживали лебеди. Любой предмет в этом зале был так или иначе посвящен Лоэнгрину. Лоэнгрину, на которого был так похож Людвиг...

Начало пути

Дворец, в котором последние годы размещалась резиденция бывшего короля Людвига Первого, был более похож на добротный, ухоженный, но без новомодных излишеств дом. Кряжистый и широкий в боках, он напоминал сидящего на скамейке бюргера и больше подошел бы фермеру или зажиточному ремесленнику, но только не королю и магистру ордена.

Тем не менее бывший король очень гордился своим старым домом, который, по его словам, еще должен был дать фору многим современным постройкам, а возможно, и пережить некоторые старые замки, если, конечно, их владельцы не будут ухаживать за ними надлежащим образом.

Раньше вместе с дедом в Мюнхене жила и бабушка — экс-королева Баварии Тереза Саксен-Альтенбургская. Людвиг помнил вечно одетую в темные платья с глухими воротами и смешные старомодные чепцы бабушку Терезу. Маленькому Людвигу и в голову не могло прийти, что эта морщинистая и больше похожая на фарфоровую куклу, нежели на гроз-

ную королеву, женщина могла когда-то носить на своей голове корону.

Бабушка обожала заводные игрушки и механизмы. Получив как-то в подарок от короля Максимилиана новейший телескоп, старушка тут же подобрала юбки и, кликнув служанку, посеменила к лестнице на крышу. В считанные минуты прислуга оборудовала для экс-королевы замечательный наблюдательный пункт, где она и просиживала с той поры по полночи, пока дождь или ворчание мужа не выгоняли ее из звездной обители.

Воспитанная в строгой семье, бабушка Тереза в детстве не имела своих кукол, так как ее отец считал, что малышке, с ранних лет просватанной за Людвига Виттельсбаха, не подобает терять время на подобные некоролевские занятия. Зато теперь бабушка Тереза баловала себя куклами, умеющими открывать и закрывать глазки; танцующими для нее менуэт; украшающими часы в виде замка; куклами-рыцарями, дерущимися на мечах.

В коллекции бабушки Терезы было множество дорогих и самых дешевых кукол и механизмов, которые она обожала. Но настоящую страсть ее вызывали музыкальные шкатулки, сделанные из красного дерева обязательно господином Райтом из лавки «Райт и сыновья». Поэтому король взял себе за правило дарить ей эти шкатулки на годовщины свадьбы. Так что каждый год 12 октября бабушка Тереза ждала новую шкатулку, загодя подготавливая для нее почетное место в своем модном застекленном шкафу.

Теперь, когда бабушки Терезы не стало, шкатулки и механические куклы живо напоминали внукам о ней.

Потеряв жену, с которой он прожил сорок четыре года, бывший король Людвиг заметно сдал.

Он тосковал без семьи, ненавидя сына, выросшего тупым солдафоном, и не имея возможности перебраться в Хохеншвангау поближе к внукам, так как это могло вызвать неудовольствие Максимилиана, а значит, он мог просто запретить старику видеться со своей семьей.

После того как юный Людвиг поступил в Мюнхенский университет, они с дедом стали встречаться чаще. Эти встречи согревали душу старика.

В тот день королева Мария, оба ее сына — старший Людвиг и младший Отто, а также и их дед, бывший король Людвиг Первый, собирались посетить Мюнхенский театр, где давали премьеру «Лонгрина».

Умывшись и переодевшись во фраки, мальчики уже ждали маму и деда, нетерпеливо ерзая в карете. Старик остановился у лестницы, для того чтобы подать руку невестке. Та вежливо улыбнулась ему. С самого приезда они не имели возможности переброситься и парой слов, в то время как и магистру ордена Святого Георгия, и верному адепту ордена сестре Марии было что сказать друг другу.

— Удалось ли вам немного отдохнуть с дороги, мой друг? — Людвиг Первый склонился перед королевой, чей лоб прорезала горизонтальная полоса, как раз такая, какую обычно может оставить только корона, хотя все знали, что Мария Прусская — королева лишь формально. В то время как король делит постель и власть со своими фаворитами и фаворитками.

— Благодарю вас, я слегка освежилась и прекрасно себя чувствую, — королева Мария слегка присела в реверансе, не глубоком, но и не легкомысленном, что было бы небезопасно на лестнице.

— Людвиг, я полагаю, счастлив тем, что сегодня он, наконец, услышит оперу о своем любимом рыцаре, — король сделал акцент на слове рыцаре, не сводя глаз со лба своей невестки. Время от времени он явственно видел на нем царственный венец. Венец высшей, неземной власти.

— Людвиг обожает все, что связано с рыцарством, с благородством, с благородной миссией, ради которой он, возможно, рожден на этот свет. Всю дорогу до Мюнхена мы говорили с ним о его миссии, и он умолял меня открыть ему его предназначение, — Мария улыбнулась. — Какой смешной мальчик.

— Открыть миссию. Свершилось, — одними губами прошептал бывший король.

— Свершилось, — так же тихо подтвердила королева. — Людвигу уже шестнадцать лет, и он хочет знать правду.

В дверях служанка набросила на плечи королевы меховую накидку, аккуратно, чтобы не попортить прическу, водрузила ей на голову капюшон.

— Как вы прекрасны сегодня, дорогое дитя, — король обнял маленькую Марию за плечи, церемонно поцеловав в лоб. При этом он явственно ощутил, как его губы коснулись холодного, невидимого венца, а на губах при этом остался привкус золота.

Лоэнгрин — призрачная вечеря

Не считая Хохеншвангау — высокого лебяжьего края, театр был любимым местом Людвига. Но если замок был домом его и его любимых героев, был местом силы и земного притяжения, где в зале Рыцаря Лебедя Людвиг мог часами просиживать воз-

ле статуи Лоэнгринна. Театр был храмом — источником наслаждения и связанной с этим самым наслаждением неземной грусти по красоте, которой не суждено когда-либо появиться в нашем грубом мире. О красоте, которая никогда не спасет мир, потому что несовершенный мир погибнет от стыда за свое безобразие и уродство, коснись его такая сила, как божественная красота.

Людвиг любил красную обивку кресел и богатые бордовые с золотыми кистями занавески на дверях и в ложах. Любил тяжелый занавес мюнхенской оперы и то, как по нему пробегала едва уловимая дрожь.

Но в этот памятный день, 2 февраля 1861 года, Людвиг был поражен до глубины души неповторимой вагнеровской музыкой, которая то вовлекала его в свои пучины, втягивая и поработывая, так что принц терял сам себя, не в силах отличить мир реальности от мира, открывавшегося ему со сцены. Наконец, он перестал сопротивляться, позволяя божественным аккордам пронизывать себя насквозь. Когда опера закончилась, околдованный Людвиг не смог сразу подняться на ноги, настолько сильным оказалось впечатление от музыки.

О том, что великий композитор, в чьем гении Людвиг сразу же уверился, был беден, принцу сообщил его дед, когда на обратном пути они все устроились в экипаже. Услышав ужасное признание, прекрасные глаза принца увлажнились слезами.

— О, почему я не король, почему я не богат?! — шептал он, рассеянно следя за узорами, оставляемыми дождливыми каплями на стекле экипажа. — Я бросил бы все свое золото к ногам этого бога — Вагнера, который открыл мне сейчас целый мир! Я бы приблизил его к себе, окружив заботой и вни-

манием, с тем чтобы ничто, никакие тяжелые думы или неприятности не помешали ему творить музыку, я бы...

Внезапно он отер слезы и, отвернувшись от окна, встретился взглядом с давно следившим за ним дедом.

— Клянусь и присягаю, что, когда я стану королем Баварии, первое, что я сделаю, я повелю отыскать маэстро Рихарда Вагнера и подарю ему роскошный дворец и театр, который будет только его театром. Я так сделаю, потому что это мой святой долг, я должен сделать все возможное, чтобы на моей родине каждый человек имел возможность слышать эти божественные звуки и приобщаться к высокому!

В этот же приезд в Мюнхен Людвиг должен был вступить в орден Святого Георгия, сделавшись рыцарем.

Ему было всего шестнадцать лет. Нежный и мечтательный юноша. Несмотря на то что дед обещал, что за ним заедут после завтрака, Людвиг решил поститься сутки. Кроме того, ночь перед посвящением он намеревался провести в молитвах и медитации, которой научил его дед.

Впечатлительный, как и все Виттельсбахи, Людвиг ждал своего часа в дедовой библиотеке, вспоминая сцену за сценой прекрасный спектакль, в его ушах все еще звучала музыка Вагнера, а перед ним лежали либретто опер, которые наследник престола купил для себя в театре.

Начав ночь с молитв, он невольно обратился в своей душе сначала к гению композитора, а затем к рыцарям и королям прошлого, которых и собрал вокруг себя в эту значимую для него ночь.

Выдвинув на середину зала стол и расставив вокруг него стулья, силой своего воображения Людвиг сначала рассортировал на нем великолепные блюда, напитки, украсив все это цветами. В ночь перед своим посвящением в рыцари он желал говорить со своими легендарными предками, которые должны были радоваться вместе с ним.

— Я читал, что в XII веке пфальцграфу Оттону фон Виттельсбаху Фридрих Барбаросса присвоил титул герцога Баварского, — величаво устроившись в дедовском кресле, изрек Людвиг, окуная свои слова в ночь, от которой он желал получить ответ. Но ночь молчала, поэтому Людвиг продолжил. — Я хотел бы предложить первому герцогу Баварскому Оттону фон Виттельсбаху этот скромный ужин, устраиваемый находящимся на искусе кандидатом, перед тем как тот сделается рыцарем.

Юноша закрыл глаза, слушая, как по дорогам сновидения на его зов устремился всадник в кожаных доспехах с металлическими нашивками и в алом, подбитом черным мехом плаще.

— В истории нашего рода я прочел, что в 1422 году Иоганн фон Виттельсбах пригласил в Мюнхен живописца Ван-Эйка, так что я благодарен моему предку за этот выбор и великолепному художнику — за выполненную им работу. Поэтому силой, дарованной мне жизнями предков, я вызываю герцога Иоганна фон Виттельсбаха и художника Ван-Эйка. Располагайтесь, господа, — Людвиг вздохнул. Ему нравилась идея пира перед посвящением, и хоть сам он с рассвета не вкусил хлебной крошки и не выпил и глотка воды, он чувствовал во рту вкус изысканных блюд, и его голова кружилась от выпитого шампанского.

— Я бы хотел призвать сюда из бездны или рая моего предка Максимилиана Иосифа Первого, который стал первым Баварским королем, получив корону от Наполеона Первого, с присоединением к Баварии части Тироля. Я приглашаю моего прадеда Максимилиана Иосифа Первого, не только потому, что начиная с него мои предки носили корону Баварии, которая в один из дней будет возложена и на мою голову, а потому что король Максимилиан Иосиф Первый был страстным любителем живописи и скульптуры, примеру которого хочу следовать и я. Прошу вас, король, почтить присутствием мой скромный ужин. Выражаю почтение и преклонение перед вами. Потому что именно вы, Ваше величество, приобретали прекрасные мраморные статуи и картины для нашей галереи, без которых я не представляю своей жизни.

Я бы желал пригласить сюда и моего деда, магистра ордена Святого Георгия, которого я люблю всей душой и перед которым я предстану завтра на посвящении, но боюсь, что ему будет сложно пировать с нами всю ночь, а затем заниматься обязанностями, возложенными на него орденом. Тем не менее я хотел бы перед всем собранием высказать, как я благодарен моему деду за то, что он построил многие великолепные здания, украсившие Мюнхен в греческом и итальянском стилях.

Я не приглашаю на эту вечерю ни моего отца, Максимилиана Второго, ни дядю Отгона, бывшего короля Греции, и никого из живущих родственников.

Разместив родственников, Людвиг встретил прибывших в роскошных каретах, на лошадях и прилетевших по воздуху на волшебных повозках, запряженных лебедями любимых героев легенд.

Теперь, когда все гости были в сборе и король заоблачной страны Грааль сел по левую руку от Людвига, а прекрасная Эльза по правую, Людвиг сбросил с себя маску шестнадцатилетнего подростка, преобразившись в Лоэнгринна.

В эту ночь он был остроумен и очарователен. Он пел и громко декламировал стихи, его прекрасная невеста была образцом изящества и красоты. То и дело Людвиг-Лоэнгрин замечал, как тот или иной рыцарь застывал на месте, пораженный ее красотой, грацией и благородством.

И Людвиг-Лоэнгрин хотел было скрестить шпаги с кем-то из гостей или вызвать на рыцарский поединок любого из желающих оспорить его право жениться на прекрасной владычице Брабана, но вовремя одумался. Его Эльза не могла изменить ему, так как ложь и сомнения были не свойственны ее чистой душе.

Целуя пальчики прекрасной невесты, Людвиг-Лоэнгрин еще раз попросил ее руки и получил восторженное согласие. Принц был готов немедленно отправляться вместе с Эльзой в главный собор вневременного царства Грааля, но старый король Максимилиан Иосиф Первый опередил его, назначив день венчания, которое должно было состояться после рыцарского посвящения и восшествия Людвига на престол.

Принц и его юная возлюбленная были готовы разрыдаться, ведь никто не знает, когда король Максимилиан Иосиф Второй — отец Людвига, оставит этот мир, освободив трон для старшего сына, а значит, свадьба может оказаться отложенной на многие годы.

Встревоженный подобной перспективой, принц попытался возразить прадеду, умоляя изменить решение и назначить более определенную дату.

На что Максимилиан Иосиф Первый похлопал наследника Баварии по плечу, сообщив, что тот вступит на престол в возрасте восемнадцати с половиной лет, а следовательно, ждать остается чуть больше двух лет.

Поняв, что с предками спорить бесполезно, Людвиг был вынужден смириться, признав, что два года — это, в сущности, не такой огромный срок. И два года он и его прелестная невеста как-нибудь выдержат. На самом деле еще больше, чем появление в библиотеке столь высокого собрания и назначения даты собственной свадьбы с девушкой, которую Людвиг знал лишь по старинным легендам, взволновало его известие о смерти отца.

Правда, прадед не сказал напрямую, что отец умрет, дед Людвига в свое время отрекся от престола в пользу сына. Но принц прекрасно знал своего отца и понимал, что тот не отречется от престола добровольно, а значит, через два с половиной года отца не станет.

Он хотел было спросить о других своих родственниках, выяснить, как сложится его жизнь и когда он встретит Эльзу в жизни, но мысль о смерти короля так захватила его, что Людвиг, сам не ожидая от себя такого, разрыдался.

Он оплакивал отца, которого все еще, несмотря ни на что, любил. Странно, Людвиг и не знал, что любит этого человека. Отца семейства, который изредка навещался пообщаться со своей семьей и не позволял проявлять мельчайшие движения души. Человека, который боялся как огня того, что жена или дети могут любить его или нуждаться в нем. Человека, который на самом деле остро нуждался в любви и от любви бежал. Людвиг любил его, прощая и отпуская заранее.

Орден Святого Георгия

Когда горизонт посветлел и призрачные гости покинули библиотеку, Людвиг был готов к посвящению, к жизни и к смерти.

За одну ночь он сделался обладателем откровения, которое жгло его сердце, делая юного принца старше.

Он умылся и, не завтракая, дождался в своей комнате присланных за ним дедом господ, имен которых он не знал.

Ожидая, что за ним явятся одетые в традиционные орденские плащи рыцари, Людвиг был несколько разочарован, увидев перед собой двух военных, один из которых был в чине капитана, а другой — лейтенанта. Они сели в автомобиль деда и тронулись в путь.

По дороге, желая произвести приятное впечатление на принца, его спутники рассказывали анекдоты, над которыми сами же и смеялись. Людвигу было не до смеха. Он отвернулся к окну, пытаясь представить себе, будто скачет на коне или хотя бы находится в королевской карете, везущей его в собор или дворец, занимаемый орденом.

Вскоре автомобиль остановился около здания в греческом стиле с колоннами, рядом с которым размещалось кафе «Шоколадница» и табачная лавка. Капитан первым вышел из автомобиля и, поднявшись по ступенькам крыльца, позвонил в дверь. Ему открыли, и вскоре вся компания оказалась в полутемной передней.

Открывший швейцар был одет в обыкновенную ливрею, какие часто можно заметить на швейцарах, работающих в богатых домах и даже гостиницах. И снова ничего хоть сколько-нибудь говорящего о том, что здесь собираются рыцари.

Ни лат, ни плащей, знамя с эмблемой Святого Георгия на стене. Люди в вицмундирах, светских фраках. Несколько женщин, одетых по последней моде. Они стояли какое-то время молча, выжидая какого-то знака. Наконец лакей открыл двери зала, в котором, по всей видимости, и должно было состояться посвящение.

Вошли десять человек. Остальные продолжали чинно стоять, ожидая своей очереди. Не зная, как себя следует вести в подобной ситуации, Людвиг старался делать то же, что делали и остальные. То есть ничего не делал.

На полу стояли две китайские вазы с искусственными цветами в них, от нечего делать Людвиг принялся было изучать нарисованных на одной из ваз шаловливых птичек, но тут пригласили его.

Оправив безупречный костюм, принц прошел в зал, вздернул подбородок и выпрямил спину, словно на параде.

Его уже ждали. Вошедшие первыми десять рыцарей стояли полукругом. На небольшом подиуме, немного напомнимшим Людвигу сцену, возвышался дед Людвига. Старик единственный из всех участников этого странного действия был одет в полотняные белые одеяния, точно такие, в каких обычно изображаются пастухи, пришедшие поглядеть на новорожденного Иисуса на рождественских картинках.

Людвиг улыбнулся ему и бесстрашно занял указанное ему место.

Нет! Решительно, после ночи пира и получения тайных знаний судьба решила посмеяться над принцем. Зал не был убран свечами, да и вообще это был не церковный, а вполне светский зал с портретами важных господ, вазами с цветами и бюстами знаменитых философов.

Было светло от огромных, занавешенных легкими маркизами, окон. С тоской Людвиг попытался упереться взглядом в стену, но тут же обнаружил пятно и отвернулся.

Дед начал читать заготовленную речь, Людвиг рассеянно слушал его, понимая, что все его возвышенное настроение рассыпается на мелкие частицы.

«Какие рыцари? Какие посвящения? Все обман и пустая трата времени. Все давным-давно утрачено, исчезло, испарилось, — сетовал про себя принц. — Разве так посвящали в рыцари в давние времена?! Нет даже меча — какой позор! И это они называют посвящением в рыцари!»

Он был готов расплакаться от досады или наговорить дерзостей, но природное воспитание не позволило ему скатиться до такого свинства.

«Успокойся, правнучек, — прозвучал вдруг в его голове голос первого короля Баварии. — Рыцарство — не в доспехах, не в оружии. Будь честным рыцарем, помогай слабым, защищай обиженных, заступайся за сирых и убогих. Живи по Нагорной проповеди. И твое будет царствие небесное, — старый король рассмеялся, сквозь его величественную полупрозрачную фигуру современные рыцари казались живыми карикатурами. — Ты хотел, правнучек, чтобы за тобой прислали рыцарей в латах? Не смейся. В ваше-то время... Далек бы они прогарцевали с копьями и мечами, до первого полицейского, пожалуй. Сам, что ли, не понимаешь. Если в душе ты рыцарь — меч при тебе, шпага, револьвер или в руках твоих пустота, — ты все равно останешься рыцарем».

«Но я же хотел, чтобы все было красивым! Возвышенным! Чтобы на всю жизнь запомнилось», —

Людвиг попытался сглотнуть вставший в горле комок, подняв глаза на читающего свою речь деда, да так и застыл с открытым ртом. Зал, в котором они находились, преобразился, сделавшись огромным. Серые своды устремлялись к небу, теряясь в необозримой дали. Вокруг горело множество свечей, распятый Христос словно пытался обнять своими расставленными руками все живое. И свечи, свечи крепились на стенах, подобно сталактитам росли из пола, каким-то непостижимым образом висели в воздухе.

Людвиг ощутил запах ладана и восточных благовоний. Голос магистра разносился по величественному собору, и ему вторили голоса невидимых певчих. Зазвучал орган. Стоящие полукругом рыцари сверкали золотом и серебром своих доспехов, с плеч их ниспадали шелковые плащи рыцарей ордена Святого Георгия.

Магистр дочитал до последней страницы и, обратившись к Людвигу, поднял меч. Юноша опустился на колени, хор запел громче, орган был почти оглушительен. Меч слегка коснулся его плеча, в этот момент прозвучал оглушительный удар грома, и Людвиг ощутил, как сквозь его тело прошла молния.

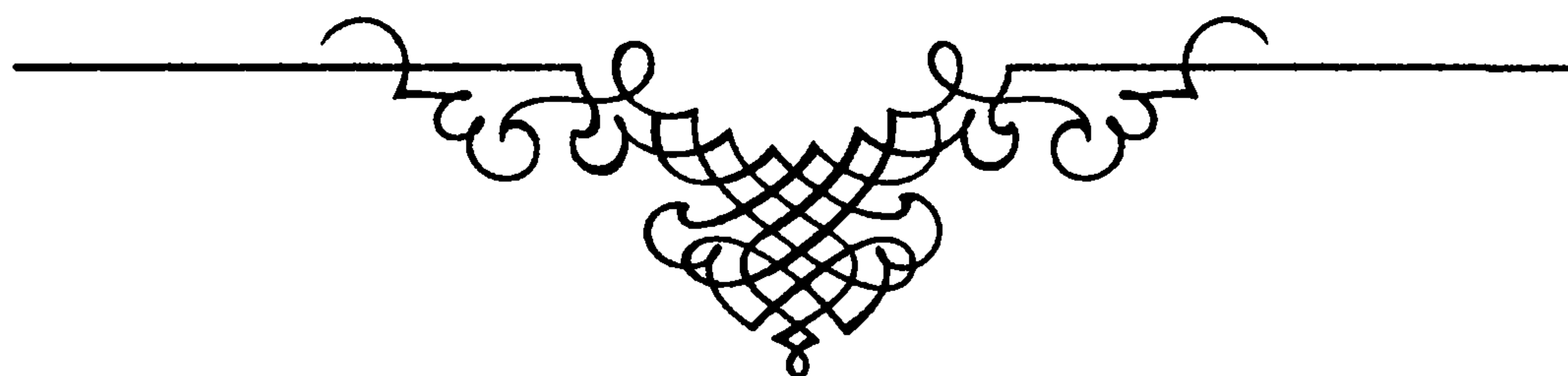
Испуганно он взглянул на магистра, пытаюсь понять, заметил ли он произошедшее, и чуть не закричал. Рядом с дедом справа стояла бабушка Тереза в призрачном плаще с музыкальной шкатулкой в руках. Слева в парадном платье и с золотой короной на голове Людвигу улыбалась мама. Никогда прежде Людвиг не видел маму такой красивой и величественной, как в тот день.

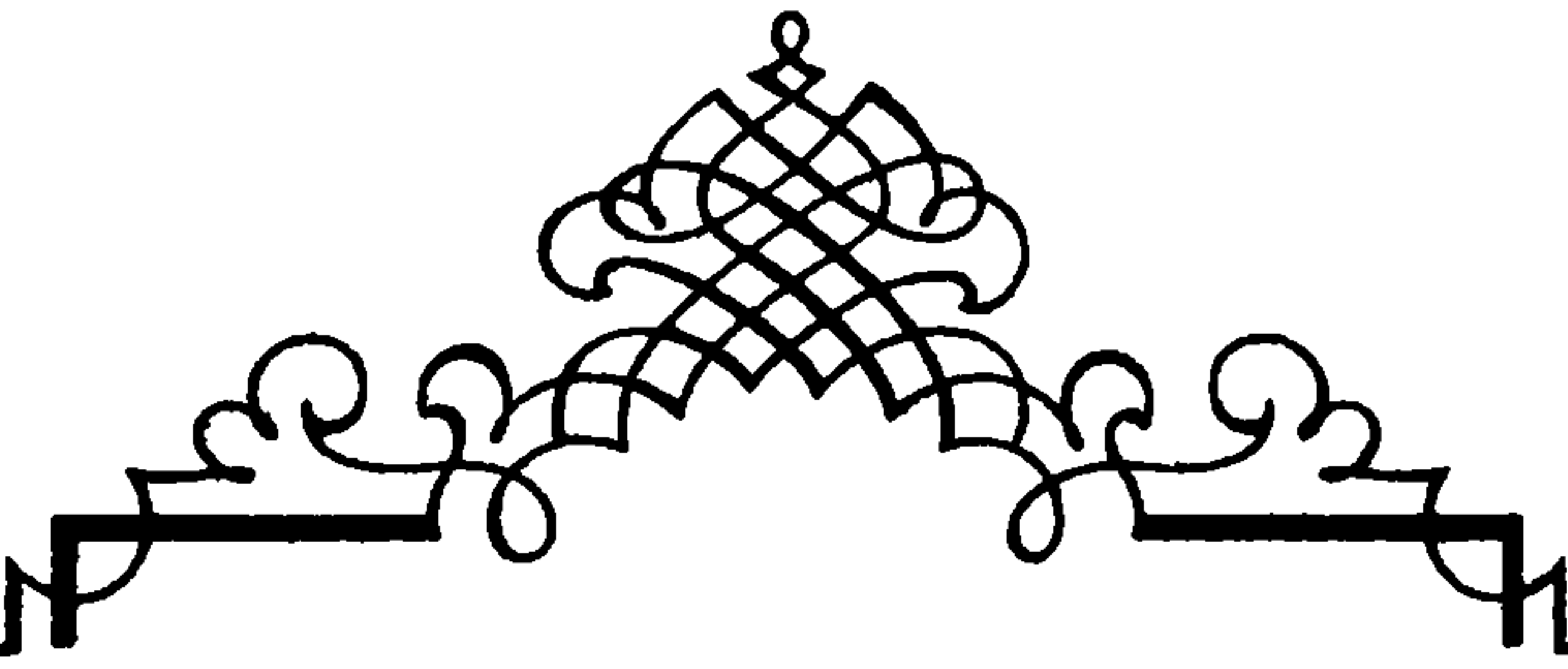
Людвигу разрешили подняться, но он не смог этого сделать сам, и двое рыцарей подняли его под

руки. При этом шкатулка бабушки временами заглушала собой орган.

Через несколько лет после посвящения в рыцари Людвиг с потрясающими подробностями описывал весь ритуал, отдельно останавливаясь на описании гербов, одеяния и драгоценностей присутствующих на нем особ.

Особенно понравилось деду описание короны на голове его невестки. Ведь это был именно тот призрачный венец, который видел на ней он сам. Так что магистр сделал для себя вывод, что внук унаследовал фамильную склонность Виттельсбахов к ясновидению. Попросив его между делом не распространяться о произошедшем на посвящении.

Часть вторая
КОРОЛЬ
ЛЮДВИГ ВТОРОЙ

Бродит юная монашка
В полной форме бедуинки,
Завернувшись в плащ суровый
Из грубейшей черной саржи
С острове́рхим капюшо́ном.
Вдоль по ре́йнским побере́жьям
По дороге в край Голландский
Быстро девушка шагает
И справляется у встречных:
«Где найти мне Аполлона?
В красной мантии он ходит
И поет под звуки лиры.
Он мой бог, мой милый идол!»
Но никто не хочет слышать.
Кто показывает спину,
Кто плечами пожимает,
Кто вздыхает: «Ах, дитя!..»

Генрих Гейне

Королевская власть

Когда Людвигу исполнилось восемнадцать с половиной лет, то есть через два с половиной года после таинственной вечера и посвящения в рыцари, как и было предсказано, умер его отец, король

Максимилиан Иосиф Второй, после которого трон унаследовал Людвиг.

Когда баварцы увидели своего нового короля, они были поражены — юный Виттельсбах был писанным красавцем под два метра ростом с черными, густыми, вьющимися волосами и голубыми глазами мечтателя.

Он держался так естественно и грациозно, говорил такие умные и интересные вещи, так галантно ухаживал за дамами и оказывал знаки внимания прибывшим на коронацию гостям, что публика тут же окрестила его принцем из сказки.

Верный клятве, едва взойдя на престол, Людвиг произнес свой первый приказ: как можно быстрее разыскать и привезти в Баварию маэстро Вагнера. Людвиг написал композитору восторженное письмо, обещав положить к ногам гения свою страну со всеми ее богатствами и человеческими дарованиями.

«Я мечтаю, чтобы вы жили здесь и создавали свои прекрасные оперы. О постановке же можете не беспокоиться — у вас будет столько денег, сколько их потребуется. Я приглашу тех художников, певцов и музыкантов, каких вы сами укажете мне», — писал он Вагнеру.

Людвиг был счастлив. Все газеты говорили только о нем, его постоянно фотографировали, у него и у его людей брали интервью. А он неумоимо рассказывал об операх Вагнера, который в скором времени поселится в Баварии, чтобы напитать ее пищей духовной, в которой та столь нуждается.

В это счастливое для себя время Людвиг подружился с Елизаветой Австрийской, с которой долгие годы затем состоял в переписке, что, без сомнения, добавило ему популярности.

Ни одна столичная газета не выходила без сообщений о самом юном в Европе короле. Как был одет Людвиг на балу у бургомистра, что он пил и что ел в гостях у министра финансов, что написал в альбом дочери капитана жандармов. Магазины и уличные лотошники торговали портретами Людвига. Каждая девушка в стране и за рубежом считала первейшей необходимостью украсить свой стол или альбом фотографией баварского короля. Вот он в военном мундире гарцует на вороном коне, вот стоит рядом с матерью или позирует фотографу в одном из залов Мюнхенской королевской резиденции, по стенам которого расположены фрески с героическими картинами из жизни своих предков.

И конечно же каждая девушка мечтала сделаться его обожаемой супругой и королевой Баварии или хотя бы временной, но счастливой избранницей. Мария Гогенцоллернская Прусская — королева-мать — настаивала на скорейшей женитьбе сына. Казалось вполне естественным, что жадный до внимания публики Людвиг сыграет на глазах многочисленных подданных свой очередной триумф — освещаемый в прессе выбор невесты, романтическую помолвку в современном или старинном стиле и, наконец, блистательную свадьбу.

Все складывалось как нельзя лучше, за спиной у сына королева возглавила комитет, целью которого был розыск подходящих кандидатур в будущие королевы Баварии.

Одной из кандидаток в невесты Людвига была четырнадцатилетняя русская великая княжна Мария, дочь императрицы Марии Александровны. Королю показали ее портрет, и он остался доволен нежным личиком княжны. Их встреча произошла

в Баварии, куда официально мать и дочь приехали на отдых. На самом деле единственно с целью знакомства с королем.

Людвиг был вежлив и обходителен с обеими дамами, так что его мать предполагала, что вскоре последует формальное предложение. Но время шло, а юный король, казалось, был более увлечен Марией Александровной, нежели ее дочерью. Умный не по годам Людвиг просто не знал, о чем разговаривать с Мари, казавшейся ему неразумной дитятей, которой впору еще в куклы играть.

Разрыв произошел неожиданно и, как казалось, не имел под собой сколько-нибудь твердой почвы. Однажды во время прогулки по парку в Мюнхене Людвиг рассказывал императрице о своей любви к операм Вагнера. На что дама простодушно ответила, что не понимает и не принимает творчество этого композитора, чьи оперы кажутся ей вульгарными, а музыка — излишне громкой.

Услышав нелестный отзыв в адрес своего любимца, Людвиг немедленно порвал все дружеские отношения с русскими дамами, не пожелав даже проститься с ними, когда мать и дочь уезжали обратно в Россию.

Были и другие претендентки в невесты, но неожиданно для всех Людвиг отклонил всех предлагаемых ему девушек, сказав, что сам уже подыскал себе невесту. Ею должна была стать его тетка герцогиня София, являющаяся дочерью Максимилиана-Иосифа, герцога Баварского и принцессы Людовики, сестры Людвига Первого.

В доказательство правильности своего выбора Людвиг поставил перед членами комитета портрет герцогини Софии, выполненный кистью одного из лучших художников Мюнхена.

«Вот достойная невеста короля!» — воскликнул Людвиг, с гордостью демонстрируя собранию милостивое личико невесты.

Смущение министров и членов комитета не знало границ, мало того что невеста приходилась жениху двоюродной теткой и была на два года старше Людвига, так ко всему прочему она и не могла похвастаться богатым приданым, была поэтессой и весьма экзальтированной личностью. Но король уперся, не желая уступать. Ведь в отличие от иноземных принцесс, портреты которых привозили Людвигу чуть ли не каждый день и о которых он не мог ничего сказать, кроме как красивы те или нет, очаровательную Софи он знал с самого детства, так как вместе с матерью и дедом они часто навещали ее в замке родителей Поссенгофен на Шванбергском озере, что недалеко от королевского замка Берг.

Приняв решение жениться, Людвиг велел срезать все цветы королевской оранжереи, погрузить их в кареты и, прихватив с собой музыкантов, отправился в замок на Шванбергском озере, где и сделал предложение уже извещенной срочным курьером о цели приезда короля Софи.

Прослышав о странной любви юного короля к русалкам и наядам, София подобрала зеленоватое платье и распустила свои изумительные волосы цвета меди, подколов их бриллиантовыми заколками, которые выглядели точно капли утренней росы в волосах юной и прелестной нимфы.

Нимфа — так называл ее Людвиг еще будучи мальчиком. София действительно вполне соответствовала вкусу своего жениха. Она была романтична и мечтательна, любила охоту и прогулки верхом. Могла часами плавать по своему озеру в одинокой лодочке и замороженно смотреть на воду.

София была поэтессой. Иногда в шутку обрядив дворовых девок в костюмы амазонок, заставляла их носиться по лесу с зажженными факелами. Все эти странности пленяли юного мечтателя, который видел в своей избраннице нежную и нуждающуюся в его трогательной заботе и внимании лилию, не подозревая, что на самом деле лесная нимфа может обернуться Дианой-охотницей, много лет выслеживающей свою добычу.

А добыча, надо сказать, стоила того, чтобы за ней и погоняться. Самый молодой и красивый король делал ей предложение руки, сердца и баварского трона. София не любила Людвига, а его общество было для нее чересчур утомительным, так как король знал много стихов наизусть и любил, когда его окружение умело хорошо декламировать, петь и поддерживать разговор на темы искусства, архитектуры или истории. Поэтому для того чтобы только беседовать с Людвигом, Софии приходилось просиживать долгие часы в библиотеке.

Все это было очень утомительным и скучным. Но она просто не могла отказаться от столь заманчивых перспектив и упустить летящую ей в руки удачу.

В честь помолвки Людвига и Софии была отчеканена медаль с бюстами жениха и невесты. С этого дня король ждал назначенной свадьбы, часто навещаясь в Поссенгофен или вывозя невесту в театры, на выставки и балы.

Свадьба должна была состояться 12 октября 1867 года — то есть в тот же день, когда венчались его дед Людвиг Второй с бабушкой Терезой. Молодой король сходил с ума от любви и страсти, все время думая, как еще можно угодить своей прекрасной невесте. В любое время дня и ночи он

посылал ей дорогие подарки и букеты цветов, которые по странной прихоти Людвига и с полного согласия Софии она должна была принимать, будучи одетой в парадное платье со сделанной прической и с безукоризненным макияжем на лице.

Это условие сделалось настоящим испытанием для Софии, которой приходилось подниматься иногда в три часа ночи, для того чтобы облачаться в парадное платье с голубой орденской лентой, уложить волосы в изящную прическу или воспользоваться дожидающимся на туалетном столике париком, припудрить щеки. После чего она чинно выходила в самый большой зал замка, где, умирая от усталости и желания спать, встречала посыльного.

Посыльный же должен был не только передать подарок и выслушать церемониальные слова благодарности, а еще до мельчайших деталей запомнить облик принцессы, чтобы затем пересказать увиденное королю.

При этом Людвиг не удовлетворялся перечислением цвета платья и рисунком веера, если таковой имелся. Он желал знать, как падал свет на его прекрасную возлюбленную и пели ли в этот момент в саду птицы. Его интересовало первое впечатление гонца, когда тот увидел чарующее зрелище молодой герцогини.

В ожидании известий Людвиг приучил себя не спать по ночам, отсыпаясь днем, чем несказанно доводил дворцовую прислугу.

Однажды посыльный доложил королю, что принимающая его дама была одета в ярко-красное платье.

Услышав это, Людвиг ахнул, а затем велел седлать коня и сам помчался в замок, чтобы узнать, не

хотела ли этим божественная София предостеречь его от какого-нибудь несчастья. В общем, предсвадебная лихорадка юного короля стоила немалых нервов Софии.

Все чаще она останавливалась на мысли, что на самом деле между ней и Людвигом нет и не может быть ничего общего. Он хотел говорить с ней только на возвышенные темы, заставляя ее сочинять для него стихи, а она не умела писать по заказу. Людвиг приходил обсудить историю крестовых походов и гнусности инквизиции, которую откровенно ненавидел, и Софии приходилось не только вежливо выслушивать его, но и как-то поддерживать разговор. Что было иногда довольно-таки трудно ввиду того, что Людвиг обладал великолепнейшей памятью и все даты, сложные имена и названия он запоминал с первого раза, свободно цитируя как Святое Писание, так и протоколы допросов.

В свободное от Людвига время София мучилась, составляя список своих придворных дам, которых следовало набирать таким образом, чтобы ни одна из лидирующих партий не была обижена ее решением. Она не могла принять список, отданный ей орденом Святого Георгия, полностью, так как таким образом она откровенно выказала бы себя как яростный враг иллюминатов, у которых неофициально было ровно столько же голосов, сколько и у рыцарей. Когда она спрашивала совета у короля, тот морщил нос, не желая обсуждать столь низменные темы и разрешая ей поступать так, как та сама сочтет нужным. Хоть набрать весь штат придворных дам из одних своих подруг.

Но в том-то и дело, что поэтессы и лесные нимфы практически никогда не имеют подруг.

София была небогата. Она мало бывала на людях, предпочитая свое озеро, лошадей, собак и старый замок, своих проверенных слуг и служанок, удобные хоть и не отвечающие последним пискам моды платья.

Все общение с будущим женихом для герцогини Софии проходило как какой-то дикий и мучивший ее маскарад, где она должна была играть не свойственную ей роль и общаться с человеком, которому нужно было потакать во всем, так как тот мог обидеться и усесться, оставив незадачливую невесту на бобах.

Но страдал и Людвиг. Все чаще он понимал, как далека его невеста от всего, что приятно и радостно его сердцу. После каждой ссоры с Софией Людвиг уезжал куда-нибудь подальше, где можно было побыть в блаженном одиночестве или закрутиться в вихре светской жизни. Сначала он оставлял невесту, уезжая в Мюнхен, где бывал в гостях и театрах. Затем, когда ссоры сделались серьезнее, а последствия более болезненными, поехал с братом Отто в замок Вартбург в Эйзенах.

Оттуда он вернулся полный радостных планов и смелых проектов по реконструкции увиденного замка и отправился мириться с невестой.

Они долго плакали в объятиях друг друга. Людвигу казалось, что теперь, наконец, сбывается все то, что обещали ему на призрачной вечере, и он нашел Эльзу в лице герцогини Софии.

Они отправились на конную прогулку, которая взбодрила их обоих. Затем в замке был устроен роскошный обед в честь возвращения короля и примирения возлюбленных. После обеда Людвиг отвел свою возлюбленную в тенистую беседку, где битый час рассказывал о своих планах по реконструкции замка.

Закончив, Людвиг обнаружил ужасное — его невеста спокойно спала, прислонившись к плетеной стене беседки. Удар был страшен. Людвиг понял, что ничто не может связывать его с женщиной, не способной воспринимать его планы и проекты.

Встряхнув за плечи герцогиню, Людвиг проорал в ее заспанное личико, что она может спать, сколько хочет, ибо свое счастье она уже проспала! После чего, не дожидаясь объяснений или оправданий, он выскочил из беседки и умчался в свой замок.

В ту же ночь, спасаясь от непонимания и любви, он инкогнито отправился в Париж. Там он отдыхал душой, посещая театры, королевские дворцы и всемирную выставку. Целые дни напролет он мог гулять по Версалю, срисовывая мельчайшие элементы декора. Так как решил повторить Версаль у себя дома в Мюнхене или любом другом уголке Баварии.

Построить свой Версаль, чтобы царствовать в нем подобно Королю-Солнцу — Людовику Четырнадцатому. Людвиг уже видел, как он переоденет прислугу, заведет обычаи, сходные или полностью копирующие Короля-Солнце.

Как это будет возвышенно и прекрасно. Какая вообще замечательная идея построить несколько замков в принципиально разных стилях: из разных стран, разных эпох, разных историй, и восстановить в них жизнь, сходную с той, что вели в них когда-то Мария Стюарт, Жанна Д'Арк, Наполеон Бонапарт или госпожа Помпадур. Почему бы и нет?

Вдохновленный новыми проектами, Людвиг поспешил домой.

Первое, что он желал осуществить, было преобразование королевских покоев в Мюнхенском

королевском дворце. Для осуществления задумки король велел купить и заказать у известных мастеров гобелены и портреты, являющиеся точной копией тех, что Людвиг видел в Версале. Повторялся цвет стен, лепнина и резьба. Не считая себя хорошим специалистом в копировании, Людвиг командировал одного из мюнхенских художников, который должен был срисовывать мельчайшие детали убранства версальского дворца.

Жемчужиной «Маленького Версаля», как теперь называли покои Людвига, был зимний сад, в который можно было попасть прямо из спальни короля или из гостиной, где он обычно обедал. Сад представлял собой кусочек джунглей, где повсюду благоухали экзотические цветы и до самой земли свисали гибкие лианы. Посреди сада было сделано озеро, по которому плавала золотая лодочка в виде лебедя.

В глубине сада располагалась небольшая, но скрытая от взоров публики беседка, в которой размещались музыканты.

Оставаясь один, Людвиг любил переодеваться в костюм Лоэнгрин и плавать по озеру, слушая музыку Вагнера.

Людвиг и ведьма

Однажды, отправившись на конную прогулку по огромному парку, что при замке Берг, Людвиг приметил небольшую пещеру, которую не видел раньше. Подойдя ближе, он заглянул туда, но ничего не смог разобрать, кроме того, что из пещеры несло сыростью.

Заметив место, он поспешил вернуться в замок, где взял фонарь и веревку. С этим снаряжением, а

также положив в походную суму все, что сумел раздобыть на кухне, Людвиг отправился к пещере.

Он добрался достаточно быстро, затем обвязался веревкой, один конец которой предусмотрительно закрепил на дереве, зажег фонарь и полез в темноту. Сначала король не видел ничего примечательного, кроме прокопченных, словно внутри постоянно топили по-черному, стен. Затем до слуха его донесся приглушенный стон, потом еще один. Людвиг перекрестился и хотел уже убраться восвояси, когда увидел лежавшую в углу пещеры безобразную старуху, которая плакала и звала его.

Людвиг подошел к женщине и, приподняв ее голову, дал ей напиться из фляги. Лицо старухи было сильно изуродованным и черным от копоти. Должно быть, она не знала о королевском запрете селиться в замковом парке, возможно, не видела и самого замка, пробравшись однажды в пещеру и устроившись там.

Не зная, как помочь женщине, Людвиг водрузил ее себе на спину и вынес на солнышко, где накормил и укрыл своей курткой.

Немного придя в себя, старая женщина рассказала Людвигу, что ее имя Магда, прежде она жила в горах в отдельном маленьком доме, собирая травы и раскладывая карты. Она была младшей дочерью лесника, которая родилась уродом, так что ее отец не разрешил малышке жить с семьей и девочку долгие годы растила кормилица, согласившаяся затвориться с ней в лесной чаще.

Кормилица была ведьмой, которая научила девочку разбирать травы и видеть будущее. Время от времени родители или сестры приносили им еду и просили погадать для них самих и соседей.

Им же Магда и ее кормилица сдавали ягоды, грибы и лечебные травы, которые заготавливали в избытке.

Однажды кормилица умерла, передав свои колдовские силы Магде. С тех пор она жила уже одна-одинешенька, пока не состарилась. К тому времени умерли все ее родственники, так что некому стало заботиться о ней и некому испрашивать ее о грядущем. А ведь все знают, что колдовские силы — это такая вещь, которую непременно нужно использовать, иначе они могут погибнуть или погубить саму ведьму.

Для разговоров с духами Магда отправлялась на берег озера или поднималась высоко в горы, где оставалась на несколько дней. Однажды, когда она вернулась, дома уже не было. Вместо него Магда обнаружила лишь угли да торчавшую точно из самой земли черную печную трубу. Скорее всего, в дом угодила молния.

После этого Магда скиталась, подыскивая себе жилище, пока не обнаружила эту пещеру.

Старуха была тяжело простужена, так что Людвигу пришлось отвезти ее в замок, где тут же была собрана медицинская комиссия.

Магду увезли в госпиталь, но уже через две недели гуляя по парку, король вновь повстречал ее.

— Я пришла поблагодарить тебя, мой король, — кланяясь, произнесла безобразная женщина. — Я хотела сказать тебе, что та, которую ты избрал своей дамой, на самом деле не подходит тебе, и что твой клад и твоя любовь не от мира сего. Запомни, мой король. Не от мира сего, и ты достигнешь вершины блаженства, потому что только ты этого и достоин. Ты воплотишь все свои мечты и уйдешь из этого мира сквозь шелест ласковых волн Шванбергского озера, озера лебязьей крепости.

Пораженный до глубины души неожиданным пророчеством госпожи Магды, Людвиг позволил ей остаться в королевском парке, повелев своему камердинеру Майру распорядиться, чтобы время от времени ей приносили еду и теплые вещи.

Куда плывут облака

По небу плыли облака. Куда плыли? А кто их знает куда, судя по направлению ветра в Швецию, наверное. Плыли, плыли тихо и беззаботно — вот призрачный Летучий Голландец, вот хижина норвежского моряка Даланда. А это кто же — в длинном платье, с распущенными по ветру волосами? Неужто добрая Сента, влюбившаяся в портрет неизвестного ей капитана. Капитана в старинном платье, шлеме и блестящей кирасе, со шпагой на поясе и печальными глазами?

Насколько может быть сильна человеческая любовь? Она всесильна.

Людвиг нахмурил лоб, вглядываясь в таявшее на глазах изображение дочки Даланда Сенты.

Она полюбила человека с портрета. Капитана проклятого навек Летучего Голландца.

Полюбила, отказавшись ради него от жениха и от собственной жизни. Одной любви лишь ради, любви для — бросилась она на скалы.

Отдала свою жизнь ради давным-давно умершего! Ради того, кто никогда не назовет ее своей, не прижмет к груди. И даже в призрачном раю их души не смогут воссоединиться.

Господи! Какая печальная история! И какая прекрасная, черт возьми! Избыть последние страдания другого человека ценой собственной жизни.

Облака плывут в Швецию. Судя по ветру в Швецию. Сента растаяла по дороге, смешавшись с морской пеной. Корабль развалился.

Людвиг смотрел в небо и видел свою судьбу.

Куда плывут облака? В страну Грааль! Страну, где ждет меня любовь. Туда, откуда я родом. Куда плывут облака...

Вагнер

Еще задолго до встречи с юным королем Рихард Вагнер был наслышан о нем. Но все, что он мог прочесть или почерпнуть из разговоров со знакомыми, не передавали и сотой доли образа явившегося точно из прекрасной сказки монарха с манерами рыцаря и сердцем трубадура. Вагнер был очарован и поражен до глубины души. Да, он был уже достаточно известным маэстро, его оперы славились по всей Европе. Но всякий раз, когда композитор бросался со своими советами и предложениями по постановке произведения, всякий раз его вежливо отстраняли.

— Неужели маэстро не знает, что театр — это коллективное искусство? — язвительно спрашивали его директора опер, экономя на мелочах и подсчитывая барыши. — Пусть постановщик ставит спектакли, костюмы рисуют художники, а вы — пишите музыку. И все будет прекрасно и волшебным.

— Но мой Лоэнгрин должен быть молодым человеком, в то время как вы поставили на эту роль актера средних лет и не менее средних способностей! — заламывал в отчаянии руки композитор.

— Публика давно знает нашего тенора и приходит специально на него. Если мы пригласим другого,

кто поручится, что на него пойдут с той же охотой? Ко всему прочему поклонники нашего тенора могут устроить ля-скандал на премьере. Что вы станете делать, если они подкупят прессу, и та напишет, что опера неудачна? Обструкция не нужна ни вам, ни нам!

— Но костюмы, мать божья, героиня просто не может быть одета в платье, которое носили в лучшем случае сто лет назад. Легенда о Лоэнгрине появилась в двенадцатом веке, отчего же вам не облачить актеров сообразно эпохе?

— Костюмами занимается художник по костюмам. Платье, которое он предлагает, понравится публики, тем более что оно снова входит в моду. Поклонницы вашей оперы захотят в обычной жизни одеваться, как их любимая героиня, а значит, мы должны дать им такую возможность.

— Вы потворствуете вкусам публики! — не выдерживал Вагнер. — Ну, неужели Господь не даст мне когда-нибудь монарха, который позволит мне поставить оперы так, как их вижу я?

Вагнер и сам не знал, что когда он произносил эту знаменитую теперь фразу, кто-то из ангелов или, быть может, сам творец, следили за ним. Желание было исполнено. В ответ на страстный призыв композитора в жизнь его вошел баварский король, обещавший в своих письмах и через посыльных Вагнеру неограниченный кредит и неограниченную же свободу. Тем не менее Вагнер явился в Мюнхен со страхом и с готовностью к неприятным неожиданностям, которые уже давно сделались его постоянными спутниками.

Людвиг встретил своего любимого композитора так, как встречают любовь и мечту.

— Если бы вы только знали, маэстро, с каким нетерпением я ждал вас! — произнес король, когда

взволнованный и смущенный композитор предстал перед ним.

Привыкший к тому, что заказчики всегда старались показаться перед ним беднее, чем они были на самом деле, стараясь выторговать лишний грош у нищего музыканта, Вагнер был поражен Людвигом, раскрывшим перед ним свои дружеские объятия и свой кошелек.

— Из вашего письма я понял, что вы желаете, чтобы я поставил у вас ряд своих опер... несколько опер... оперу?.. — очки Вагнера запотели, и он снял их, для того чтобы протереть.

— Все оперы, которые уже написаны вами, — уточнил король. — Кроме того, я мечтаю услышать новые, те, которые, возможно, вы напишите для меня и на благо моей страны и всемирного общества любителей оперы, — Людвиг сжимал в руках толстый стебель алой розы, волнуясь не меньше самого композитора. Шутка ли — для него Вагнер был богом, а всем известно, что у богов отвратительно изменчивый характер. Людвиг жаждал встречи со своим любимым композитором, который словно воплощал все его грезы, он мечтал бросить к ногам великого Вагнера свое королевство, сделавшись его покорным рабом, но он не отдавал себе отчета в том, согласится ли всемогущий гений принять столь скромный дар.

Розовый шип проткнул ладонь короля, но он не заметил боли.

— Ваше величество желает предложить мне должность капельмейстера? — Вагнер снова надел очки, теперь красота и бледность юного короля поразили его с новой силой, в душе зазвучала дивная музыка, которую композитор только еще должен был сочинить.

— Не капельмейстером, а неограниченным господином... — Людвиг попытался улыбнуться, но его губы затряслись, глаза пылали, точно король был в лихорадке. — Я предложил бы вам самому выбирать постановщика ваших произведений, равно как и всех актеров, художников, а если нужно, то и вообще всех участников действия, вплоть до последнего полотера. Мне было бы несказанно приятно увидеть ваши оперы такими, какими они рождались в вашей душе. А значит, вы сами должны всецело контролировать их постановку. Я дам вам деньги, столько, сколько понадобится для того, чтобы осуществить все ваши, пусть даже кажущиеся смелыми и неисполнимыми на первый взгляд, художественные решения и мечты. Мечты — они должны исполняться, хотя бы у вас...

Людвиг хотел было протянуть композитору руку, но только тут заметил, что и она, и приготовленная для Вагнера роза в крови.

— Будьте самим собой и... — он вытер кровь о свой парадный мундир, в котором обычно встречал своих самых важных гостей, — будьте самим собой, господин Вагнер, и если это возможно — моим другом. Я хочу, чтобы вы поселились в одном из моих дворцов, по вашему усмотрению, в Баварии, отвечаю, что у вас не будет никакой нужды ни в театре, ни в личной жизни. А если таковая появится, вам будет достаточно лишь упомянуть о ней.

Вы будете работать столько, сколько пожелаете, и отдыхать так, как это будет приятно вам. За все будет заплачено. Любой ваш каприз будет удовлетворяться, каким бы странным или парадоксальным он ни был.

Я бы мечтал, чтобы вы поскорее закончили «Нибелунгов», но что означает мое желание в нашем

договоре? — ничто. Единственное мое желание — сделать все возможное для того, чтобы вы писали музыку, чтобы вы жили. Господи, мне еще так много нужно вам рассказать, так многим поделиться. Главное, чтобы вы были со мной и чтобы была музыка.

Вагнер едва удержался от того, чтобы не броситься на колени перед своим благодетелем, но воспитание и врожденная гордость позволили ему лишь поклониться баварскому королю.

«Дорогой друг мой! — писал Вагнер в тот же день госпоже Вилле. — Я счастлив, милый ангел мой, господи, как же я счастлив! Наверное, человек просто не может, не имеет права быть таким счастливым! Сбылась самая главная моя мечта — мечта, свойственная любому творческому человеку, я встретил того, кто дал мне возможность не существовать, но жить, жить, дыша полной грудью и наслаждаясь каждой минутой творчества!

О, мой драгоценный, мой единственный друг, я был бы самым неблагодарным человеком, если бы не поделился с вами моим безграничным счастьем! Как я уже писал Вам прежде, молодой Баварский король призвал меня к себе. И уже сегодня, то есть сразу же по прибытию, я получил его аудиенцию.

О, мой ангел. Что я могу рассказать Вам о Баварском короле — он так хорош и умен, так душевен и прекрасен, что, боюсь, жизнь его в обыденных условиях мира промелькнет, как мгновенный божественный сон!

Никто прежде, разумеется, не считая Вас, не понимал меня лучше, чем он. Временами кажется, что он знает обо мне все, и даже то, чего я не осознавал в себе прежде. Он понимает мою душу!

Неужели это не сон? Представьте себе только, как я тронут! Мое счастье так велико, что я совсем им подавлен. Если бы только он жил — он слишком неслыхан-

ное чудо!.. Чудо, которое едва ли сможет надолго осчастливить собой наш грешный мир, он Лоэнгрин, спустившийся на эту землю, подлинный мессия красоты и гармонии, если таковой, конечно, может быть на свете.

Только бы Господь, подаривший в своей невероятной щедрости нам это Чудо, не забрал его к себе раньше времени, спохватившись, что неразумные дети, коими мы являемся, загубят столь прекрасное его творение!»

Капельмейстер Леви

Тем временем герцогиня София усердно готовилась к предстоящей свадьбе и главное — к той роли, которую она отныне должна была играть в жизни молодого короля и всей Баварии. С помощью искусных советников она, наконец, составила штат своих придворных дам, не обидев при этом ни одну из враждующих сторон, приготовила туалеты.

Людвиг уже забыл нанесенную ему обиду в беседке сада замка Поссенгофен и, простив Софию, которая была столь трогательна в своем раскаянии, познакомил ее с Вагнером.

Понимая, что если ей удастся уговорить композитора погостить в ее замке, вслед за ним туда будет каждый день наведываться и король, герцогиня София приложила всю силу своего женского очарования, убеждая Вагнера сделать так, как она хотела. Но композитор согласился лишь бывать у нее время от времени, для того чтобы слушать ее стихи и совершать конные прогулки, которые были необходимы для его здоровья.

В конце концов, было решено, что Вагнер поселится в небольшой, но удобной усадьбе, расположенной как раз между замком герцогини Поссен-

гофен и королевским замком Берг на Шванбергском озере. Это было удобно, потому что король теперь мог, живя в замке невесты, в Берге или Высоком лебедином краю, хоть каждый день посылать за Вагнером или наведываться к нему лично.

Лето в тот год выдалось жарким, но приятным. В такую погоду нет ничего хуже, чем сидеть в душном, пыльном Мюнхене и заниматься государственными делами. Куда лучше скакать по полям и лесам в компании нимфы Софии и чудесного гения Вагнера, слушать музыку и поэзию, предаваясь невинным грезам.

Поэтому Людвиг переехал со всем своим двором в Хохеншвангау, где в строго определенное время занимался делами страны, отдавая все остальное время дорогому другу и любимой девушке.

Впрочем, разве время, проведенное с Вагнером, можно считать лишь душевным времяпрепровождением. Великий маэстро увлек юного короля идеей возрождения истинно немецкой музыки и германского духа. Для своих опер Вагнер брал сюжеты из немецких легенд, герои которых жили в тех же замках, мимо которых Людвиг проезжал каждый день. Это была прекрасная и патриотическая идея. Поэтому король усматривал своим первейшим долгом оказывать всяческую помощь и покровительство Вагнеру в его нелегкой и благородной миссии.

В это время король был абсолютно счастлив. Он был пьян музыкой и новыми идеями, ему нравилось часами разговаривать с Вагнером и учиться у него. Прекрасно разбираясь в немецком фольклоре и истории театра, он, не осознавая того, стал идейным вдохновителем и во многом соавтором любимого композитора.

В благодарность за счастье и искреннюю дружбу Людвиг подарил Вагнеру роскошную виллу и положил ежегодное жалованье. На королевский счет маэстро регулярно выписывал в Мюнхен своих друзей и соратников, всех тех, кто мог оказать ему помощь в осуществлении прекрасных замыслов или просто нуждался в отдыхе, деньгах и дружеском участии.

Только однажды во время работы над оперой «Парсифаль» композитор встретил решительный протест со стороны дирекции мюнхенского театра. Дело в том, что Вагнер желал, чтобы в претворении в жизнь идеи возрождения немецкой музыки принимали участие только немцы, в то время как дирижером в мюнхенском театре служил господин Герман Леви, являющийся правоверным иудеем.

Вагнер потребовал отстранить Леви от занимаемой должности, но директор театра, которому было поручено всячески угождать гению, не без робости сообщил, что с господином Леви был заключен особый контракт, согласно которому тот был единственным придворным капельмейстером баварской Королевской капеллы. Оркестр капеллы просто не имел права выступать с другим капельмейстером.

Оскорбленный Вагнер обратился к Людвигу, но и тот ничего не мог сделать. Контракт оставался контрактом, и никакие приказы короля в данном случае не могли иметь юридической силы. Основным законом в Баварии была и осталась конституция, нарушать права и обязанности которой не мог даже король.

Людвиг был взбешен проявленным к нему неуважением, тем не менее тут же был найден способ сократить полномочия наглого капельмейстера. Для этого между королем Людвигом Вторым, Рихардом Вагнером и Германом Леви был составлен дополнительный контракт, согласно которому:

Еще до того, как господин капельмейстер Герман Леви приступит к первой репетиции оперы господина Рихарда Вагнера «Парсифаль», он, Герман Леви, был обязан креститься.

Далее, так как господин Вагнер не желает разговаривать с господином Леви, он и не будет лично общаться с господином Леви во время всей постановки, так что все переговоры между ними следует осуществлять только через третье лицо.

И, наконец, после премьеры «Парсифаля» Вагнер в присутствии баварского короля Людвига Второго должен сказать Герману Леви, что он, будучи евреем, имеет только одно право — умереть и как можно скорее.

Даже спустя годы после подписания сего контракта ни Рихард Вагнер, ни сам Людвиг Второй не могли ответить с полной уверенностью, сколько великолепного баварского пива они выпили в тот и последующие дни. И откуда в конце контракта появилась таинственная приписка, добавленная почерком самого маэстро и подписанная королем, о том, что контракт был выполнен во всех его пунктах.

Что произошло с господином Леви после блистательной премьеры, так же осталось загадкой. Об одном можно сказать с точностью: он исчез из Баварии, а может быть, и из жизни. Хотя можно ли винить в этом Людвига?..

Людвиг и вакханка

Сразу же после подписания невероятного контракта Людвиг потянуло на новые подвиги, и первое, что он решил предпринять, это нагреть к своей обожаемой невесте, о которой, занятый в театре, он почти забыл.

Но, если обычно он предупреждал о своих появлениях загодя, давая герцогине возможность приготовиться к встрече и привести себя в надлежащий вид, на этот раз все было по-другому: король решил сразить прелестную нимфу неожиданной серенадой. Для этой цели они с Вагнером и вагнеровской компанией, которая росла день ото дня, будоража своими богемными кутежами и шальным весельем столицу Баварии и ее окрестности, заявили в лучший цветочный магазин Мюнхена и скупили все находившиеся там цветы. Погрузив корзины с цветами в две кареты и устроив как-то собутыльников, сам Людвиг, прихватив гитару, вскочил на коня и поскакал впереди процессии.

Когда компания уже выезжала из города, они заметили стоявших на мосту музыкантов, которые загружали свои инструменты в старенький кеб и, должно быть, тоже собирались убраться из душного города, чтобы играть в усадьбах и на богатых виллах. Увидев их, Людвиг сразу же решил воспользоваться этой благоприятной возможностью и пригласил музыкантов сопровождать его.

Идея понравилась, и вскоре за конем короля уже ехали экипажи, благоухающие цветами и оглашающие окрестности веселыми тирольскими песнями.

В упоении от своей замечательной идеи король смеялся от радости, заставляя своего коня то подниматься на дыбы, то танцевать для публики.

Когда друзья поравнялись со Шванбергским озером, желая прочувствовать романтичность ситуации, Людвиг велел музыкантам играть популярную лирическую песню. А сам спешился и, повесив себе на шею гитару и взяв в руки уже изрядно потрепанный букет белых магнолий, пошел впереди, оглядывая

живописные зеленые изгороди и пытаюсь предугадать, где именно в это время дня может оказаться его прекрасная возлюбленная.

Самым лучшим для нее было бы оказаться в своей комнате или прямо на балконе, так, чтобы внизу могли разместиться музыканты и он сам с цветами в руках. Но для этого следовало сперва предупредить Софию, теперь он рисковал не найти ее вообще.

Обычно герцогиня любила кататься на лодке или могла ускакать неведомо куда на своей серой кобылке Зольде, в таком случае Людвигу не оставалось бы ничего иного, как занять замок, для того чтобы встретить его хозяйку нежными мелодиями и охапками цветов.

Неожиданно королю показалось, что он слышит голос своей невесты. Он обернулся и, заметив какое-то движение в беседке, велел музыкантам приготовиться, сам же он обошел мешавшую ему зеленую изгородь и, оказавшись напротив беседки, был сражен открывшимся зрелищем.

Лесная нимфа обратилась в вакханку, которая лежала в объятиях неизвестного королю молодого человека. Беспорядок в одежде и рассыпанные точно лучи солнца бронзовые волосы обличали преступницу.

Начавшаяся было мелодия, оборвалась криком Людвига. Смертельно оскорбленный он отшвырнул от себя цветы, разможил о ступеньки беседки гитару, так что в руке его остался лишь черный гриф.

В следующее мгновение он ворвался в беседку, где отходил грифом обоих любовников и, возможно, убил бы их, не останови его друзья и прибывшие с ним музыканты.

Все еще рвущегося в бой короля посадили в коляску, где он рыдал всю дорогу, лежа на ароматной постели из пионов, лилий и левкоев.

На следующий день пресса пестрела сообщениями о расторжении помолвки Баварского короля с герцогиней Софией. Так закончилась история первой любви короля Баварии Людвига Второго.

В спальне короля

Со дня расторжения помолвки Людвиг заперся в своем любимом замке Хохеншвангау, не желая никого видеть. Рана, нанесенная ему изменницей, оказалась достаточно серьезной. Больше всего на свете в это время ему хотелось спрятаться от людей и не видеть никого и ничего. Тем не менее он продолжал заниматься государственными делами, финансировал проекты Вагнера, время от времени бывая в капелле. Со дня проклятого инцидента друзья не говорили о Софии, так словно той никогда не существовало на свете.

Желая немного развлечься после перенесенных неприятностей, Людвиг старался забыться с книжкой стихов Шиллера, которого любил с детства. Однажды, будучи в придворном театре, он познакомился с молодой и очень знаменитой актрисой Анастасией Вельмонд, мать которой была русской, а отец происходил из уважаемой баварской семьи. Желая утешить короля, Анастасия прочитала ему несколько монологов из «Тристана и Изольды», вызвав слезы умиления и восторга.

— О, если бы вы могли поехать со мной во дворец, я слушал бы вас с вечера до утра, — прощаясь с Анастасией, промолвил король.

— Это была бы честь для меня, — потупившись, ответила красавица. Мысль о том, что она поедет во дворец, где будет играть для самого короля, и может быть... кружила голову. Анастасия была любимицей Мюнхена, многие богачи готовы были пожертвовать всем, что они имели, ради того, чтобы слушать ее снова и снова. «Почему же не король?» — спросила себя примадонна и не нашла ответа.

— А вы можете поехать со мной прямо сейчас? — глаза Людвига засветились восторгом, отчего он сделался еще красивее.

— Я поеду с вами, Ваше величество, на край света! — блаженно воскликнула госпожа Вельмонд. В следующее мгновение король подал ей руку, и она, влекомая сладостными предчувствиями, скользнула в его машину.

«Как хорошо было бы стать возлюбленной такого красивого и трогательного юноши, — думала примадонна, смотря в окно на зажженные окна ресторанов и светящиеся в темноте голубоватым светом газовые фонари. — Как было бы, наверно, приятно вспорхнуть со сцены в королевскую постель и оттуда, шутка ли сказать, на трон. Но чего не бывает в нашем безумном мире? Почему первой актрисе придворного театра не стать первой леди Баварии? Почему?»

Они быстро достигли дворца, и, закрывая лицо вуалеткой, Анастасия Вельмонд ступила на паркет роскошной передней.

После обеда Анастасия отправилась в приготовленную ей комнату, куда уже привезли для нее платья и белье, все высшего качества, купленное в лучших магазинах Мюнхена. Удивленная и покоренная щедростью и вниманием государя, Анастасия

перемерила все платья, найдя их не только красивыми и дорогими, но и оказавшимися ей тютелька в тютельку, так что создавалось впечатление, будто бы все эти прелестные вещи были сшиты для нее на заказ.

— Его величество привык спать днем и бодрствовать ночью, — с поклоном сообщил Анастасии секретарь Людвига, господин фон Пфистермайстер.

— О да, ночью, — по спине Анастасии побежали предательские мурашки. Подумалось, что, может, не стоит вот так сразу же кидаться на шею явно желавшему обольстить ее монарху. Куда вернее помучить его сперва холодностью и неуступчивостью. Чтобы он был готов на все и тогда...

— Его величество хочет, чтобы сегодня ночью, когда вы будете читать ему, на вас было платье синего бархата с горностаями, — присев в реверансе, проворковала миловидная служанка.

— Передайте Его величеству, что у него превосходный вкус, — при помощи служанки Анастасия облачилась в выбранное Людвигом платье, которое невероятно шло к ней. Когда с туалетом было покончено, вошел придворный парикмахер, который уложил ее прекрасные светлые волосы в изящную прическу.

В назначенный час паж провел трепещущую примадонну в спальню короля, где она скромно опустилась на единственное кресло, чинно сложив белоснежные руки на коленях.

Ситуация завораживала своей странностью. Анастасия огляделась. Спальня короля была обита синим шелком с тесненными французскими лилиями на них. Темные шторы на окнах чем-то напоминали занавес в придворном театре. Сам Людвиг в узких черных лосинах, расшитом серебром камзоле и бот-

фортах возлежал на овальном ложе под балдахинном. Его черные прекрасные волосы были разбросаны по атласной голубой подушке, а глаза казались такими нежными и манящими, что актриса чуть было не поддавалась охватившему ее порыву и не бросилась ему в объятия.

Король молчал, и примадонна быстро взяла себя в руки, решив, что не должна сдаваться столь легко. Рядом с ней на изящном инкрустированном перламутром и лазуритом столике в стиле Людовика Четырнадцатого лежал том Шиллера. Анастасия взяла книгу и, открыв ее на заложенной странице, начала читать.

Она читала, все больше и больше входя в роль. Дойдя до монолога, который она знала наизусть, актриса резко поднялась и, отложив книгу, произнесла его, глядя в глаза Людвига и понимая, что не сможет сопротивляться этому колдовскому взгляду. Что достаточно только ему позвать ее, да что там, поманить пальцем, как она кинется к нему и будет кем угодно, его служанкой, рабой, шлюхой. Только бы прекрасный король ласкал ее тело, только бы любил ее.

Ночь пролетела незаметно, у Анастасии болели глаза, но она продолжала ждать, что Людвиг не выдержит первым, заключив ее в объятия. Но ничего не произошло.

Когда она закончила чтение пьесы, король рассыпался в комплиментах ее таланту, после чего отправил Анастасию отдыхать, заверяя, что они встретятся на следующую ночь.

На следующий день она спала до обеда и потом еще долго нежилась в ванне, изготовленной в виде розовой раковины. Вечером служанка сказала, что король желает видеть ее в розовом шел-

ковом платье с кружевами и атласных, розовых туфельках.

Тот же самый паж провел ее по уже знакомым коридорам замка и постучался у знакомой двери в спальню. Услышав голос короля, приглашающий ее войти, Анастасия затрепетала. И быстро сосчитав до десяти, чтобы прийти в себя, вошла. То, что она увидела на этот раз, заставило молодую актрису усомниться в том, туда ли она попала. За день спальня короля изменилась почти до неузнаваемости. Стены были обтянуты розовым шелком, на потолке висела люстра с розовыми розами и прозрачными сосульками чешского стекла, на маленьком розовом столике перед ней стояла фигурка прекрасного лебедя. Роскошная кровать, тоже сделанная в виде лебедя, была чуть скрыта от глаз входящего тонким тюлем, который колыхался, создавая романтическую обстановку.

Невидимый музыкант играл на скрипке.

Анастасия посмотрела на атласную постель, и сердце ее замерло тоской и восторгом, перед ней в белом расстегнутом камзоле и атласных панталонах лежал юный бог, прекрасный и недоступный Нарцисс. И снова она заняла приготовленное для нее маленькое кресло. В этот раз Людвиг приготовил ей золотое кресло в стиле рококо. И снова она открыла книгу на уже заложенном месте и принялась за чтение.

От наблюдательной Анастасии не укрылось, что на этот раз лежавший перед нею король был без обуви, его камзол был наполовину расстегнут, а постель оказалась придвинутой к ней на целый метр.

«Ага, значит, ты уже думаешь о сдаче и хочешь только обставить ее с наибольшей помпезностью», — улыбнулась про себя примадонна. Наутро она уxo-

дила разбитая, но теперь в ее сердце теплилась надежда, что рано или поздно король сделается ее возлюбленным, а может, даже мужем.

На следующий день она нашла чек с кругленькой суммой на нем. Прислуга расспрашивала ее о том, не нужно ли приобрести для нее чего-нибудь особенного, чего нет в ее комнате. Примадонна заказала редкие духи, которые были доставлены ей в течение часа. Потом послала секретаря короля за восточным шербетом, название которого она вычитала в какой-то книге, и снова тот не заставил себя слишком долго ждать.

Любое ее желание тут же исполнялось. Отдохнув и немного обдумав свое положение, она еще раз припомнила события двух прошедших ночей и снова пришла к выводу, что поведение короля говорит о том, что тот готовится к сдаче своих крепостей.

На третью ночь ей было велено облачиться в алое платье. Комната же Людвига напоминала рыцарский замок Тиффорг барона Жиля де Ре, прозванного в народе Синей Бородой.

На этот раз светлую, безволосую грудь короля прикрывала лишь легкая батистовая сорочка, заправленная в панталоны с широким поясом. И снова багровое, точно раскрытая роза, ложе короля немного подползло в сторону прекрасной примадонны.

Всю ночь Анастасия читала и декламировала, и, как и в предыдущие ночи, король рукоплескал ей. На следующий день она нашла на своем столике у постели банковский чек.

Так продолжалось шесть ночей, во время которых актриса делала все возможное, для того чтобы соблазнить короля, а тот приближался к ней все

ближе и ближе, расточая комплименты ее красоте и таланту, аплодируя или тихо проливая слезы.

На седьмую ночь король желал видеть Анастасию в золотом платье. В ту ночь она оказалась в будуаре Короля-Солнце. Божественный Людовик смотрел на нее, прикрывая лицо оперенной золотой маской из балета об отце богов. В эту ночь торс короля был обнажен, на нем сияла лишь дорогая тяжелая цепь с амулетом на ней. В седьмую ночь кресло Анастасии стояло вплотную к ложу, постельное белье на котором напоминало расплавленное золото.

Золотой соловей пел свои песни в клетке на окне, а под потолком красовалась люстра с веселыми ангелочками. Анастасия взяла книгу, с удивлением обнаружив, что на этот раз перед ней не Шиллер, а Шекспир. Закладка лежала на пьесе «Сон в летнюю ночь». Она начала читать, постепенно входя в роль.

Нежный, сладостный голос примадонны заставил короля погрузиться в водоворот прекрасных снов. Анастасия поднялась и начала декламировать по памяти, ходя по комнате и заламывая руки.

В момент признания в любви она встала на колени и, опершись рукой о золотое ложе, хотела уже произнести проникновенный текст, как вдруг Людвиг закричал, словно кто-то ранил его призрачной стрелой.

За дверью загремели шаги, и в спальню на крик короля тут же сбежалась стража.

— Я требую, чтобы это... эту... — лицо короля побагровело, руки тряслись. — Я приказываю, чтобы вы немедленно выгнали эту даму из моей спальни, из моего замка и из моей страны! В двадцать четыре часа она обязана пересечь границу Баварии

и под страхом смерти никогда не возвращаться обратно!

Не дав примадонне и слово молвить в свою защиту, ее выволокли из спальни короля. В спешном порядке был выправлен заграничный паспорт и подорожные. На следующий день под личным приглядом самого начальника полиции Мюнхена она пересекла границу Баварии, чтобы исчезнуть из страны навсегда.

Напрасно руководители обеих партий умоляли Людвига изменить его решение и вернуть всеобщую любимицу Мюнхену. Напрасны были укоры деда и мольбы тайно влюбленного в прекрасную даму брата. На этот раз Людвиг остался непреклонен. Мало этого. После того как Анастасия Вельмонд своим нечаянным прикосновением к королевскому ложу «осквернила» его, вслед за примадонной из замков Людвига были изгнаны все живущие и работающие там женщины.

Принцесса Гизела

Жена принца Луитпольда, фея волшебных снов, дикая, необузданная, таинственная и непредсказуемая Гизела явилась однажды в не терпящий женщин Хохеншвангау, чтобы покорить разбитое сердце своего короля.

Зная о нежелании последнего видеть подле себя женщин и одновременно с тем прекрасно понимая, что только новая любовь способна спасти от медленного увядания сердце обманутого жениха и несостоявшегося любовника, Гизела решилась на штурм.

Собираясь на это, как сказали бы предки, почетное и смелое дело, принцесса Гизела облачи-

лась в великолепную вишневого цвета амазонку. Ее черные волосы были лишь слегка схвачены заколкой на затылке, приподнимая верхние локоны, в то время как основной поток черных, будто смола, волос доставал почти до седла огромного кауроуго жеребца. На голове принцессы была изящная шляпка с прозрачным газовым шарфом. На ее ручках красовались бордовые в тон амазонке перчатки, пальчики сжимали черный арапник. На боку ее поблескивал серебряный рог, висевший некогда в коллекции отца и доставшийся неистовой Гизеле по наследству.

Экипировавшись таким изумительным образом и найдя себя совершенством, Гизела прыгнула в седло и поскакала в сторону Хохеншвангау. Когда до ворот замка оставалось не более ста метров, Гизела пришпорила кауроуго, и они влетели в распахнутые ворота, переполошив слуг и охрану.

Оказавшись посреди двора, принцесса вскинула серебряный рог и трубила в него, пока на зов не явился сам король.

— Ваше величество! На правах, данных мне солнцем и ветром, озерами и горами всей прекрасной Баварии, — неожиданно серьезно воскликнула принцесса, — я повелеваю вам жить!

Прелестное личико Гизелы при этом покраснелось, веселые карие глазки метали молнии.

Растроганный Людвиг вышел к ней и хотел было придержать стремя, чтобы прекрасная дама, и к тому же жена его дяди, могла спешиться и пройти в замок. Но Гизела прекрасно понимала, что это может расстроить ее планы.

Поэтому вместо того, чтобы принять помощь короля, она хлестнула его по руке арапником.

— Я не слезу с коня и не позволю вам или вашим слугам помешать мне в священной миссии! — воскликнула она, заставляя коня подняться на дыбы. — Я, принцесса Гизела, спрашиваю вас, мой король, клянетесь ли вы жить, дыша полной грудью. Или намерены умереть, — черные брови принцессы при этом сдвинулись к переносице, а прекрасные глаза метали молнии.

Правда, самой Гизеле уже хотелось рассмеяться и броситься в объятия стоявшего перед ней красавчика, но инстинктивно она чувствовала близость победы, и не собиралась отступать.

— Жизнь или смерть! Выбирайте, мой король, и я исполню любое ваше желание!

Но Людвиг и сам уже был готов сдаться прекрасной амазонке, отважившейся ради него на столь смелый и необдуманный шаг.

— Жизнь! Прекрасная Гизела, — выдохнул король.

— Жизнь! — воскликнула Гизела, и тут же силы оставили ее и очаровательная всадница обмякла в седле, сползая в объятия Людвига.

— Жизнь и любовь. Жизнь и все что я люблю! — король бережно прижал к груди, казалось, невесомое тельце Гизелы и понес ее в замок. — Жизнь в высшем смысле этого слова. Жизнь — это любовь, а любовь — это сама жизнь!

С того дня они встречались все лето, пока Гизела жила в замке Поссегхофен. Чтобы не привлекать внимания и не давать повода для слухов, они уезжали далеко в горы, где лишь птицы, деревья и облака наблюдали их безмятежные, радостные встречи.

Гизела не была счастлива в браке, рано выданная замуж, она так и не сумела полюбить своего бесхарактерного мужа. Правда, она сразу же поня-

ла, что Луитпольд — это именно тот человек, который ей и нужен. Так, являясь формально женой принца, она могла быть свободной, точно горный ветер, занимаясь всем, что ей заблагорассудится.

В дружбе с королем Гизела неожиданно для себя отыскала свою вторую половинку. Людвиг любил то же, что любила Гизела. Они оба были образованы и начитаны, любили музыку Вагнера, прекрасно разбирались в истории и народных легендах. Вместе они часто смотрели на воды озер или быстрых горных рек, представляя, будто уплывают в неведомые дали.

При этом Гизела была еще более неистовой, нежели ее друг. Однажды вообразив себя дамой средневековой Франции, она заставляла короля служить ей так, как должен был служить рыцарь и трубадур. При этом Гизела была строга и требовательна.

Ради милой своей дамы король был вынужден ночи напролет петь под ее окном или складывать стихи в честь ее черных волос или маленькой ножки.

Однажды прислав свой портрет Людвигу, Гизела потребовала, чтобы тот прикрепил его к верхней ветке ивы, которая была видна с крепостной стены Поссенгофена. Под портретом Людвиг должен был установить свечи и всю ночь следить за тем, чтобы ветер не загасил священного огня.

Желая превысить наложенную на него повинность, король приказал разукрасить лампочками всю иву, так что она сверкала, точно райское дерево, отражаясь в зеркальной воде озера.

Гизела была в восторге! Ее рыцарь был послушным и кротким, словно белый волшебный единорог, прирученный невинной девой, о которых Гизеле рассказывала нянька.

Однажды на встречу с божественной Гизелой Людвиг принес две модели парусников, привезенных накануне из Гамбурга. Людвиг заказал парусники еще месяц назад, когда они только-только начали сходиться с Гизелой.

На паруснике поменьше мастер написал имя «Гизела», на большом — «Людвиг». Людвиг и Гизела прекрасно смотрелись вместе на зеркальной глади озера.

Взявшись за руки, король и принцесса долго наблюдали за ними.

— Кончается лето, — тихо прошептала Гизела, прижавшись щекой к груди Людвига. — Кончается наше лето, любимый, — последнее слово она произнесла со страхом и трепетной надеждой.

— Ничего не кончается, — Людвиг нежно обнял за плечи принцессу. В этот момент ему показалось, что она исчезает.

— Муж хочет, чтобы мы вернулись в Мюнхен, потом, возможно, он повезет меня к родственникам, как мы делаем это каждый август. Ты напишешь мне?

Огорченный внезапным отъездом любимой, Людвиг только и мог, что кивнуть головой в знак своей покорности.

— Напиши письмо, как будто от имени парусника «Людвиг» паруснику «Гизела», — принцесса развеселилась новой идеей. Теперь ее глаза блестели от радости и охватившего ее восторга. — Напиши мне три признания в любви: одно в возвышенном стиле, принятом при дворе Людовика Четырнадцатого, — пусть оба парусника будут частью французского флота. Второе — в романтическом, как больше всего нравится вам и вашему любимому Вагнеру. И третье, нежное и трепетное, — от

имени парусника, служащего в наше время, я хочу, чтобы оно было до неприличия сентиментальным, как это сейчас входит в моду.

Три письма

По прибытии в Мюнхен Гизела получила доставленный ей со специальным курьером букет и письмо, написанное в стиле, принятом при дворе Короля-Солнца, выгравированное золотом на белой мраморной подставке, сверху которой красовался золотой парусник «Гизела».

Вот оно:

Госпожа души моей!

Солнце небосвода моего!

Простите, что, быть может, отрываю Вас от дел высочайшего порядка, ибо что вы ни делаете, куда ни ведете свой путь, все в вас величественно и прекрасно, божественно и верно.

Я видел, как бухты, теряющие вас за горизонтом, покрывались трауром беззвездной ночи, потому как звезды есть не что иное, как отражение вашей солнцеподобной личности. Как тихо умирал, издавая лишь слабые стоны старого дерева и жалобные скрипы корабельных цепей флот Его величества, когда долго не могли вас дождаться. И как расцветали волшебными огнями воды, по которым Вы, о блистательная, держали свой путь.

Снизойдите же до меня, раба вашего, появьтесь снова, дайте мне облечься вашим сиянием или умереть навсегда. О, богиня моих грез, Святая Гизела.

Не было никакого сомнения в том, что король написал это письмо самостоятельно, не прибегая

к помощи оплачиваемого литератора, что было не удивительно, так как Людвиг прекрасно владел пером и был осведомлен обо всех тонкостях заданного стиля.

Второе письмо застало Гизелу в доме ее тетки, где они с мужем и свитой остановились на три дня по дороге в Берлин. Это письмо было свернуто в трубочку и лежало в футляре от подзорной трубы, на котором была сделана гравировка в виде переплетенных между собой букв «Л» и «Г» и картинка входящего в гавань корабля.

Когда принцесса вытаскивала письмо из футляра, на ладонь ей скатился перстень с бриллиантом в виде слезы. Развернув дрожащими ручками письмо, она прочла следующее:

Сердце мое, Гизела!

Счастье – свободный ветер несет тебя, легкокрылую, любимицу бури, пучины и выси. Когда девятый вал обнимает твое бело-золотое тело, поднимая его к самым звездам и они срываются огненными ангелами... я люблю тебя!

И только пучина с ее морскими звездами и кладами разлучит нас.

Хотя нет, и там мы будем вместе, пока буря нашей судьбы не разобьет борта наши в щепу или не вознесет на небеса святой любви.

Приди же ко мне судьбой, звездой, чудом. На миг счастья.

Принцесса спрятала письмо в ореховую шкатулку. Не было ничего удивительного в том, что король, прозванный королем-романтиком, справился с этим несложным заданием. Впереди же было последнее, действительно трудное дело. Письмо в сентимен-

тальном тоне, который только что входил в моду и который Людвиг не знал и откровенно не признавал, считая излишне приземленным и слезливо пошлым.

Здесь Гизела могла ожидать любого сюрприза, и сюрприз не заставил себя ждать.

Третье письмо от короля она получила написанное на розовой бумаге и перевязанное голубой ленточкой. Окаем письма был аккуратнейшим образом обведен в небесного цвета рамочку с незабудками и анютиными глазками по краям.

Душа моя Гизела! — прочла принцесса корявый, трясущийся почерк писавшего.

Сердечко мое, голубушка моя ясноглазая. Годы ничто для нашей любви. И для меня ты все та же голубица небесного пути, что и раньше.

Лапочка моя, солнышко.

Как же вы польстили старикю, появившись вчера в порту, где я, развалина, давно уже стою на ремонте.

С годами — мы все меньше корабли и больше живые души.

Поэтому я прошу тебя, ангелочек мой, береги себя. А то как же мы без тебя? Ведь совсем же невозможно будет...

Гизела отложила письмо и прошлась по комнате. Справедливости ради следовало согласиться, что и форма, и содержание письма были именно такими, какие она велела Людвигу написать. Но... что-то было не так, от чего-то принцессе хотелось убежать куда подальше или плакать, как маленькой девочке.

И причиной здесь было не то, что последнее письмо короля было написано от имени немошно-

го и уже идущего на слом корабля. Рано или поздно все будут старыми и немощными. Дело было в другом. Вдруг Гизела ощутила с пугающей откровенностью, что Людвиг совершенен. Совершенен настолько, насколько она даже не могла подумать.

Она всегда знала, что король умен и весьма одарен, но теперь, после того как он с легкостью справился с данным ею в шутку заданием, Гизела поняла, что не сможет быть рядом со своим любимым именно из-за той чудовищной дистанции, которая была между ними. Дистанции небожителя и простой и недалекой женщины.

Вдруг она поняла, что даже если она поставит своей целью превзойти Людвига в какой-нибудь науке или искусстве и положит на это все свои силы, деньги и, наконец, время, то даже когда она достигнет высот, король сумеет превзойти ее еще в чем-то, о чем она пока еще не догадывалась.

Людвиг был непостижим и недостижим. Гизела сжала кулаки и, опустившись на колени посреди комнаты, заплакала.

«Как страшно и безрадостно любить того, к кому даже нельзя приблизиться, — думала она, утирая слезы батистовым платком, — наверное, так же как нельзя все время смотреть в ясное лицо солнца».

Возможно, другая на месте Гизелы должна была бы радоваться гениальности своего избранника, понимая, что при всех его достоинствах он избрал именно ее. Гизела же во всем стремилась к совершенству и не могла позволить себе быть подле Людвига, не будучи достойной его.

Их роман постепенно перешел в стадию эпистолярных сношений. Не желая упускать инициативы отношений Гизела слала королю новые задания и загадки, которые он должен был разга-

дать. Людвиг был во всем послушен ей. Время от времени тоскуя по ушедшему лету, он присылал Гизеле букеты или отправлял под ее балкон кого-нибудь из актерской братии, чтобы они от имени короля прочли ей восторженный монолог или пропели серенаду.

В тот же год принцесса организовала и возглавила женскую феминистическую организацию, средства на содержания которой щедро спонсировал Людвиг. Он же помог женскому движению провести несколько законов, способствующих трудоустройству женщин и их профессиональному обучению.

С прелестной Гизелой Людвиг встречался только в присутствии свидетелей по официальным поводам.

Известно, что письма принцессы и короля, долгие годы считавшиеся утерянными, всплыли в последние годы жизни Людвигу. Вопреки запрету принцессы Гизелы, они были предъявлены медицинской комиссии во главе с профессором фон Гудденом как прямое свидетельство безумия несчастного короля, возомнившего себя парусником.

Впрочем, благодаря той же Гизеле этот «анекдот» не вышел за пределы медицинских протоколов и не стал достоянием газетчиков.

Хижина Хундинга

В центре хижины Хундинга стояло огромное дерево, так что не было понятно, то ли дерево выросло в земляном полу, то ли кто-нибудь из предков Хундинга пристроил свое жилище к старому дубу. Старое дупло служило семье буфетом, ветви

поддерживали утлую крышу, вылезшие из-под земли могучие корни были превращены в скамьи и ложе.

Людвиг сам принимал участие в проектировании хижины на сцене и теперь смотрел на нее из темноты кулис, куда спрятался, услышав голоса и шаги. Меньше всего на свете король желал сейчас встретиться с кем-нибудь из своих подданных, с очередными просителями, непризнанными гениями или, упаси боже, с журналистами. Последнее время эта порода людей вызывала в нем живейшее раздражение.

Последнее время в прессе все чаще появлялись низкопробные фельетоны, которые содержали в себе нелепые догадки по поводу разрыва Людвига с его невестой. И однажды сам король прочел в одной из столичных газет интервью с Софией, которая сообщала прессе, что он — Людвиг — якобы страдает галлюцинациями: королю показалось нечто такое, чего не было на самом деле. Какое «такое» привиделось королю, оставалось додумывать публике. Однажды в замке Поссенгофен у Людвига Второго, короля Баварии, помутилось в рассудке, после чего все, кого он до этого любил, стали ему не милы. Из-за галлюцинации, а не из-за чего другого, и произошел роковой разрыв, в то время как сама София была непричастна к случившемуся и на момент приступа у короля вообще отсутствовала в замке.

Не веря собственным глазам, Людвиг послал брата в Поссенгофен, с тем чтобы тот устно предупредил герцогиню о том, что не в ее интересах выступать с заявлениями в прессе. Так как в лучшем случае она прослышет шлюхой и не сможет уже выйти замуж. В худшем же подобно некогда знаменитой в Мюнхене Анастасии Вельмонд будет

к чертовой матери выслана из страны без права когда-либо вновь пересечь ее границы.

Услышав о подобной перспективе, София закусила губку и замолчала, да так крепко, что о ней вот уже несколько месяцев не было ни слуху, ни духу.

Людвиг вздохнул и, присев на корточки, посмотрел вверх на искусственные листья дерева, отсюда они смотрелись как настоящие. Слабый прожектор освещал их откуда-то сбоку, отчего они становились почти прозрачными.

Король хотел уже скользнуть в темноту, превратившись в горного духа, который может беспрепятственно путешествовать по всем закуткам театра, не будучи замеченным никем, как вдруг он явственно услышал голос Вагнера, с которым собирался встретиться после репетиции.

Судя по шелесту шелка и умильному тону, с которым Рихард вел разговор, рядом с Вагнером были дамы. Театральное эхо немного дробило слова, делая их непонятными, что придавало ситуации особенную таинственность и красоту.

Людвиг закрыл глаза, слушая некоторое время призрачные голоса и пытаясь догадаться о предмете разговора, пока смысл не дошел до него. Точнее сказать, как раз в этот момент компания Вагнера вышла на самую сцену, оказавшись в хижине.

— Милые дамы, — теперь Людвиг явственно различил рядом с Рихардом двух незнакомых ему дам и прикусил язык, это могло быть надолго. — Милые дамы, позвольте же теперь провести вас в святая святых нашей истории, — Вагнер галантно поклонился и изящно показал рукой в сторону занимавшего центр сцены дерева. — Однажды во время

страшной грозы в дверь этой забытой богом и людьми хижины постучали. Сидевшая за прялкой женщина вздрогнула и поднялась, когда дверь распахнулась и в блеске молний перед ней предстал незнакомец.

— О, мой бог! — с деланным ужасом заломила руки одна из слушательниц. — Маэстро Вагнер, если вы будете так же красочно рассказывать и дальше, мне придется прибегнуть к пузырьку с солью, так как я боюсь, что лишусь сознания.

— Если мой рассказ настолько пугает вас, я немедленно замолчу, дабы не беспокоить вас столь сильно, — Вагнер улыбнулся, и дамы тотчас уверили его в том, что, как бы рассказ не был страшен, они не простят себе, если не дослушают его. После чего композитор продолжил. — На пороге стоял раненый, измученный и безоружный воин, который от усталости и изнеможения падает к ногам женщины, умоляя, чтобы она позволила ему перевести дух в ее хижине.

В ожидании мужа она перебинтовывает раны незнакомца и кормит его. Тот называет себя Вевельтом — Скорбным, потому что жизнь его полна печалей и разочарований.

С самого детства, милые дамы, он жил со своей семьей в лесу, где они перебивались охотой. Однажды когда он и отец были на охоте, кто-то спалил их дом, убил мать и забрал в плен сестру.

Отец и сын стали жить вдвоем, охотясь и нанимаясь воинами и охранниками к богатым сеньорам, но и это было недолгим. Отец погиб в бою, и юноше не оставалось ничего иного, как покинуть лес и явиться к людям. Но и там он не нашел счастья. Его избегали, не любили, боялись.

Однажды девушка из деревни, где поселился Вевельт, попросила его о помощи, так как ее братья решили выдать ее замуж без любви. Повинуясь благородному порыву, он вступился за нее, но родственники невесты не пожелали говорить с ним. Завязался бой. Вевельт убил братьев.

Девушка прокляла его за это, оплакивая своих братьев. Сама она погибла от рук своих же родственников, посчитавших ее основной причиной ссоры и смерти братьев.

В этот момент в хижину входит хозяин Хундинг, который слышит конец истории, и приходит в ярость.

Оказывается, убитые юноши были из рода Хундинга. Теперь он желает отомстить раненому воину. Он требует, чтобы жена заперла юношу в отдельной комнате, чтобы на рассвете сойтись с ним в честном поединке.

Зиглинда заранее оплакивает юношу, к которому чувствует непонятную ей тягу. Ночью она подсыпает сонный порошок в питье мужа, а сама прокрадывается к гостю, и...

— О, пожалуйста, без подробностей. Все знают, какой вы шалун, — дама закрыла лицо веером, другая засмеялась, отворачиваясь от Вагнера.

В своем укрытии Людвиг сплюнул, мало того что ему приходится прятаться здесь, так еще и выслушивать грязные домыслы. Но почему нельзя принять как факт, что движимая чувством любви и сострадания дама идет среди ночи к воину, для того чтобы вдохновить его на подвиг, помочь или просто продолжить разговор?! Почему непременно все нужно опошлить, изгадить, измарать?

— Движимая догадками Зиглинда пробирается к незнакомцу и умоляет открыть ей его настоящее

имя. Тот признается, что на самом деле его зовут Зигфрид. Зиглинда бросается в объятия своему вновь обретенному брату. Ведь это именно ее похитили разбойники, когда она еще была ребенком.

Теперь она понимает, что обязана спасти брата, и показывает ему заколдованный меч, застрявший в дереве, предназначенный для истинного героя. Зиглинда убеждена, что только Зигфрид может вытащить из ясеня меч. И только этот меч спасет его от Хундинга.

Зигфрид берет за меч, и тот поддается ему с легкостью.

Утром Зигфрид и Хундинг готовятся к сражению. Верховный бог Вотан посылает свою дочь валькирию Брунгильду, с тем чтобы она сражалась на стороне Зигфрида. Но тут появляется разгневанная жена Вотана. Ей стало известно, что Вотан изменял ей, приняв земное обличие и женившись на обычной женщине, которая подарила ему двух близнецов — Зигфрида и Зиглиндю.

Обман раскрыт, и Вотан вынужден отступить и позволить Хундингу убить его сына.

Кто-то дотронулся до плеча Людвига, вернув его, таким образом, на грешную землю. Король порывисто встал, перед ним немного уставший стоял Рихард. Женщины куда-то подевались, в отдалении слышались приглушенные разговоры работников сцены.

— Почему вы здесь? — полушепотом поинтересовался Вагнер. — Признаться, я чуть было не пропустил вас, — он придиричиво оглядел Людвига. — Вы хорошо себя чувствуете?

— Да. Вполне, — Людвиг тряхнул головой, пытаясь отогнать от себя сонное состояние. Странно, он не мог сказать, спал ли он и видел сон о Зиг-

фриде, перенесся ли каким-то непостижимым образом в мир своей мечты, или сном являлись женщины, с которыми беседовал Вагнер.

— Я тоже люблю хижину Хундинга. Мне кажется, это самые красивые декорации во всем спектакле, — Вагнер победно оглядел могучие, точно настоящие ветви дерева. — Не кажется ли вам, благородный друг, что было бы замечательно жить в такой хижине, слушая, как птицы поют в ветвях дерева, а под корой струятся свежие соки? Как журчат ручьи и какой-нибудь короед тихо шебаршится... черт возьми! Я бы хотел быть дервишем и жить в лесу, подальше от этой толпы, интриг, от зависти и вражды. Ночью мы могли бы наблюдать крупные звезды, глядя в черное небо. Днем... — он махнул рукой. — Мечты, мечты... Послушайте меня, Людвиг, вы один на всем белом свете, кто может понять меня. Вы — истинный мечтатель и романтик, вы и только вы!.. — Вагнер кивнул на прощанье королю головой и исчез в темноте кулис.

Какое-то время Людвиг стоял один, растроганный, воодушевленный, счастливый.

Хижина Хундинга — настоящая хижина Хундинга, сделанная один в один с хижины на сцене. Вот проект, достойный королевского участия. Дом Вагнера — дом дружбы, романтики и искусства.

Действительно, к чему Рихарду виллы и усадьбы, когда он может жить в лесу, возле прекрасного озера с лебедями. Жить, не думая ни о чем, кроме вечной музыки?!

Сказано — сделано. Для постройки хижины Хундинга была выбрана любимая липа Максимилиана Второго недалеко от лебединых озер. Людвиг самостоятельно перестроил проект, сделав хижину местом, пригодным для жизни.

Хижина была построена в кратчайшие сроки, и вскоре вместе с Вагнером они посетили это удивительное сооружение, выпив мадеры во славу искусства и послушав спрятанных за деревьями флейтистов.

Радости Людвига не было предела.

— Теперь ты, дорогой друг, наконец-то сможешь отрешиться от суеты окружающего мира, от пыли городов, от зависти и интриг.

Это дерево — такое же чистое и совершенное, как моя привязанность к тебе. Я счастлив, что судьба позволила мне узнать тебя, и теперь, когда я уверился в том, что ты истинный романтик... — Людвиг запнулся и налил себе шампанского. — Должен признаться, что в какой-то момент я усомнился в твоей бескорыстности и желании жить, посвятив себя лишь чистому искусству и природе. Жить как дервиш, как лесной колдун или эльф. О, как я завидую тебе, Рихард! Твоему уму, силе, мужеству. Этот дом живой, потому что вековая липа жива, она растет, и вместе с ней будет расти хижина Хундинга или, что я говорю, твоя хижина, Рихард! Позволишь ли ты мне иногда посещать тебя? Смогу ли я иногда приходить к тебе, чтобы приносить немного шампанского, столь прекрасно скрашивающего одиночество и будящего воображение? Или ты пожелаешь затвориться от всех, оставшись наедине лишь со своим гением? Решать тебе, но...

Людвиг не успел закончить тост, остановленный странным поведением Вагнера, который вместо того чтобы поблагодарить друга за воистину королевский подарок, пожелать осмотреть дом или даже попросить Людвига оставить его в одиночестве, вдруг вскочил и, схватив шляпу, пулей вылетел из хижины. Не останавливаясь, он пересек по-

ляну и прыгнул в привезший друзей экипаж, словно опасался, что тот вдруг исчезнет или превратится в тыкву, подобно карете Золушки. На ходу Вагнер кричал что-то о репетиции, вызове новой примадонны и срочном ужине у министра юстиции, которые он не мог пропустить.

Немного озадаченный и смущенный подобным поведением друга Людвиг провел ночь в хижине Хундинга в полном одиночестве.

Он откровенно не понимал желание друга покинуть столь замечательное место, даже не посидев в тиши и покое, не посвятив ночь медитации или молитве, сладким грезам или творчеству. Да что там — даже не осмотрев как следует подарок короля, который тот готовил с такой любовью и заботой.

Ведь в хижине было все, что могло понравиться взыскательному вкусу Вагнера, была небольшая библиотека с редкими книгами и погребок с любимыми винами и лакомствами композитора. Жесткое ложе, покрытое шкурой медведя, на которой столь приятно было лежать, слушая пение птиц и возню жуков в коре. На стенах висели шкуры животных и обычные охотничьи трофеи, некоторые из которых Людвиг привез из Хохеншвангау. Кроме того, в ветвях липы находилась искусно замаскированная смотровая площадка, откуда ночью можно было любоваться звездами.

Нередко совершающий путешествие в другую страну лишь для того, чтобы посетить какой-нибудь музей или полюбоваться знаменитым видом, Людвиг не понимал, что Вагнер мог попросту испугаться комаров или ночной сырости, от которой у него ломило спину. Что он был обязан каждый день приходить на репетиции и не может по собственному

желанию оставить на несколько дней капеллу. Что, наконец, он считал, что шампанское с рейнвейном и с фиалковым эфирным маслом, которое обожал его король, воняет духами, от которых его мутило.

Живущий в мире своих грез и являющийся, по сути, небожителем, так как слишком длительные витания в облаках накладывают на человека определенный отпечаток, Людвиг не мог понять чаяний простых смертных людей.

Впрочем, эпизод с хижинкой ни коим образом не омрачил их отношения с композитором.

Вагнер и антивагнеристы

После того как расстроилась свадьба Людвиг и Софии, партия иллюминатов не уставала предлагать королю новых и новых кандидаток в невесты, но он не желал слушать о новой женитьбе, отказывая всем.

Все свое свободное время он отдавал капелле и театру, одновременно воюя за каждый пенни на постановки с королевскими министрами, считающими увлечение Людвиг театром чрезмерным и разорительным. Но, как показала история, это были еще только цветочки.

Вагнер был счастлив, оттого, что все его идеи встречались юным королем с неизменным восторгом, а все просьбы немедленно исполнялись. Сам же Людвиг чувствовал себя на гребне счастья, видя, как его «Парсифаль» становится лучше и совершеннее день ото дня.

На Рождество король роздал своим подданным и ближайшему окружению огромное количество подарков. При чем все эти подарки он выбирал

лично в дорогих художественных магазинах. Надеюсь доставить радость, а не просто следуя формальному ритуалу.

Разобравшись с подарками, Людвиг уехал на Рождество в Хохеншвангау, чем не преминули воспользоваться недоброжелатели Вагнера, которых день ото дня становилось все больше и больше.

Дело в том, что за время нахождения в Баварии Вагнер сделался фактическим хозяином придворного театра. Для своих постановок он выписал из Дрездена знаменитого капельмейстера Ханса фон Бюлова и других друзей-музыкантов, каждый из которых теперь получал жалованье из казны и имел свой дом.

После удачной премьеры «Летучего Голландца» король приказал основать в Мюнхене музыкальную школу, директором которой должен был стать сам маэстро Вагнер. В этой школе певцы и певицы должны были готовиться к сценической работе по совершенно новой и невиданной до этого системе. Но и это было еще не все. Король и композитор готовили очередной проект, который должен был утвердить совет.

С самого начала знакомства с творчеством Вагнера Людвиг мечтал подарить композитору театр. Но не обычный театр в современном его понимании, Вагнеровский театр должен был стать подлинным храмом искусств. Для разработки архитектурного плана был приглашен сам Готфрид Семпер, который тут же приступил к работе.

Новый театр должен был быть построен не в пыльном Мюнхене, как это могли вообразить члены королевского совета, а на лоне природы, на возвышенности, как строятся замки и воздвигаются величественные монументы и храмы. Вначале Люд-

виг хотел насыпать искусственный холм, но потом брат Отто напомнил ему о холме, расположенном на правом берегу Изара.

Проект был встречен в штыки представителями обеих враждующих партий. На этот раз недовольство королем и его любимчиком, как теперь называли Рихарда Вагнера, впервые за долгие годы сплотило иллюминатов и рыцарей Святого Георгия.

Не стоит, однако, думать, будто бы среди державших власть в своих руках политиков не было истинных приверженцев искусства. Просто проект оказался баснословно дорогим. Мало того что на постановки вагнеровских опер король выбрал уже весь полагающийся ему бюджет казны, так еще теперь следовало изыскать где-то 2 568 299 гульденов на расчистку территории, отводящейся под строительство и постройку самого здания. А если добавить сюда улицу и мост, которые вели к театру, то сумма зашкалит за 5 000 000 гульденов.

Это был повод для настоящего конфликта. Проект долго не утверждали. Между тем пресса все чаще стала помещать статьи, обличавшие композитора как растратчика, кутилу и революционера, которого отказывались терпеть при нескольких дворах Европы. И который единственно ради разрушения Баварии был заслан теперь в ставку к не в меру впечатлительному и эмоциональному королю врагами государства.

Иллюминаты занялись прессой, грегорианцы пытались воздействовать на молодого короля через его родственников и ближайшее окружение.

Финансовый отчет по постройке нового театра открыто публиковался во всех печатных изданиях, вызывая полемические выступления. Все ко-

му не лень ругали Вагнера за корыстолюбие и дурное влияние на еще юного и неопытного в таких делах Людвига.

На каждом углу Мюнхена раздавались листовки, в которых черным по белому было написано о том, что казна Баварии пуста. А это значит, что не далек тот день, когда Людвигу придется идти по миру с протянутой рукой, выклянчивая кредиты для своей многострадальной отчизны. Что же при этом ожидает рядовых баварцев? Не что иное, как нищенское существование, в результате которого порядочным отцам семейств придется чистить сапоги приезжим в Баварию иностранцам, в то время как их сыновья будут искать себе службу в иноземных армиях, а дочери — в публичных домах.

То тут, то там вспыхивали организованные и несанкционированные собрания, на которых горожане открыто обсуждали невероятный проект и его последствия. Дошло до того, что приехавшему после короткого отдыха Людвигу было сообщено, что его народ категорически протестует против постройки столь дорогого храма искусств, что в любой момент ситуация может выйти из-под контроля. И тогда неминуемо произойдет народный взрыв.

Людвиг решил игнорировать мнение толпы, и раз казна не могла дать ему необходимой суммы, он обратился с аналогичной просьбой к управляющим личной королевской кассой. Где его также ждал отказ.

Возмущенный до глубины души поведением своих придворных, Людвиг метался в поисках денег. Его глубоко уязвил сам факт, что он — король не может распоряжаться тем, что дано ему по праву, то есть деньгами своей страны. Положение усугуб-

лял тот факт, что театр он обещал своему другу и учителю, единственному человеку, которого любил и перед которым не хотел выставить себя обманщиком и завравшимся мальчишкой.

Когда же король попытался призвать свое ближайшее окружение к порядку и заставить их повиноваться, те намекнули ему, что умело направленная энергия толпы может не только запретить постройку дорогостоящего здания, но и разорвать королевского любимчика на мелкие кусочки.

Угроза подействовала, и Людвиг отступил. Но не отступили антивагнеристы, с этого дня молодой король мог ждать только самого худшего. Заговор против Вагнера был настолько очевиден, что король мог следить за развитием событий из бульварных газет.

Вагнера обвиняли в сатанинском влиянии на короля и непомерных тратах.

На какое-то время король и композитор перестали разговаривать на политические темы. А общительный и любящий дружбу, всегда готовый прийти на помощь оказавшимся в немилости у фортуны друзьям, Вагнер теперь наотрез отказывался просить за кого бы то ни было, опасаясь, что самая невинная просьба к королю может сыграть роль спички, поднесенной к пороховой бочке, на которой сидел в последнее время композитор.

Повторялась ситуация с «революцией» 1848 года, в результате которой дед короля Людвиг Первый был вынужден отречься от престола в пользу своего старшего сына Максимилиана Иосифа, так как подстрекаемая иллюминатами общественность тогда обрушилась вдруг на его отношения с госпожой Лолой Монтез.

Тогда король и магистр ордена тоже не думал, что выплывшая на свет божий интрижка может повлечь за собой нечто посерьезнее обычных воплей святош и рождения новых анекдотов о королевской семье. Но потом, потом он горько пожалел о том, что не принял мер в самом начале. Любовь стоила Людвигу Первому короны.

И как оказалось позже, прекрасная Лола — являющаяся одним из лучших агентов иллюминатов, испарилась, едва только с головы ее любовника слетела корона Баварии, и операцию по смене власти в стране можно было считать успешно завершённой. Любопытно, что именно тогда потерявший почти все король вдруг вновь сошелся со своей женой, с которой не жил несколько лет. Бывшая королева приняла своего раскаявшегося мужа с трогательной заботой и лаской.

Людвиг знал об этой истории и не желал ее повторения. Меж тем недоброжелательство вокруг Вагнера усиливалось, так что король явственно видел веревку общественного мнения, сжимавшуюся на шее его друга.

Вагнера обвиняли в том, что он растратчик и мот, похитивший из казны более двух миллионов гульденов. Такая сумма не могла не шокировать прижимистых бюргеров. О Вагнере говорили, что он обожает роскошную обстановку, которой окружает его король с того момента, как «злой гений» пересек границу Баварии.

Один из пожелавших остаться неузнанным журналистов приклеил Вагнеру позорное прозвище «Лолус». Намекая на любовницу Людвига Первого Лолу, из-за которой тот расстался с властью.

Зная о том, что отзывчивый и готовый прийти на помощь попавшим в затруднительное положение

ние друзьям Вагнер выписал в Баварию множество своих приятелей и некогда работавших с ним музыкантов, газеты подняли ор: мол, нищие в своем отечестве бездельники получают дворцы и роскошные виллы в Баварии, для которых эта несчастная страна представляется чем-то вроде золотой Эльдорадо.

Тут же публиковались финансовые отчеты о тратах самого Людвига.

И Вагнер, и король были вынуждены защищать себя через прессу.

Композитор даже опубликовал подлинный финансовый отчет о полученных им гонорарах за истекшие три года. Тридцать тысяч гульденов в первый год, тридцать шесть тысяч — во второй и сорок четыре тысячи — в третий, но это ничего не дало.

Измученный постоянными нападками на него, Людвиг метался из замка в замок, пытаясь лично убедить министров принять его сторону.

В конце концов, то, что планировали они с Вагнером, должно было прославить Баварию, сделав ее совершенно необыкновенным местом.

Что же касается Вагнеровского театра, то по самым скромным расчетам он должен был оправдать вложенные деньги не позднее чем через пять лет с момента первой премьеры в нем.

Еще в пору своего правления дед Людвига неоднократно говорил, что его цель сделать Мюнхен местом, не побывав в котором нельзя будет сказать, что был в Германии.

Так же как и дед, Людвиг строил замки и поддерживал на высоком уровне культуру и искусство.

Для кого?

Неужели только для себя?!

Король и крестьянка

Однажды, гуляя в горах, Людвиг не заметил, как начался сильный дождь. Потоки воды низвергались с гор, так что Людвигу пришлось спешиться и, взяв под уздцы коня, повести его по тропинке, то и дело поскользываясь и падая. Чуть не потеряв коня, ноги которого вдруг заскользили по жидкой грязи, Людвиг уже отчаялся выбраться из ловушки, когда перед ним возникла одинокая хижина.

Король тут же прибавил шаг и вскоре уверенно стучался в дверь. В доме послышался шорох, и на пороге появилась дородная крестьянка, которая тут же пригласила его в дом. Устроив коня в удобном стойле рядом со старенькой лошадкой, Людвиг прошел в дом, где ему тут же была выдана смена одежды. Хозяйка накрыла на стол.

Дождь лил стеной, а Людвиг слушал рассказы женщины, греясь в лучах ее доброты и словно исходившего от нее тепла и душевности.

Крестьянку звали Эльза, как девушку из «Лоэнгрина», она была вдовой, живущей в этой хижине все лето, пока ее братья работают на лесопилке в лесу.

Эльза была белокурая, с приятным полноватым лицом и большими руками. Она хорошо готовила и любила напевать себе под нос тирольские песенки. Людвиг невольно очаровался ее домашностью и простотой.

Вдруг он понял, что не желает покидать гостеприимный дом и его очаровательную хозяйку.

Опасаясь нарушить возникшую между ними близость, Людвиг представился Эльзе фермером Гербертом Миллером, живущим недалеко от Шванзее.

Как и следовало ожидать, она не слышала о его воображаемой ферме, но зато знала название озера.

Людвиг начал заезжать к Эльзе каждый день, привозя ей подстреленную на охоте дичь, которую она тут же готовила, мурлыча себе под нос или рассказывая своему новому знакомому забавные истории и увиденные прошлой ночью сны. Рядом с Эльзой Людвиг отдыхал душой. Ему нравилось представлять себе, будто он охотник, который возвратился домой к любимой жене. Представилось, что у них есть дети — белокурые пухленькие девочки, похожие на Эльзу, и черноволосые мальчишки, копии Людвиг. Вдруг с пугающей откровенностью и остротой он понял, как на самом деле нуждается в настоящей семье, любящей жене и детском гомоне. Он мечтал, посадив перед собой на коня сына, показывать ему пригодные для охоты или строительства места, рассказывать об историях этого края и своей жизни. Хотел смотреть, как будут расти и хорошеть его дочери, становиться настоящими мужчинами сыновья.

Его замки, если бы у короля были дети, могли бы достаться им. Каждому под его характер и темперамент. Он мог бы женить сыновей и выдавать замуж дочерей. Рассылая их портреты во все дворы Европы.

С другой стороны, он не мог жениться на простолюдинке, сделав ее королевой Баварии. Хотя Эльза и подходила ему как нельзя лучше. Не мог не только потому, что против нее сразу же восстали бы все политические партии в стране и собственная семья Людвиг. Не мог, потому что Эльза по самому своему определению не могла быть королевой. Она прекрасно пекла пироги и была на месте, а значит, не ей, а именно ему следовало

принять решение и остаться с белокурой прелестницей, сделав ее не королевой Эльзой Виттельсбах, но фермершей или женой охотника Миллера — Эльзой Миллер. Так возник план о фиктивной женитьбе.

На самом деле, решив жениться по подложному паспорту, Людвиг ни как не имел в виду чего-нибудь дурного. Он думал, что мог бы править страной, в то время как его жена думала бы, что он отправился на охоту или на приработок в город, и возвращаться к ней всякий раз, когда появится свободное время.

При этом Эльза никогда не догадается, кто он на самом деле, а сам Людвиг не скажет ей этого во имя ее же спокойствия и безопасности.

Возле домика госпожи Эльзы находилось небольшое горное озеро. Однажды, гуляя возле него со своей дамой, Людвигу посетила идея подарить Эльзе лебедя, который будет жить здесь, радуя глаз своей грацией и красотой.

Тут же он устремился в Берг, где специальные слуги выращивали для короля лебедей, и на следующий день явился к госпоже с подарком. Это был день, когда король решился попросить руки Эльзы у ее братьев.

Привезя лебедя, Людвиг поболтал какое-то время с госпожой Эльзой, после чего поехал показаться на коне, поджидая возвращения своих будущих родственников. В его походной сумке лежали сделанные шефом тайной полиции документы на имя фермера Миллера. Настроение было замечательное.

Людвиг издалека приметил возвращавшихся с работы мужчин и понял кто они такие. Поэтому он

повернул к дому, желая встретить их вместе с Эльзой, точно они уже являлись одной семьей.

Войдя в дом, Людвиг ощутил необыкновенно приятный запах жареной птицы и, подойдя к суетившейся у стола Эльзе, поцеловал ее.

— Я видел твоих братьев, они шли вдоль ущелья, — сообщил он ей, играя с ее светлыми локонами. — Ты сказала им о том, кто я такой и зачем здесь? — он принял из рук красавицы тарелки и послушно начал расставлять их на столе.

— Сказала. Я попросила их немного искупаться, перед тем как войти в дом, а то испортят нам все удовольствие, — она захихикала. — Я заставила их взять с собой по смене одежды. Все-таки не каждый день сестру сватают, да и не такие мы господа, чтобы каждый день лебедей есть. На то нужен особый повод. Вот как сейчас, — ее лицо расплылось в довольной улыбке. Эльза попыталась обнять Людвига, но тот резко отстранился от нее.

— Лебедей? Ты что же, приготовила лебедей?

— А то кого же, когда ты сам привез с охоты лебедей. В прошлый раз утку, до этого — зайца, а вот сегодня — лебедей. Я, правда, не очень уверена, что у меня получилось, очень уж редкая дичь, но...

Звонкая пощечина заставила ее замолчать. Ударив Эльзу, Людвиг вскрикнул, словно от боли, и убежал прочь из дома.

Он вскочил в седло и гнал коня, пока тот не начал задыхаться. Тогда Людвиг упал в траву и зарыдал, мутузя руками и ногами землю.

Вернувшись в замок, он отдал приказ сварить в котле Эльзу и ее братьев, а тела скормить собакам.

Ничего не знающий об Эльзе и воспринявший приказ короля как шутку секретарь не передал распоряжения по инстанциям. Так что очередная «не-

веста» короля так ничего и не узнала ни о том, кем был ее загадочный обожатель, ни отчего он исчез из ее жизни.

Оттон Виттельсбах

Приехавший в Хохеншвангау Отто застал брата в глубочайшей депрессии. Усталый и разобиженный на весь мир король сидел на троне в зале Рыцаря Лебедя и слушал специально привезенный из Мюнхена струнный квартет, который играл для него днем и ночью, так как у короля была бессонница.

— Мне кажется, что я схожу с ума, — вяло улыбнулся Людвиг Отто, протягивая белую ухоженную руку с орденским перстнем. — Признаться, я считаю психиатрию шарлатанством и выкачиванием денег у доверчивых бюргеров, но мне кажется, что у меня паранойя.

— С чего вы взяли? — Отто поискал глазами стул и, не найдя, сел на подоконник, смотря в сад. — Кстати, желаете последний анекдот о герцогине Софии? С месяц назад ее поместили в дом умалишенных в Илленау, говорят, что когда ее увозил доктор, она твердила, будто бы проглотила стеклянную софу. Вот это паранойя.

— Паранойя — это мания преследования, — Людвиг недовольно сморщился, приказ не упоминать о бывшей невесте касался и его брата.

— Кто же преследует вас? — Отто подошел к Людвигу, заботливо беря его руку в свои.

— Мне постоянно кажется, будто бы меня пытаются женить, — Людвиг потупил глаза. — Мне стыдно сознаваться в этом. Но что я могу сделать. Просыпаясь, я нахожу рядом с моей постелью портрет

какой-нибудь заморской уродины, другой портрет поджидает меня на рабочем столе в кабинете, третий я нахожу в своем кармане в театре...

Выслушав жалобы брата, Отто на несколько минут залился веселым смехом.

— Не понимаю, почему ты смеешься! — Людвиг встал, громко приказывая прекратить музицирование. Послышался шорох шагов, шелест бумаги и звуки передвигаемых стульев.

— Я смеюсь не над вами, а над вашими министрами, которые действительно так озабочены вашей женитьбой, как будто это дело их чести или жизни. Видите ли, любезный брат, король обязан продолжать династию, должен жениться и наплодить кучу детишек, в то время как вы заняты лишь театром, Вагнером и постройками новых дворцов. Они боятся народного волнения, того, что ваши подданные теряют почву под ногами, когда их король ведет богемный образ жизни и не желает произвести на свет наследника!

— Жениться, потому что это угодно булочникам и разносчикам газет? Жениться без любви, только чтобы произвести на свет еще одно несчастное существо?.. — Людвиг пожал плечами. — Неужели это все, чего они от меня хотят? Все, ради чего я рожден на свет?!

— По крайней мере сделайте вид, будто бы рассматриваете их предложения. В конце концов, можно жениться на женщине, которую вы и не любите, но которая отвечала бы требованиям, предъявляемым обычно к королеве, а втайне завести себе женщину на стороне.

— Жениться, для того чтобы завести себе женщину на стороне! Как это похоже на тебя! Танцовщицы, певички, циркачки...

— Циркачки, танцовщицы — почему бы и нет? Вам нужна женщина уже для того, чтобы прекратились позорящие вас обвинения прессы. Пусть лучше все обсуждают, как вы волочитесь за певичками из оперетки, нежели считают вас женоненавистником.

— Наш дед потерял корону из-за одной из них, — парировал Людвиг.

— Наш дед отрекся от престола не из-за престелей Лолы, а потому что не желал бороться и встал в позу. Мол, вы говорите мне, что я должен бросить ради короны любимую женщину, а вот я брошу этой самой короной в вас. Глупо. Он вполне мог продолжать встречаться со своей танцовщицей тайно или завести себе другую.

— Я ненавижу такие тайны, — Людвиг побледнел, его губы дрожали. — Я не буду любить из чувства долга. Никогда не отрекись от своей любви. Я не стану использовать женщину, с тем чтобы защитить себя от нападков прессы. Пусть я потеряю корону, но не потеряю себя.

После разговора с братом Оттон был подавлен той пропастью, что образовалась за последние годы между ними. Когда-то они с Людвигом подрались из-за русалки, Отто почти что поверил в реальность существования подводной возлюбленной брата.

Теперь вдруг он ясно осознал, насколько Людвиг с его природной четностью и верой в благородство и идеалы добра не вписывается в окружающий его мир. Насколько он сам неземной, нереальный, случайно заброшенный в этот жестокий, злобный мир. Лживые, подлые законы которого казались ему поистине невыносимыми, а условия не то что счастливой жизни, да и жизни вообще — неисполнимыми.

В тот день он напился, велел шоферу везти его к любовнице, но по дороге вдруг приказал остановиться у храма Святого Георгия и, влетев туда, поставил две свечки: «за здравие» Людвигу и «за упокой» себе. После чего плакал и до утра жалел себя, утешаясь крепкой водкой в обществе без умолку ругающей его за пьянство любовницы.

Виктория Браун

Распрощавшись с братом, Людвиг написал Вагнеру трогательное письмо, в котором благодарил его за счастье дружбы, умоляя не падать духом и не поддаваться на угрозы и лживые обещания. «Не будем сетовать, не будем обращать внимание на измены и вероломство. Чтобы не допустить ничьего влияния на нас, удалимся от внешнего мира».

Единственное, чего хотел измученный постоянным сопротивлением король, было исчезнуть, выключить себя из реальности, забыться, ускользнуть в мир грез, где царствуют любовь и вера, где живут благородные рыцари и их дамы.

Поначалу так хорошо принявший его народ теперь на каждом шагу чинил ему препятствия, газетчики подстраивали козни, а он, монарх, не мог не только оградить от человеческой злобы самого дорогого на свете человека, он был бессилён спасти себя самого.

Впрочем, о себе Людвиг думал меньше всего. Сразу же после вступления на престол дед передал ему и бразды правления в ордене, сообщив о предсказании и открыв перед юным королем его миссию на этой земле.

И вот настало время, когда он не знал, что делать дальше. Мессия красоты не мог жить со связанными руками, так же как соловей не смог бы жить, если бы ему запретили петь, как солнце потухло бы — запрети ему Господь изливать свет и тепло на землю и другие планеты. Людвиг понимал, что такая жизнь убьет его. Но что значит его жизнь по сравнению с терзаниями композитора, которого он лично выписал в Баварию. Со страданиями гения и благородного человека.

Людвиг созвал орден и снова попросил денег. На этот раз отказ пришел сразу же, едва только король начал свою пламенную речь.

За что весной он отказался участвовать в ежегодном празднике ордена, чем обидел членов королевской семьи и представителей старинных аристократических семейств, каждый из которых имел посвящение. Иллюминаты были в восторге, считая, что после произошедшего им удастся переманить короля на свою сторону или добить его, воспользовавшись случившейся размолвкой между членами ордена и их магистром.

Из окна дворца Людвиг наблюдал торжественную процессию одетых в орденские плащи и торжественные облачения рыцарей: после того как он стал магистром, он вернул многие древние ритуалы, традиционные одежды и знамена, испокон веков отличающие орден Святого Георгия от любого другого ордена.

В этот день происходило торжественное освящение и открытие нового военного госпиталя, построенного на средства ордена. Людвиг тоже приложил руку к этому проекту и даже настоял, чтобы орден взял на себя заботу о раненых. Но, поскольку теперь он устранился, о его заслугах никто не вспомнил.

Целый день Людвиг просидел во дворце, заставляя музыкантов играть одни и те же арии из «Лоэнгина». Вечером, не выдержав, он отправился на репетицию «Тристана и Изольды» в капеллу.

Вопреки ожиданию, первый, кого он там встретил, был Отто, который, по всей видимости, уже давно поджидал его.

Воспользовавшись отсутствием короля, Отто вольготно расположился в его ложе вместе с двумя дамами, одежда и облик которых говорили об их вкусе и достатке.

— Прошу прощения, любезный брат, — Отто лучезарно улыбнулся, — вот решил поглядеть, какие чудеса творит здесь господин Вагнер, и... занял твое место. Хотя если мы тебе мешаем, мы можем... — он сделал попытку встать, но Людвиг усадил его в королевское кресло. Он был взволнован и растроган тем, что брат пришел посмотреть на их с Вагнером детище. Любитель венской оперетки, Отто обычно не посещал священных для Людвига мест.

— Ты пришел, чтобы обсудить что-то или... — король поймал на себе сияющий взгляд одной из спутниц Отто, отчего-то смутившись при этом. — В жизни не поверю, будто ты вдруг почувствовал тягу к поэзии или серьезной музыке.

— Никакой особой тяги, конечно, нет, — Отто развел руками, — врать не стану. Просто газеты писали, что для исполнения двух заглавных партий Вагнер пригласил супругов Шнорр. Вот я и заявился сюда в надежде познакомиться с этими певцами, чтобы пригласить их на торжественный ужин. Кстати, буду рад видеть и тебя тоже... — он тоже смутился. Последний разговор с братом вывел его из равновесия, в которое теперь Отто мог

вернуться, лишь изрядно набравшись и привычно уже потеряв человеческий облик.

— Отлично, я с удовольствием вас друг другу представлю, — Людвиг хлопнул брата по плечу, невольно отмечая, что тот пополнил и выглядит несколько мешковато.

— Не стоит беспокоиться, нас уже представил друг другу Рихард. Он только что был здесь. Должно быть, заметил в королевской ложе движение и решил, что это вы. Он узнал меня, потому что видел при дворе, а я его из газетных публикаций. В общем, мы познакомились. Кстати, познакомься: госпожа Виктория Браун, — он галантно поклонился одетой в черное даме, взгляд которой до этого заставил короля смутиться. — Госпожа Виктория служила два года назад на Дрезденском театре, после чего была приглашена в частную труппу господина Густава Миллера, что у летнего королевского парка. Сегодня она прослушивалась господином Вагнером и была принята в труппу капеллы. Слышал бы ты ее голос. Она будет дублершей госпожи Шнорр.

Людвиг поклонился, целуя поданную ему ручку под тонкой черной с серебром перчаткой. Пальчики были холодными.

Актриса вздрогнула, ее ресницы метнулись вверх и сразу же вниз, так что глаза сверкнули лишь на мгновение, заставив короля потерять дар речи. Они так и стояли молча, глядя друг на друга, точно пораженные ударом молнии.

В конце концов, Виктория взяла себя в руки первая, густо покраснев и низко опустив лицо, представила Людвигу свою подругу. Но тот не разобрал имени. Посидев немного в зале и послушав пение новой звезды, они решили прогуляться по фойе, при этом Людвиг подал руку Виктории.

— Когда я слушаю оперы господина Вагнера, мне кажется, что я улетаю туда, в далекий, но отчего-то родной мне мир. Еще девочкой я часто видела во сне, будто я живу в старом рыцарском замке, вокруг меня идет обыденная, повседневная жизнь старой Франции, Англии или Германии. В тех снах у меня другое имя, другая одежда. Но я остаюсь собой. Сейчас, когда маэстро пригласил меня в капеллу. О, счастье! Мне кажется, что моя мечта сбывается, и теперь я смогу не только видеть мир своей радости во сне, но и в реальной жизни пребывать в нем. Вы понимаете меня, Ваше величество? — Виктория обратила на Людвига свои прекрасные глаза царицы фей, и он вновь затрепетал под ее взглядом, ощущая прикосновение ее крохотной ручки, слушая нежный, мелодичный голос.

Конечно же она была оттуда — была девой прекрасных снов, величественной хозяйкой какого-то замка. Королевой и ведьмой. Людвиг смотрел на нее во все глаза, видя под современной одеждой существо, сотканное из божественной королевской материи.

— Иногда я чувствую себя, как, должно быть, чувствовал себя несчастный Зигфрид, опоенный волшебным зельем колдунов. Помните, когда он забыл, кто он и откуда. Ему сказали, что он влюблен в прекрасную Гутруну из замка Гибихунгов, и он поверил в это, согласившись привести в уплату за колдунью Гутруну свою собственную жену Брунгильду. Мне кажется, что он был как с повязкой на глазах, то есть он чувствовал, что что-то не так, но не мог ничего изменить. Иногда я вижу людей, которые были со мной в тех снах, но они не узнают меня, и я с трудом могу припомнить их подлинные имена. Как это печально — потерять память и не иметь

возможности вернуть ее. Знать, что связана с тем или иным человеком, но эта связь невидима и не доказуема. Как тяжело жить...

Они встречались два-три раза в неделю, постоянно писали друг другу. С каждым днем Людвиг убеждался в том, что Виктория — женщина его мечты, та единственная, предназначенная для него.

Проклятие русалки

В это время рядом с Людвигом снова возник друг его детства — сын второго конюха замка Хохеншвангау Альберт. Король принял его очень благосклонно. Так что смущенный поначалу Альберт постепенно оттаивал, даже пробуя шутить и вспоминать их детские проказы. Король был благодарен ему за то, что Альбертом можно было не командовать.

Ему не нужны были приказы, он не нуждался в должности при дворе, не кланчил себе жалованье или пособие.

Однажды, вспоминая лебединые озера их детства, Альберт рассказал Людвигу легенду о проклятии русалки, которая сразу же запала в душу впечатлительному королю. Тем более что до этого он не раз слышал, как рыбаки у озера говорили, будто бы в тумане они часто слышат плеск весла проклятого юноши.

Тогда Людвиг так и не узнал, кто такой был этот юноша и за что его проклинали. Рыбаки, к которым он приставал с этим вопросом, говорили о русалке из озера, которая и наложила проклятие. Но не хотели объяснять более подробно из-за опасения

навлечь то же проклятие на себя или своих близких.

Теперь, спустя более десяти лет, король получил возможность прикоснуться к озерной тайне.

— Было это так, — откашлявшись и скрестив на груди руки, начал Альберт. — Однажды один молодой и очень красивый рыбак плыл по Шванзее на своей лодке. Вдруг он услышал, как кто-то зовет его на помощь, и вскоре увидел запутавшуюся в сетях девушку.

Он тут же налег на весла. Оказавшись над ней, он схватил девушку за руки и почти уже втащил ее в лодку, когда обнаружил, что у нее вместо ног рыбий хвост.

— Рыбий хвост! — вскрикнул Людвиг.

— Ну да — настоящий рыбий хвост. Спасенная им девушка оказалась коварной русалкой, вознамерившейся погубить его, — подтвердил Альберт. — Тогда рыбак бросил русалку обратно в воду и, сев на весла, попытался уплыть прочь. Но ничего не получалось. Лодка не желала двигаться ни вперед, ни назад.

— За то, что ты отказал мне в помощи, — сказала юноше русалка, поправляя свои вечно мокрые волосы, — я проклинаяю тебя на все времена. Ты вечно останешься в этой лодке и никогда не причалишь к берегу! Никогда тебе не увидать лица родных и друзей. Плавай же вечно по этому озеру! Отныне и навсегда ты останешься пленником Шванзее! И в плен этот будут попадать все те, кто, забыв о милосердии и благородстве, оставят человека, попавшего в беду. Слушай же меня, Шванзее. Я, русалка, дарю тебе всех тех, кто откажется помочь попавшей в беду деве, — последние слова она прокричала, уворачиваясь от брошенного в нее весла.

С того времени юноша так и плавает в своей лодочке по озеру, не зная, где берег. Озеро не выпускает того, кто стал его пленником.

— Пленник Шванзее... — король был поражен до глубины души.

— Смотрите, Ваше величество, Шванзее — не простое озеро, оно уже знает о проклятии и ждет, когда история повторится.

— Не дай бог стать пленником озера! — Людвиг в волнении перекрестился. — Не дай бог!

Расставшись с Альбертом, Людвиг отправился в свой зимний сад, где несколько часов проплавал на лебяжьей лодке, слушая арии из любимых опер в исполнении актеров придворного театра.

На следующий день он встретился с прекрасной Викторией, которой Вагнер дал три выходных, на время пока рабочие сцены устанавливают сложные декорации. Странное дело, когда король в своем кабриолете подъехал к дому, в котором жила госпожа Браун, ему показалось, будто бы оттуда быстро вышел молодой человек, поразительно похожий на Альберта.

Людвиг был обескуражен, но потом решил, что Виктория и Альберт вряд ли могут быть знакомы, а значит, ему показалось.

Решив, что три дня — это достаточно удобное время, для того чтобы съездить в Хохеншвангау, они тут же сели в кабриолет и тронулись в путь.

Прекрасный замок покорила впечатлительную актрису, что несказанно польстило Людвигу. Гуляя возле Шванзее, Виктория упростила короля поката́ть ее на лодке.

В голове Людвигу все еще звучал страшный рассказ Альберта, он еще слышал плеск одинокого весла и содрогался от мысли, что и его может

постигнуть страшное проклятие русалки, ведь на месте юного рыбака мог оказаться и он.

Увлекая короля к озеру, прекрасная Виктория вдохновенно читала ему свою роль, умоляя Людвига быть первым ее зрителем и строгим судьей, ведь кому как не ему знать, что понравится Вагнеру.

Наконец Людвиг окончательно закрыл глаза на свои страхи, и они забрались в лодку. Какое-то время Людвиг греб от берега, то и дело поглядывая на свою прекрасную спутницу, потом на мгновение его внимание привлекло что-то на берегу. Когда же король вновь посмотрел на Викторию, она преобразилась. Дорогая черепашня заколка, стягивающая до этого ее волосы, теперь лежала на скамье, выпущенные на свободу черные волосы доставали почти до пояса, прикрывая грудь, на голове дамы красовался роскошный убор из белых лилий.

Людвиг вскрикнул, выпуская из рук весла. В какой-то момент ему показалось, будто бы в его лодке сидит именно та, некогда проклявшая рыбака русалка.

В тот же момент Виктория поднялась и резко прыгнула на борт лодки, так что лодку мотнуло, и она перевернулась. Король и его дама оказались в воде.

Людвиг пошел было ко дну, но тут же забился и выплыл. Кашляя и отплевываясь, он огляделся, и тут же в метре от него из-под воды появилась все еще увенчанная озерными цветами голова Виктории.

— Людвиг! Что же вы! Помогите мне! — орала она, задыхаясь и уходя на дно.

— Будь ты проклята, чертова наемница! — Людвиг поплыл к берегу, больше не оборачиваясь и не обращая внимания на то, что делала и как кляла его дама.

Только через несколько месяцев, воспользовавшись своей агентурой в ордене, Людвигу удалось установить последовательность произошедших с ним событий. Оказалось, что Альберт и Виктория Браун были посвященными Минервами иллюминатами.

И если Виктории было поручено околдовать Людвигу, заставив его влюбиться в нее, в задачу Альберта входило, рассказав королю про проклятие русалки, заставить его поверить в эту историю. Для того чтобы на озере он невольно оказался в объятиях дамы.

А там, либо они погибли бы вместе, либо Людвиг окончательно влюбился бы в нее, добровольно приняв агента иллюминатов в свое ближайшее окружение.

Прощание с Вагнером

Время шло, и 10 июня 1865 года состоялась премьера «Тристана и Изольды». Опера поражала своей новизной и высочайшей техникой исполнения. Оформление спектакля было настолько изумительным, что о нем не могли сказать ничего дурного даже ярые антивагнеристы.

В тот день зал разделился на два враждующих между собой лагеря. Иллюминаты, которые начали свистеть, едва только поднялся занавес и зазвучала увертюра, и поклонники творчества Вагнера, которые рукоплескали после каждой удачной партии. И те и другие почти что в одинаковой мере мешали спектаклю, который закончился полной овацией.

Король был в восторге! На следующий день газеты писали об успехе Вагнера и Людвигу, щедрость

которого помогла создать на сцене атмосферу истинного чуда. Еще через две недели Народный мюнхенский театр был обклеен афишами, приглашающими посмотреть пародию на «Тристана и Изольду».

Стараниями иллюминатов билеты на это представление продавались за гроши, а также в порядке спонсорской помощи выдавались во всех школах и гимназиях, так что вскоре зрителей, увидевших пасквиль, стало значительно больше по сравнению с теми, кто видел истинную вагнеровскую оперу.

25 августа 1865, то есть в день своего рождения, на Шванзее в Хохеншвангау Людвиг поставил феерию Лоэнгина, пригласив на главную роль своего юного родственника князя Пауля Турн-Таксис, который в костюме рыцаря Лебедея плыл на лодочке по настоящему озеру, исполняя одну из заглавных арий оперы. Вагнер был в восторге, а вместе с ним радовался удаче король.

В этот день горы, деревья, озеро и конечно же прекрасный замок — все сделалось декорациями спектакля Людвига. В конце представления все еще одетый в театральный костюм князь преклонил колени перед королем, признавшись, что пожертвовал своим титулом, данной ему богом властью и состоянием, дабы служить музыкальному гению Вагнера.

Тут же под восторженные вопли приглашенных на день рождения короля актеров он был торжественно принят в театр простым актером.

Осенью Людвиг и князь Таксис отправились в путешествие по Швейцарии.

Воспользовавшись отсутствием короля, руководство секты иллюминатов приняло решение нанести последний, решительный удар по Вагнеру.

В Мюнхене произошла подстроенная иллюминациями демонстрация кучки молодых людей, выступавших с транспарантами, на которых было написано: «Долой Вагнера!» и «Долой Людвига!». Они шли по направлению к театру, разбивая по дороге витрины в магазинах, срывая афиши и ломая скамейки. Вмешавшаяся в дело полиция предложила всем немедленно разойтись по домам, но это только подогрело демонстрантов. Начавшаяся стычка длилась около десяти минут, после чего несколько человек были арестованы, остальные же благополучно сбежали.

Инцидент не представлял собой никакой реальной опасности, но министр полиции тут же отбил телеграмму Людвигу, что не в состоянии обеспечить безопасность находящегося в Баварии Вагнера, жизнь которого находится в опасности. В конце телеграммы он сообщил, что подаст в отставку, если только Вагнер немедленно не покинет Мюнхен.

Несмотря на то что никаких антивагнеровских манифестаций больше не повторилось и демонстрация осталась единственным неприятным инцидентом, пресса представила все так, словно Бавария находится на пороге революции или даже гражданской войны, вызванной недовольством широких масс.

На вокзале Людвига встречал усиленный эскорт полиции. Армейские силы были введены в Мюнхен в ожидании готовящихся беспорядков. Так что вдоль всей дороги к мюнхенскому дворцу Людвиг видел стоявших с оружием в руках военных. Прямо посреди улиц были установлены шлагбаумы, где проверялись документы. Патрули расхаживали по городу, выискивая пьяных или подозрительных лиц и задерживая их для выяснения

личности. Полицейские власти готовились ввести в Мюнхене комендантский час.

В королевском дворце толкались сбитые с толку и взволнованные родственники Людвига.

— Мой мальчик! — королева-мать бросилась на шею сыну, едва только тот вошел в приемный зал, где должен был состояться семейный совет. — Я думала, что уже никогда не увижу тебя живым! Этот человек — этот злой гений погубил тебя, и теперь твой народ готов растерзать вас обоих! О, в чем мы провинились перед Господом?!

Совещание длилось около часа, при закрытых дверях, за которые не были допущены ни члены правительства, ни прислуга с напитками и угощениями, как это было принято на обычных заседаниях совета.

Когда распахнулись двери, ожидавшие решение короля министры увидели бледного и расстроенного, но все же державшегося с благородством и свойственным ему изяществом Людвига.

Отыскав глазами министра полиции, с деланным безразличием король сообщил ему, что в самое ближайшее время Рихард Вагнер оставит Мюнхен. «Я хочу показать моему дорогому народу, — сказал он, — что его доверие и любовь я ставлю превыше всего».

После чего, ни с кем не попрощавшись, он удалился в свои покои, где плакал несколько часов подряд, закрывая голову подушкой, чтобы никто не слышал его рыданий и не стал невольным свидетелем безысходного горя.

Потеряв сначала любовь, а затем единственного друга и учителя, Людвиг не мог уже без раздражения смотреть в лица своих подданных. Вновь светило солнце, пели птицы, в кофейнях собирались поэты, устраивались вечеринки, лотереи, заседали различные общества и клубы.

В театрах шли спектакли. Все было как всегда, только в Баварии больше не было Вагнера, без которого жизнь короля теряла свой смысл.

Глядя на беззаботно развлекавшихся и довольных собой людей, Людвиг боролся с искушением крикнуть в их пустые лица, что это из-за них Бавария утратила великого гения, способного обогатить эти серые жизни, помочь им прозреть, почувствовать цель жизни.

Но он не делал этого, понимая, что снова будет не понят. Как не понят сейчас в своем горе и одиночестве. Много раз он думал о князе Пауле Турн-Таксисе, который сумел разорвать свои цепи, для того чтобы служить прекрасному.

Людвиг завидовал князю и одновременно с тем не понимал его. Как может человек, которому самой судьбой указано управлять другими людьми, настолько забыться, чтобы бросить все на алтарь собственного тщеславия и амбиций, Нет, Людвиг не мог поступить так же. Будучи уверенным в богоизбранности, он не смел оставить своего поста, пока судьбе не будет угодно сменить его на троне и в жизни.

Иногда эта ноша казалась ему неподъемно тяжелой. Иногда он был готов бросить все на младшего брата и убраться из Баварии на поиски своего счастья.

Надеясь избавиться от мучившей его хандры, Людвиг убедил себя, что когда-нибудь, возможно, ему удастся вернуть Вагнера в Мюнхен. В ожидании друга он начал строительство замка в средневековом стиле, все стены которого должны были быть расписаны картинами Зигфрида и Тристана, Парсифаля и Лоэнгрина.

Король снова возился с чертежами, выписывал к себе прославленных мастеров, так что со сторо-

ны могло показаться, что он вполне оправился после нанесенного ему удара. На самом же деле он жестоко страдал.

Принужденный заниматься государственными делами, Людвиг сумел заставить себя приходить на советы, но велел изготовить для себя непрозрачный экран, отгородившись таким образом от заставивших его выслать Вагнера из Баварии министров. Он физически уже не мог видеть эти довольные собой, сытые бюргерские рожи, каждая из которых смеялась ему в след, строя гримасы.

Он не желал дышать одним воздухом с чиновниками, мешавшими ему делать то, что он должен был делать на этой земле, которые шли против его святой миссии, а значит, и против воли создавшего его именно таким творца. Уже за одно это следовало повесить весь совет, но Людвиг всего лишь лишил врагов возможности лицезреть Его величество.

Печальный и напряженный он садился в свое кресло и смотрел в цвета разведенного в воде молока экран, за которым угадывались лишь слабые тени ненавистных ему людей. Он отвечал на вопросы, делал необходимые распоряжения, спорил. После чего уходил, оставляя вместо себя пустое кресло и запах изысканных духов.

Так король мстил своим подданным за свое разбитое сердце.

Дама Эсклармонда

Во время обедов, на которых король по традиции должен был присутствовать, Людвиг ничего не ел, помня поговорку, что в доме врага горек хлеб. Здесь он не мог уже спрятаться за экраном, за ко-

торым можно было вообразить, что находишься на совете круглого стола во времена короля Артура или отвечаешь на вопросы инквизиции вместе с Жанной Девой.

Во время званых обедов экран заменяли огромные вазы с цветами, которые отделяли короля от его подданных. Людвиг предпочитал смотреть в чистые лица цветов, нежели в лица людей.

Особое раздражение вызывали женщины, которые, несмотря на нежелание короля видеть их, упорно лезли к нему в надежде завоевать руины его сердца.

Сразу же после разрыва с герцогиней Софией Людвиг перебрался в Хохеншвангау, изгнав оттуда всех без исключения женщин. Так как опасался еще раз подпасть под их колдовское очарование.

Однажды гуляя по парку замка и читая вслух Шиллера, Людвиг заметил сидевшую на скамейке под кустом шиповника даму, которая по невероятной прихоти судьбы оказалась настолько похожей на предавшую его Софию, что поначалу король задохнулся от переполнившей его ненависти. Он хотел уже резко развернуться и убраться в замок, пока бывшая невеста не попыталась навязать ему свое общество, но вовремя заметил свою ошибку.

Женщина, которую он увидел в парке, была женой его секретаря господина фон Пфистермайстера. Вернувшись в замок, Людвиг осведомился, где живет секретарь, и узнал, что его дом находится буквально в миле от замка. Следовательно, она могла гулять там по собственному желанию, а не быть подосланной проклятыми иллюминатами, как это было с Викторией.

Разобравшись что к чему и решив не возбуждать дела, Людвиг послал за фон Пфистермайстером, который немедленно явился к своему королю.

«Я видел лицо вашей жены», — сообщил Людвиг ничего не понимавшему секретарю.

Тот переминался с ноги на ногу, не зная, что ответить на это.

«Я видел лицо вашей жены!» — чуть было не закричал король.

Испуганный секретарь решил не раздражать лишний раз монарха, заверив его, что такое больше не повторится.

Спустя неделю он рассказал эту историю в мюнхенском кабачке «Белокрылая сорока», снискав славу замечательного рассказчика и славного парня.

Один оказавшийся там же журналист начал подпаивать незадачливого секретаря, вытягивая из него другие подробности жизни баварского короля.

Так широкой публике стал известен тот факт, что, бродя среди расписанных сценами из вагнеровских опер залов, король желает думать, что находится в замке совершенно один. Поэтому если кто-нибудь из слуг слышит его шаги или видит его самого, он должен либо немедленно убежать со всех ног, либо застыть подобно скульптуре, дабы король мог пройти мимо, как проходят мимо восковых фигур в музее.

Журналист расписал услышанное, приукрасив рассказ новыми, несуществующими подробностями.

Однако и на самом деле в замке короля действительно происходили странные вещи.

Приглашенные в Хохеншвангау музыканты, например, рассказывали, что иногда посреди ночи их вызывают играть для короля и его гостей. Посреди зала накрыт стол, стоят цветы и вина, музыканты садятся за специальную перегородку и играют, в то время как король общается с пустотой.

При этом те же музыканты добавляли, что они нет-нет да слышат тихие разговоры, смех, пение и звон кубков, доносившиеся из зала, но стоит им только выглянуть за отделяющую их от короля перегородку, все призрачные гости тут же исчезают.

Не однажды после посещения короля воображаемыми дамами, к которому он особенно тщательно готовился, слуги находили в спальне короля старинные веера, музыкальные инструменты и батистовые, расшитые замысловатыми вензелями платки.

Один раз напившийся до бессознательного состояния деревенский священник рассказывал в дорожном кабачке, где он остановился по дороге из Мюнхена в свой родной Фюссен, будто бы однажды ворвавшийся в его церквушку король с шумом упал на колени перед распятием, умоляя святого отца немедленно исповедовать его.

Не желая спорить с казавшимся ему безумным человеком, священник распахнул перед ним дверцу исповедали, но Людвиг тут же захлопнул дверь, пробормотав что-то о том, что на самом деле желает не исповедоваться, а просто поговорить.

Сев на скамью и усадив рядом с собой ничего не понимавшего священника, король сообщил ему, что сердце его пожирает огонь любви и страдания.

— Я люблю ту, которой нет и которой, наверное, никогда не будет на этой грешной земле, — начал Людвиг. — Возможно ли любить, страстно любить свою мечту. Деву, приходящую в моих снах и даже во время дневного бодрствования, когда я занят государственными делами, читаю книгу или слушаю музыку?.. Иногда она приходит одна, иногда вместе с ней являются верные ей рыцари.

— Кто она, та дева, которую видите вы? — священнику сделалось жутко, но, взглядевшись в глубокие глаза короля, он не заметил в них и тени безумия.

— Ее зовут Эсклармонда де Фуа — хранительница Священного Грааля. Вот ее имя. Иногда с ней приходит ко мне дева Грааля Репанс де Шой, иногда я вижу других достойных людей, живших когда-то и заслуживших перед Господом право... — он задумался. — Возможно, я не могу понять всего, что от меня хотят. Но видит бог, как я стараюсь. Рыцарь Лоэнгрин, которого я вижу, чаще других помогает мне выжить в этом страшном мире. Он дает мне силы и утешает в моих печалях. Именно через посредство небесного воинства я отыскал среди всех людей на земле гения горного мира Вагнера. Именно они внушают мне, что плохо, а что хорошо, и как я должен поступить.

Моя дама — божественная Эсклармонда говорит, что, когда настанет время, они заберут меня прямо на небо, но я не знаю, вознесусь ли я туда душой или они найдут способ, согласно которому я поднимусь в царство Грааля в своем теле. Впрочем, это неважно. Я готов умереть тогда, когда они потребуют от меня этого.

— Я думаю, что на небо поднимется лишь ваша душа, — мягко предложил свою версию священник. — Во всяком случае обычно бывало именно так. Ответьте, сын мой, просила ли вас о чем-нибудь дама Эсклармонда? — он боялся разозлить Людвига, одновременно с тем ощущая отеческую теплоту и расположение к молодому королю, которое он не мог ничем объяснить.

— Дама Эсклармонда обещала обвенчаться со мной, — Людвиг потупился. — Она сказала, что я

волен исполнить свой королевский долг и продолжить династию. Что это нисколько не огорчит ее и заставит клеветников замолчать. Но, святой отец, как могу я, забыв дарованные мне милости, предпочесть ей другую? Как могу я искать любви и благосклонности другой дамы, после того как госпожа моего сердца Эсклармонда соблаговолила сделать меня своим рыцарем?!

Полгода назад, отец мой, я дал обед безбрачия. И намерен исполнить его. Вот что тревожит меня, лишая покоя и сна, — я боюсь, что мой народ, которого я люблю, несмотря даже на то, что он предал меня, заставив сердце мое истекать кровью, я боюсь, что мой народ найдет способ заставить меня выбрать себе земную женщину! Моя дама, хоть и говорит о том, что я могу жениться, на самом деле не простит мне подобной измены. Так как, признаться, я считаю, что она испытывает меня, проверяя на прочность мою преданность и мою веру.

Сказав это, король поднялся со скамьи и пошел в сторону выхода. На пороге он остановился и, оглядев скромное церковное убранство, крикнул ожидавшему его за дверьми секретарю, чтобы тот распорядился выделить деньги на ремонт церкви.

— Да благословит вас Господь, сын мой! — священник поднялся со скамьи и попытался было догнать короля, но тот лишь тряхнул длинными черными кудрями, точно отгоняя дурной сон.

— Да благословит он вас, святой отец, — эхом ответил Людвиг и поспешно вышел из церкви.

Никто не мог поручиться в том, что в рассказе пьяного священника есть хотя бы слово правды, но церковь действительно вскоре была отремонтирована из королевской казны. Что же касается Люд-

вига и его свиты, то в тот же день фермеры видели королевскую кавалькаду.

Странность заключалась в том, что на подъезде в Фюссен в свите насчитывалось не больше семерых человек, а когда Людвиг покидал церковь, его отряд вдруг чудным образом увеличился до сорока человек, большая часть из которых была одета в сверкающие доспехи и длинные рыцарские плащи.

Война

Как это часто бывает, в то время когда король ратовал за подъем германского искусства и культуры, когда музыка Вагнера призывала разделенную на отдельные княжества Германию объединяться, Пруссия и Австрия начали войну из-за Шлезвиг-Гольштинии.

Напрасно Людвиг призывал своих министров сохранять нейтралитет и засылать послов с миссией мира в оба государства, открыто выступая против братоубийственной войны. Все было бесполезно и predetermined заранее. Бавария должна была не просто ввязаться в военный конфликт, но и в силу исторических обстоятельств биться на стороне Австрии против Пруссии.

Людвиг был откровенным противником войны, в то время как его младший брат Оттон принял известие о готовящейся мобилизации с восторгом. Он устроил себе самые шикарные и дорогие проводы, которые видела когда-нибудь чопорная Бавария. Любимчика театральных и опереточных актрис провожали оркестры, марширующие по улицам города и играющие веселые мелодии. Сам

Оттон гарцевал сначала на прекрасном коне с голубым султаном и дорогой сбруей, а потом перебрался в карету, посадив рядом с собой цветник из самых красивых и знаменитых в Мюнхене актрис.

Не спасовал кронпринц и на полях сражения, где честно заслужил железный крест и умудрился вернуться домой не только без единой царапины, но и, в отличие от его невезучей страны, с законной добычей в виде знаменитой прусской плясуньи Лили Мулле. Влюбившаяся в красавчика Отто девушка была согласна отправиться за ним хоть на край света.

Война длилась всего один месяц и закончилась полной победой Пруссии. По окончании войны Бавария обязалась уплатить тридцать миллионов гульденов военных издержек.

Это было тяжелое время для всей страны, поэтому король нарушил свое затворничество и отправился со всей своей свитой и членами королевской семьи в длительную поездку по стране. С рыцарской добротой, мягкостью и щедростью он вникал в любое дело, любую проблему, стараясь принять наиболее подходящее решение. Никто не уходил от него без помощи и награды.

Впервые после истории с герцогиней Софией Людвиг снова был на людях, впервые подданные могли лично видеть короля, идущего по их улицам, беседующего с главами городов и простыми людьми. Людвиг снова нравился, снова был популярен, его любили, превознося его образованность, красоту и благородство.

Он снова был положительным героем газетных статей, снова кружил головы красоткам на балах, посещал театры и собрания своего ордена.

Несмотря на то что газетчикам было известно, что Людвиг продолжает переписку с Вагнером, обосновавшимся в Байройте в Швейцарии, и время от времени высылает композитору деньги, эта тема уже не находила отклика в сердцах баварцев, вновь видевших своего короля и искренне восхищавшихся им.

В то же время он начал строительство в Байройте театра, который они задумывали еще с Вагнером и на который Людвиг не получил в свое время денег. Театр на лоне природы, равного которому нет на свете. Байройтский театр, который должен был стать настоящим храмом искусств и чудом света.

Войдя в раж, король снова сделался живым и достаточно словоохотливым, он снова горел желанием видеть новые спектакли. И как всегда планы короля были гигантскими.

Несмотря на то что за строительством в Байройте наблюдала международная пресса, которая знакомила своих читателей с планами зодчих и художников, день открытия нового театра сделался событием, затмившим все и вся.

Людвиг сдержал свое слово, байройтский театр поражал своими масштабами и использованием современных технических средств. Проект нового театра был создан Готфридом Семпером, которому не было позволено отступать от плана, предложенного Людвигом и Вагнером, которые занимались разработкой этого театра с самого начала. Сорок восемь метров в высоту — театр вмещал за раз 2000 зрителей. Европа не знала еще подобных масштабов, поэтому на открытие приезжали со всего света.

Все славил щедрость и размах короля, но, вопреки прогнозам, он так и не приехал на открытие.

Меж тем Людвиг все чаще начинал задумываться, что мечта о единой Германии, которую они с Вагнером пытались воплотить на сцене, — ничто без реального объединения. Недавняя война показала с изумительной достоверностью, насколько хрупок мир в ситуации напряженности между разными странами.

Во имя единой, сильной и могучей Германии Людвиг пришел к выводу, что объединение невозможно без мира и дружбы. А для того чтобы был мир, следует объединиться с постоянно угрожавшей нападением и Австрии и Баварии Пруссией.

Подобно одинокому воину между двумя оцетившимися копьями армиями, Людвиг выступил с предложением мира, написав открытое письмо прусскому королю Вильгельму, в котором предлагал союз.

Символом мирного соглашения и союза Людвиг предлагал сделать замок в Нюрнберге, которым могли бы владеть на равных условиях Гогенцоллерны и Виттельсбахи.

Бедный, бедный король — народ не понял дальновидности его мирной политики. Вся его родня с отвращением, презрением и откровенным непониманием отвернулась от него.

Любой другой на месте Людвига, возможно, тут же отказался бы от борьбы. Но король предпочел вынести и этот удар, встретив его грудью. На этот раз он уже был готов к чему-то подобному, и новые неприятности не заставили его спасовать. Мир с Пруссией привел на сторону Людвига либералов, которые и укрепили его партию. Главой партии был выбран князь Хлодвиг фон Гогенлоэ. Мало этого — в доказательство своих намерений, дабы последние не были истолкованы двояко, в 1866 году Людвиг пожаловал орден Святого Губертуса Бисмарку. Они встретились лично, для того чтобы об-

говорить ряд интересовавших их страны вопросов, и остались довольны обществом друг друга.

Сам же Людвиг был готов проклясть принесший ему столько горя и разочарования Мюнхен. С присущей ему решительностью король поклялся, что никогда уже больше не станет показываться перед мюнхенцами, управляя страной из какого-нибудь отдаленного замка и не общаясь с прессой.

— Король не принадлежит себе, — в шутку заметил тогда Людвигу один из его министров. — Как вы можете, затворившись в отдаленном замке, не принимать послов, не присутствовать на советах, не встречаться с родными?

— Замок Монсегюр, в котором Эсклармонда берегла Грааль, находился на вершине, на которую не мог подняться обычный смертный, если только ему не была дана на то помощь свыше, — улыбнулся в ответ Людвиг. — Помнится, однажды сам король Ричард Львиное Сердце, узнав о Граале, решил прорваться в Монсегюр и забрать его.

— И чем же закончилось дерзание английского короля? — спросил у Людвига министр.

— Горы сыграли с ним злую шутку: желая попасть в замок Монсегюр, он оказался в замке Дюрштайн, где его ожидала темница, — ответил Людвиг.

Театр одного зрителя

Король сдержал свое слово, перебравшись в замок Берг.

«Не будучи ни в чем виноват, Людвиг добровольно обрек себя на одиночное заключение», — говорили в то время о нем.

Король действительно вел довольно-таки странный образ жизни. Будучи писаным красавцем и предметом воздыхания дам, он вел жизнь отшельника, предпочитая ждать истинную любовь, а не довольствоваться временными отношениями и низкопробными интрижками. Любивший красоваться на публике, он приговорил себя к строгому затворничеству.

На долгие месяцы его единственным другом стал ручной лебедь, в компании с которым он целый день плавал по озеру.

Когда же тоска по невозвратному становилась невыносимой, Людвиг приказывал подать карету, садился в нее и заставлял кучера ездить по кругу. Покатавшись так несколько часов, он вылезал из кареты у небольшого, выстроенного прямо посреди парка стационарного домика.

К карете подбегал заспанный смотритель, который низко кланялся, принимая документы короля.

— Добро пожаловать в Швейцарию, — говорил смотритель, широко улыбаясь путнику.

— Какое счастье. Я уехал из этой проклятой Баварии. Я смог! У меня получилось! — радовался Людвиг. Он стоял некоторое время, запрокинув голову и вдыхая запахи «Швейцарии». Потом вновь садился в карету или возвращался к замку пешком.

В такие дни хандра захватывала его целиком. Тогда он, облачившись в старинные латы и длинный плащ, приказывал воинам своего гарнизона построиться, после чего все седлали коней и скакали через лес, освещая себе дорогу факелами, в свете которых сияли старинные латы и развевались знамена знаменитых семейств Баварии и славных рыцарских орденов.

Часто становившиеся свидетелями невероятных кавалькад, простые крестьяне утверждали, что

нередко рядом с королем и его переодетыми вассалами скакали призрачные рыцари далекого прошлого.

Таким образом король со свитой переезжал из замка в замок, веселясь от души и распевая забавные песни. На следующий день вслед за невероятным отрядом в новый замок спешили слуги Людвига, придворный театр и специально приглашенные музыканты. После того как посредством народа, скандировавшего: «Долой Вагнера и долой его оперы!», был изгнан Вагнер, Людвиг держал театр лично для себя, по собственному желанию заказывая новые постановки и выписывая исполнителей и художников. Так, в один прекрасный день Людвиг открыл для Баварии и всей прогрессивной общественности того времени замечательного театрального художника Паоло фон Жуковский, сына знаменитого русского поэта Жуковского, который был занят у Людвига сразу же в нескольких спектаклях.

«Мой народ слишком много кричал о том, что я трачу деньги на зрелища, ему чуждые. Что ж, теперь, наконец, все встало на свои места. Я трачу деньги на себя одного, потому что я король. И потому что я один во всей этой проклятой Баварии понимаю истинное искусство — искусство Рихарда!»

По приказу короля королевская капелла и королевский придворный театр ставили спектакли, единственным зрителем на которых был сам Людвиг. План выпуска спектаклей и дни показов рассчитывались им самим по звездам. В назначенное время он приходил в зал и, благосклонно улыбаясь своим невидимым гостям, давал милостивое разрешение начать спектакль.

После чего смотрел, плача, рукоплещая и время от времени останавливая действие, прося повторить тот или иной эпизод, еще раз исполнить поправившуюся арию. В иные дни актеры были вынуждены играть для него днем и ночью.

При этом свет в зале был приглушенным или его вообще не было, сам же Людвиг предпочитал сидеть в полной темноте, благоговейно внимая представлению.

Зная любовь короля к театру и его дружеское расположение ко многим театральным актерам и актрисам, те стремились произвести на него наимыгоднейшее впечатление, портя таким образом настроение самому королю, который прекрасно видел, когда актер выкладывался на сцене полностью, а когда он играл для своего короля.

Однажды, когда Людвигу особенно надоел один неплохой тенор, во время всех своих арий пристально смотревший в королевскую ложу, Людвигу пришлось издать распоряжение, касавшееся всех актеров: под угрозой штрафа или немедленного увольнения не смотреть в сторону королевской ложи.

При этом он продолжал оказывать покровительство театрам и актерам, постоянно дарил подарки и присылал букеты за кулисы. Исполнительнице роли Брунгильды, например, Людвиг подарил свою любимую лошадь, которую привели украшенную цветами и лентами прямо на сцену, другие актеры получали дорогие украшения, памятные вещи, картины и самое главное — расположение своего короля.

Тем не менее Людвиг сдавал, во всех его поступках, жестах, словах угадывался какой-то надлом, который он старался врачевать знакомыми ему средствами — музыкой, прекрасной живописью, прогул-

ками на природе. Но ничего не помогало. С каждым днем он отдалялся от мира людей, становясь чем-то иным — далеким, недоступным, волшебным.

Право первой ночи

Одно из прав, на котором настаивали противники принятой в 1818 году Максимилианом Первым баварской конституции, было право первой ночи. О нем вздыхали потомки известных семей, перечитывая на досуге мемуары своих более счастливых прадедушек, этим правом пользовавшихся.

Однажды после удачной премьеры в Придворном мюнхенском театре брат Людвиг Отто устраивал угощение для актеров, и неожиданно присутствовавший на спектакле Людвиг изъявил желание поехать вместе со всеми.

Отто был невероятно рад, потому что прекрасно знал, каких трудов может стоить выманить куда-нибудь любящего уединенные горные вылазки брата. Сегодня же король был у него на приеме, пил его шампанское, мило беседовал с дамами. Это была невероятная удача, и кронпринц втихаря даже послал своего адъютанта оповестить местные газеты о происходящем, после чего вся компания устроилась в четырех экипажах и отправилась в ресторан, где их уже ждали офицеры гарнизона и несколько молодых людей, представляющих различные политические партии или просто прожигающих свои жизни.

В ресторане пела сделавшаяся всего месяц назад популярной в Мюнхене певичка, с очень недурным голосом, так что Людвиг даже заслушался и

первое время не обращал внимания на разговоры за столом.

Потом, когда зал разразился аплодисментами, а на невысокую сцену начали выносить букеты и корзины цветов, Людвиг огляделся, точно не понимая, где оказался. До слуха его донесся обрывок разговора.

О, право первой ночи. Людвигу тоже приходилось думать об этом курьезе. Об этой роковой ночи. Ночи с совершенно незнакомой девушкой, которую, быть может, и не видел до этого. Красивой или дурнушкой, толстой или тонкой, умной или круглой душой. Ночь — не право сеньора, а его обязанность. Девушка не будет счастлива в браке, если не проведет первую в своей жизни ночь с высококородным сеньором. С господином этих мест.

В этом была какая-то мистика, из-за которой «право первой ночи» превращалось в древний ритуал. Кто разрывает пелену девственности — тот, кто поставлен над всеми самим Богом, потомок небожителей, высшее существо, в чьих жилах течет кровь богов или ангелов. Не было никакого сомнения, что право первой ночи изначально принадлежало королю, царю, шаху, султану, или не важно, как называется наместник Бога на земле. А девушкой была посвященная жрица, в которую на краткую первую ночь входила великая богиня, прародительница всего. Их союз был краток, но нес в себе высшую мудрость и верховную магию.

Только потом, позже «обязанность первой ночи» переросла в «право».

Людвиг не хотел бы обладать правом быть немилым, но одновременно с тем сама эта ситуация манила его своей таинственностью. За столом спорили о понравившейся королю певице. Оказывается, она была из простолюдинов, ее семья террито-

риально относилась к владениям одного из молодых людей, сидевших сейчас с Людвигом за одним столом, и чисто теоретически, конечно, если бы «право первой ночи» было в силе, девушка могла бы принадлежать именно ему.

Слушая пьяные разговоры и попивая смешанное с рейнвейном и с каплями фиалкового эфирного масла шампанское, Людвиг вспомнил о том, как однажды он уже сделал попытку испытать наслаждения права первой ночи.

Было это в его бытность студентом университета, и речь шла о книге, которую будущие светила мировой науки, искусства и юриспруденции покупали вскладчину и читали потом по очереди, меняясь каждую ночь. Ночь наедине с таинственной книгой привлекла Людвига с такой силой, словно речь шла о ночи наедине с появившейся в результате спиритического сеанса девушкой из прошлого или грядущего.

У Людвига было больше денег, нежели у его новых знакомых, но принц не стал тогда раскрывать своего инкогнито и внес свою долю чужими руками. Но, когда книга была уже приобретена, появился еще один ритуальный предмет — старая шляпа со жребиями. На жребии были номера, согласно которым каждый из пайщиков должен был получить в свое пользование книгу.

Поняв, что слепой случай может сыграть роковую роль, Людвиг вышел из тени и, представившись, потребовал для себя безоговорочного права первой ночи, в чем ему было решительным образом отказано.

Поняв, что вожделенная книга может уйти от него навсегда и что он не притронется к ней после того, как с ней проведут ночи другие студенты, Людвиг пришел в ужас и пообещал, если ему отда-

дуют книгу, к утру сделать каждому из участников сговора по копии. На чем и порешили.

Обнимая книгу, точно выкупленную из неволи пленницу, с замиранием сердца Людвиг открыл ее. Книга была старой, но не являлась старинной, просто ее давно не издавали, и из-за этого она приобрела понятную ценность для готовившихся к экзаменам студентов.

С восторгом принц разглядывал занимательные иллюстрации и чертежи, не пытаясь вникнуть в смысл написанного. Он провел бессонную ночь, представляя, как в своих холодных комнатах бедные студенты судорожно перебирают страницы учебников, слюнявя пальцы и переписывая целые абзацы в тетрадь.

Как далеки они были сейчас для Людвига с его высшим пониманием владения книгой, правом первой ночи и правами безграничной монархии.

Кстати, как выяснилось позже, книга была не из тех, которые изучали на его курсе, и для учебы она была ему не нужна. Это был «Самоучитель персидского языка».

Повинуясь странной магии происходящего, Людвиг тогда действительно занялся персидским и вскоре, не имея ни единого наставника и не взяв ни одного урока, овладел персидским, причем так хорошо, что даже самому взыскательному знатоку не пришло бы в голову поправлять его произношение, настолько оно было совершенным.

Заколдованный лес

Маленький Зигфрид всю свою недолгую жизнь жил в лесу со своим воспитателем карликом Миме. Нибелунг воспитывал его с самого рождения, тем

не менее Зигфрид так и не смог поверить, что Миме его отец. Уж больно он был трусливым, мелким и тщедушным. Зигфрид же рос сильным и красивым мальчиком. Карлик не мог сделать ни одного меча, который Зигфрид не сломал бы играючи. Однажды Зигфриду удалось уговорить Миме открыть ему тайну его происхождения.

Карлик поведал мальчику, как однажды встретил в лесу погибавшую от голода и усталости беременную женщину Зиглинду, которая умерла у него на руках, успев подарить жизнь своему сыну Зигфриду. Перед смертью Зиглинда передала нибелунгу обломки знаменитого меча Нотунга, принадлежавшего прежде отцу маленького Зигфрида, с тем чтобы когда-нибудь Нотунг служил сыну.

Юноша попросил Миме сковать для него отцовский Нотунг, но Миме не удалось это сделать. Неожиданно перед Миме возник одноглазый незнакомец в сером плаще и широкополой шляпе с посохом, на конце которого сверкала молния. Странник предложил Миме поиграть в загадки, закладом в игре служит голова проигравшего, и тот не посмел перечить, понимая, что его гость — бог!

Несмотря на то что нибелунг придумывал очень сложные вопросы, незнакомец отвечал на них, не задумываясь. Когда же пришла очередь странника спрашивать Миме, он задал ему три вопроса, на последний из которых карлик не сумел ответить: «Кто скует непобедимый Нотунг?»

«Нотунг скует тот, кто не ведает страха, ему же и достанется твоя голова в качестве приза, нибелунг», — ответил за него странник и тотчас исчез.

Миме ужасно испугался, так как понял, что единственное, чему еще не успел научить своего воспитанника, — это чувство страха. Он решил уже зако-

пать обломки Нотунга в землю, но в это время в кузницу явился Зигфрид. Удивленный, что воспитатель даже не начал ковать меч, юноша раздул меха и взял в руки молот. Вскоре Нотунг был как новенький.

Предвкушая скорую смерть от руки своего названного сына, Миме повел Зигфрида в лес, чтобы убить его.

Людвиг смотрел на сцену, на которой залитый лунным светом возвышался волшебный лес. Тот самый лес, через который должен был идти юный герой со своим коварным воспитателем. Король прекрасно знал эти декорации, так как лично рисовал их ветку за веткой, а потом участвовал в монтажке и установке света. И вот теперь таинственный лес поражал его своей неизвестностью и странностью.

Это был другой, чужой и словно втягивающий его в себя лес призраков. Так что на какое-то время Людвиг перестал воспринимать происходившее на сцене, вдруг оказавшись в зачарованном лесу. Ощущение было настолько сильным и завораживающим, что король боялся пошевелинуться или вздохнуть, потеряв таким образом то необыкновенное, что происходило с ним. И одновременно с тем стараясь увидеть и прочувствовать как можно больше.

Интересно, он знал, что все еще находится в театре, и одновременно с тем он был в лесу, слышал пение птиц и запах цветов. Под его ногами лежал мягкий ковер зеленого мха, а где-то за кустами бежал ручей.

Собравшись с духом, Людвиг заставил себя подняться и сделать шаг. Под ногой хрустнула ветка. Не имея понятия, куда следует идти, Людвиг оглянулся: он находился на освещенной светом солнца поляне, вокруг которой возвышался вековой лес.

Забавно, на сцене была ночь. Людвиг хотел пойти наугад и только тут сообразил, что часть его в это время находится в королевской ложе театра, а значит, он рискует рухнуть в зрительный зал и сломать себе шею.

Не зная, что предпринять, Людвиг замер, читая молитву, которая вдруг неведомым образом обернулась строками Иоганна Гете: «Мир духов рядом, дверь не на запоре, Но сам ты слеп, и все в тебе мертво. Умойся в утренней заре, как в море, очнись, вот этот мир, войди в него».

Людвиг закрыл глаза, но видение чудесного леса не исчезло. Напротив, теперь оно сделалось еще более ясным и настойчивым. Над головой короля появился золотой орел, а из леса навстречу к нему вышли простоволосые босоногие красавицы, которые смеялись, распевали песни и звали Людвига к себе.

«Не подчиняться», — приказал себе король. Но с каждым ударом сердца сладкие голоса лесных дев становились все громче. Они приблизились к королю, закружив вокруг него веселый хоровод.

«Я должен проснуться. Любой ценой я должен проснуться. Или смерть ужасная, мучительная, бессмысленная смерть».

Не помня себя от ужаса, он заорал. Подражая ему, закричали и лесные нимфы. Тогда Людвиг начал прыгать, дергая руками и ногами, в надежде что сумеет таким образом пробудиться от своего сна.

Вслед за ним запрыгали и девушки. Их волосы развевались по ветру, поднимаясь и опускаясь, подобно всполохам солнца или движениям водорослей в озере.

Вдруг картинка застыла, и Людвиг услышал голос, приказывающий ему следовать за ним.

Король задрожал и, повернувшись на голос, вдруг явственно увидел театральную ложу, из которой вышел в чудесный лес. Людвиг вздохнул и, вернувшись на свое место, упал в кресло, обливаясь потом.

В последний момент, находясь между заколдованным лесом и театральной ложей, он увидел, что, оказывается, все это время стоял, наклонившись над пропастью пустого зала.

— Поздравляю с возвращением, — шепнул ему на ухо все тот же голос. Людвиг вздрогнул, только тут заметив незнакомца.

Рядом с ним в королевской ложе на точно таком же кресле, как и у Людвига, сидел светловолосый мужчина, одежда которого была сделана из крепкого, домотканого полотна с крыльями за спиной. Что касается крыльев, то тут следует уточнить, что ангел расположил их так, чтобы они свисали по обеим сторонам кресла.

Но Людвиг удивился не столько белым крыльям, сколько тому, что в его ложе, невзирая на строжайший запрет, посмел находиться посторонний.

К слову, крылья еще не делают ангела ангелом. И в театре наличием крыльев, как известно, никого не удивишь.

Иными словами, блондин мог оказаться не в меру амбициозным и наглым актером, который явился к королю с тем, чтобы выпросить что-нибудь лично для себя.

Людвигу даже показалось, что он уже где-то видел это широкое, открытое, как у актеров героического амплуа, лицо.

— Да. Мы в некотором смысле знакомы. Точнее, мы знакомы посредством снов и видений, когда ваша душа, юный король, наиболее открыта для прие-

ма посланий, — прочел его мысли ангел. — Сегодня же особый день, звезды заняли положение, когда приоткрываются врата, и мы можем предстать перед вами в реальном для вашего измерения физическом теле.

— Но как же это может быть? — Людвиг протянул руку и потрогал ангела.

— Да, я настоящий, из плоти и крови, а не плод вашего воображения. Скажу больше, начиная с этого дня вы уже сможете более свободно общаться с посланной меня дамой Эсклармондой и другими вашими друзьями.

— Дамой Эсклармондой... Но откуда вы...

— Я знаю донну де Фуа, это она попросила меня явиться к вам сегодня и спасти вашу жизнь, что я с удовольствием и делаю, — он весело поклонился Людвигу. — Кроме того, у меня есть еще одно поручение к вам: вы должны спрятать одну вещь, — ангел приподнял полу своего одеяния, показывая королю завернутый в белую материю округлый предмет.

— Я сделаю все, что будет в моих силах, — заверил ангела Людвиг, забыв при этом спросить, от чего или от кого его следует спасти, поэтому ангел был вынужден снова взять инициативу в свои руки.

— Если вы выгляните сейчас из своей ложи, то напротив нее, рядом со стоящей в кадке пальмой вы увидите медиума иллюминатов, которая ввела вас в транс и пыталась заставить выброситься из ложи. Прежде всего удалите ее. Сделайте так, чтобы этой дамы больше никогда не было рядом с вами, моих сил с трудом хватает и на то, чтобы блокировать ее атаки.

Как зачарованный Людвиг поднялся со своего места и огляделся, свет, исходящий от ангела, мог

привлечь внимание со сцены, но пока там все шло вполне нормально. Он выглянул в фойе и тут же увидел притулившуюся у пальмы актрису Виржинию Клоэ, которая стояла там с отсутствующим видом. Пальцы ее были переплетены и зажаты в нервный замок, глаза широко открыты, но Людвиг был готов поклясться, что госпожа Клоэ не видела и не слышала ничего вокруг себя, стремясь сокрушить невидимую защиту Людвига.

Время от времени тщедушное тельце Виржинии вздрагивало, должно быть, в этот момент она отражала удар меча, охранявшего Людвига ангела. Не желая и дальше испытывать его стойкость, король подозвал к себе дежурившего в десяти шагах от ложи охранника и велел немедленно вызвать полицию, для того чтобы задержать опасную заговорщицу и выслать ее из страны.

Удивленный подобной жестокостью охранник щелкнул каблуками и, не дожидаясь прихода полиции, взял Клоэ под руку и, шепча ей что-то на ухо, увел подальше от ложи.

В тот день Людвиг покинул театр задолго до окончания спектакля, в руках его швейцары могли заметить завернутый в белую ткань округлый предмет, от которого как будто лился свет.

Лебединое озеро

В 1876 году в Байройте состоялся премьерный показ оперы «Кольцо нибелунгов», первым зрителем которого был Людвиг. С 6 по 9 августа спектакль шел лично для него. В королевской ложе сидели двое — король и Вагнер. После спектакль был показан рядовой публике.

Приехавший на премьеру Петр Ильич Чайковский был до глубины души поражен масштабами спектакля, прекрасными декорациями и, разумеется, актерским составом.

Зрителям была предложена опера, которая шла целых четыре дня! Это была совершенно новая и блестящая новация композитора и короля, о которой теперь писали все газеты европейских держав.

После спектакля он зашел за кулисы, где его уже ждал Вагнер. Некоторое время они беседовали в небольшом, но обставленном со вкусом и изяществом кабинете композитора. После чего тот сообщил Чайковскому, что его желает видеть одна высокопоставленная особа, присутствующая на сегодняшнем спектакле.

Разумеется, Чайковский сразу же догадался, о какой такой высокопоставленной особе идет речь. На спектакле он несколько раз пытался разглядеть в лорнет темнеющую подобно таинственному гроту волшебника царскую ложу. С замиранием сердца Петр Ильич ждал появления таинственного короля, но вместо короля в кабинет Вагнера зашел одетый во все черное молодой человек, в руках которого был шелковый цилиндр.

Поклонившись Петру Ильичу, он прошел через комнату и, склонившись над ухом Вагнера, шепнул что-то.

— Пора, мой друг, — несколько виновато улыбнулся Вагнер своему русскому другу, косясь на черного человека. — Вас проводят. — Он потупился и вышел первый, не закрыв дверь в кабинет.

— Господин Чайковский. Прошу вас следовать за мной, — сухо поклонился провожатый. Его голос напомнил композитору шуршащую бумагу, отчего у него самого пересохло в горле. Тем не менее он

встал и, вежливо поклонившись, вышел вслед за посланником.

Выйдя через черный ход, они сели в ожидавшую их коляску с поднятым верхом, где провожатый тут же завязал глаза композитору черным шелковым шарфом. Чайковский не возражал, полностью поглощенный таинственностью происходящего. Некоторое время он слышал только стук копыт о булыжную мостовую и скрип коляски.

Наконец они остановились, и провожатый помог композитору вылезти из коляски и встать на твердую почву. Скрипнула дверь, Чайковский почувствовал, как проходит мимо стоящего в дверях человека, должно быть, дверь открыл лакей, услышавший, что подъехала карета.

Они прошли не более десяти шагов, после чего Чайковского усадили в кресло, сняв с его лица черный платок.

Перед ним в изящной позе сидел высокий мужчина, лицо которого скрывала птичья маска. Чайковский тут же безошибочно узнал в нем баварского короля.

Вопреки странностям, окружавшим всю эту встречу, разговор начался сразу же, да так непринужденно, что Петру Ильичу показалось, что он знал короля всю жизнь.

В ту ночь Людвиг блистал остроумием и поражал своего нового знакомого осведомленностью во многих областях науки и искусства. Прекрасная память помогала королю хранить множество интереснейших сведений, которые он теперь с щедростью, достойной великих, изливал на приезжего.

Очарованный Чайковский признался королю, что приехал в Баварию в тайном желании увидеть Его величество. Потому как именно его, короля, из-

вестного во всем мире как Король-Лебедь, он и хотел сделать героем своего будущего балета «Озеро лебедей». Говоря это, композитор сделал намек, что мечтает поглядеть на знаменитый Хохеншвангау и лебединое озеро, воспетое миннезингерами и прославленное лебедиными рыцарями.

На что король вдруг ответил неожиданно резким отказом, обидевшим и немного напугавшим Чайковского, решившего уже было, что нашел в Людвиге не просто короля, а человека, который мог бы стать его другом и меценатом.

Увидев замешательство гостя, Людвиг извинился, пояснив, что не имеет ничего против того, чтобы композитор совершил путешествие по Баварии и посетил интересующие его места, но при этом он не только отказывался официально принимать его в своих резиденциях, но и заклинал Чайковского никогда и никому не рассказывать об их встрече.

— Дело в том, что меня преследует страшный рок, — король порывисто сорвал с лица маску, представ перед изумленным композитором во всем блеске своей красоты. — Наделенные необыкновенно сильной магией, мои враги делают все возможное, для того чтобы разлучить меня с теми, кто мне сколько-нибудь дорог. И решишь я пригласить вас в Баварию, на вашу голову тотчас обрушатся семь египетских казней. Поэтому прощайте и помните: душа Короля-Лебедя всегда с его друзьями, а значит, и с вами.

С этими словами Людвиг вышел из комнаты. В полной тишине Чайковский посидел еще какое-то время, переваривая услышанное. Потом он поднялся и вышел вслед за королем. В прихожей композитора дожидался давешний провожатый, который вежливо предложил композитору вновь

завязать глаза, после чего посадил его в карету и довез до гостиницы.

Приехав в Россию, Чайковский тут же взялся за создание нового балета, надеясь, что баварский король когда-нибудь услышит о нем.

После смерти Короля-Лебеда Чайковский проклял «Лебединое озеро», в котором он невольно предрек гибель Людвига.

Братья

Однажды в гости к Людвигу в замок Хохеншвангау пожаловал его брат Отто. Людвиг не видел его после истории на озере. Правда, уже тогда ему удалось собрать неопровержимые доказательства непричастности брата к очередному заговору иллюминатов. Тем не менее он не спешил первым призвать к себе Отто.

Брат явился накануне приезда в Мюнхен Вагнера, который по договору с мюнхенским театром должен был поставить в нем «Мейстерзингеров». В такой счастливый день Людвиг решил забыть нанесенную ему обиду и отнестся к брату со всей благосклонностью, на которую только мог быть способен.

Они долго разговаривали в кабинете Людвига, куря и попивая замечательный коньяк из личных запасов короля.

— Маман пеняет тебе, что ты до сих пор не женился. Ты ведь знаешь, как это важно для нашей семьи, — говоря это, Отто решил, что брат прикажет вышвырнуть его из замка, так нахмурился Людвиг при одном упоминании о браке.

— Смотрел ли ты «Тангейзера»? — вопросом на вопрос ответил Людвиг.

— «Тангейзера»? — Отто вопросительно поднял брови. — Гм...

— Конечно же нет. Впрочем, я и не ожидал ничего иного, — Людвиг с грустью посмотрел на брата. — Хочешь знать, почему я до сих пор не женат? Отвечу тебе метафорой. Когда-то жил знаменитый бард Тангейзер. Я опускаю его родословную, так как историки путаются, даже называя дату его рождения, я уже молчу об именах его благородных родителей, которых, похоже, вообще никто не знает.

Не суть. Тангейзер был самым лучшим менестрелем Германии. Красоте его стихов и голоса изумлялись не только люди на земле, но и боги на Олимпе. Однажды Тангейзер пел возле так называемого грота Венеры, когда прекрасная богиня предстала перед ним во всем блеске своей красоты и славы.

Она поцеловала Тангейзера, забрав его в свой грот, откуда открывался другой мир — мир, прекраснее которого не было ничего на свете.

Несколько лет жил Тангейзер в сладком плену. Но однажды ему захотелось побывать на родине, повстречаться с другими трубадурами, поучаствовать в турнирах.

Прощаясь с ним, Венера сказала, что ему будет очень тяжело в мире людей, так как его сердце остается с нею. Тангейзер не поверил богине и вернулся к людям.

Он участвовал в турнире трубадуров в Вартбургском замке и заслужил главную награду, вручать которую должна была самая красивая девушка королевства. Это была прелестная Елизавета —

племянница ландграфа Тюрингского. Тангейзер тут же влюбился в нее. И велел своему герольду оповестить собрание, что сейчас знаменитый Тангейзер исполнит песню в честь несравненной Елизаветы.

Он начинает петь, но вместо того чтобы петь о Елизавете, поет о Венере. Был неслыханный скандал. Оскорбленные таким поведением трубадура дамы покидают турнир, рыцари бросаются на Тангейзера с обнаженными мечами, но Елизавета спасает Тангейзера, признавшись, что любит его и желает выйти за него замуж.

Ландграф соглашается помиловать Тангейзера, но в наказание принуждает его отправиться в Рим на покаяние.

Проходит несколько лет, Тангейзер возвращается из Рима. Возле Вартбургского замка его встречает трубадур Вольфрам фон Эшенбах, с которым он был дружен в былые времена.

Тангейзер признается ему, что Папа не простил его грех, сказав, что снимет проклятие с трубадура не раньше, чем его посох зацветет. Куда ему теперь — мир людей не для него, остается вернуться в грот Венеры.

В это время мимо них проходит траурная процессия. С ужасом Тангейзер видит, что хоронят Елизавету. Убитый горем он падает тут же мертвым. В это время мимо идут пилигримы, которые несут небывалую весть — папский посох зацвел.

— Когда мы были мальчиками, ты говорил, что встречаешься с русалкой из Шванзее. Теперь... — Отто почесал затылок. — Хотя, может быть, ты и прав, тот, кому открылся мир, прекраснее которого нет на свете... имеет право отказываться от благ этого...

Некстати вспомнив о русалке, Отто было пожалел о своей несдержанности, опасаясь, что брат все-таки накажет его за проклятую актрису, с которой кронпринц невольно свел его, но в лице Людвига не было заметно ровным счетом никаких перемен. Брат счел это неплохим знаком.

Когда Отто прощался с королем, лицо Людвига освещала блаженная улыбка человека, испытывающего в этот момент наивысшее наслаждение. Казалось, что он сейчас пребывает в другом, совершенном и прекрасном мире, в который Отто не будет допущен никогда.

Сев в свой экипаж, Отто еще раз оглянулся на окно кабинета Людвига, но тут же отвернулся, опасаясь, как бы брат не посчитал это неприличной чувствительностью.

Когда запоздавший секретарь принес саквояж принца и, открыв дверцу, сел рядом с хозяином, Отто бросил последний взгляд на окно, да так и застыл с открытым ртом, не смея ни отвернуться, ни закрыться от исходившего оттуда света.

В золотистом сиянии ему махал рукой Людвиг, рядом с которым стояла небесной красоты женщина в длинном старинном платье с широкими рукавами и в золотом уборе на голове. Длинные светлые волосы незнакомки были усыпаны драгоценными камнями и, казалось, тоже излучали свет.

Отто почувствовал, как экипаж тронулся с места, и поспешно сел на свое место, до боли прикусив себе руку, чтобы понять, не спит ли он. Венера, Эсклармонда или Ундина — все это было слишком необычным, чересчур неземным даже для вечно летающего в облаках Людвига.

Это была последняя встреча братьев. По свидетельству медицинской комиссии, созванной в Мюнхене для освидетельствования кронпринца в 1872 году, наследный принц Отто Виттельсбах сошел с ума.

Никто не мог поверить в то, что бесшабашного, смешливого, любившего проводить время в окружении певичек и проматывающих свои состояния молодых людей, Оттона вдруг придется поместить под надзор в одном из пригородных замков.

Отто и сокровища Грааля

Со слов его личного секретаря Герберта фон Блюма, расставшись в памятном 1868 году со своим братом королем, Отто сидел какое-то время в экипаже, не поднимая глаз от пола. Так что господину фон Блюму показалось, что тот заснул.

Когда они проезжали Шванзее, принц вдруг вскочил, велел остановиться.

— Видите это озеро? — спросил он у секретаря.

— Да, конечно, — фон Блюм утвердительно кивнул головой. — С этого места замок выглядит особенно странно. Поглядите: всего одно озеро, рядом с которым стоят целых два королевских замка — Хохеншвангау и Берг, к которому мы сейчас подъехали. Как будто ваши предки не могли допустить даже мысли о том, что кто-нибудь кроме них может жить близ вод лебединых озер. Вы не находите?

— Да, странно... — точно в забытии прошептал принц, его глаза горели, лицо покраснело, лоб покрылся испариной. — Когда мы были детьми, Людвиг рассказал мне о своих встречах с русалкой этого озера. Клянусь Богом, если, конечно, господин

Фрейд ошибся и Господь все-таки существует. Клянусь Богом, дорогой Герберт, мне следовало тогда не насмехаться над моим братом, а попытаться проследить за ним. Проникнуть в его мир. В грот Венеры, черт возьми! А теперь, теперь, я полагаю, все потеряно. Моя жизнь прошла впустую. А Людвиг... — он шумно вздохнул.

— Но ваша жизнь еще не прошла. Вы так молоды и так много можете сделать. В конце концов, вы наследный принц, — секретарь понизил голос до шепота. — Никто не знает, сколько Господь кому отмерил, а у короля нет наследников...

— Наследников... престол... Как же вы не можете понять, что я нуль, пустое место. Что это он, а не я великий король... — Оттон велел кучеру остановиться, после чего вылез из экипажа, подставляя лицо теплomu, летнему ветру. — А может, не все еще потеряно? Я посмеялся над ним тогда, но зато теперь, когда я видел... когда проник в его тайну... кто знает, может, судьба дарует мне новый шанс. Последний шанс.

Услышав подобные признания, больше смахивающие на бред, нежели на сколько-нибудь связную речь, господин фон Блюм всерьез забеспокоился, предполагая, что Оттон болен. Он поспешно вылез из кареты, не зная, что предпринять, в то время как принц вдруг скинул с себя сюртук, растянул стягивающий его шею галстук и побежал по склону холма к воде.

Фон Блюм устремился за ним, непрерывно зовя принца и умоляя его не делать глупостей.

— Вы не понимаете, Герберт, что я открыл его тайну! Я понял, где вход в грот Венеры, куда он в один прекрасный день уйдет от нас, оставив Баварию с носом! — уворачиваясь от пытавшего утихомирить его секретаря, выкрикивал Отто. — Вход здесь. Прямо в

озере. Сначала русалка, потом Эсклармонда де Фуа. Вход в грот Венеры находится под водой, где-то здесь. Не случайно же мой брат часами плавает в лодке по этому озеру! Не случайно он требует от слуг, чтобы никто не подходил к воде на расстояние мили и не нарушал его покоя.

Просто он не хочет, чтобы кто-то еще видел его встречи с... Не хочет, чтобы кто-нибудь из нас, недостойных, увязался за ним в мир, прекрасней которого нет. В эту чертову страну Грааль!

— Но послушайте, сир, — секретарь задыхался от быстрого бега, к тому же каждый раз, когда он старался ухватить Отто и повалить его на землю, тот с проворством юного леопарда вырывался от Герберта, смеясь и продолжая выкрикивать свои глупости. — Послушайте, Ваше высочество, принц. Почему вы считаете, что вход в этот запредельный мир должен быть именно на лебедином озере? Всем известно, что король приказал сделать озеро в его личных покоях в мюнхенском дворце. Быть может, вход там, а вы только вымочитесь здесь и схватите инфлюэнцу?

— Возможно, ты и прав, — Отто остановился, отирая пот со лба. — Мой брат дьявольски хитер. Конечно, он может часами плавать в лодке, где его видит каждый, и никто не может увидеть в этом никакой крамолы. А потом раз, несется в Мюнхен, идет в свой зимний сад, перекрывает входы и выходы часовыми. Там всего-то две двери, так что гвардия не нужна. И в полном одиночестве открывает тайный вход, и... ты молодец! — Отто дружелюбно похлопал секретаря по плечу. — Но об этом чур никому.

— Конечно, как вы могли такое обо мне подумать, принц! — фон Блюм был счастлив, что все, на-

конец, разрешилось. Но когда он наклонился, чтобы поднять брошенный принцем сюртук, тот вдруг вновь сорвался с места и что есть сил побежал в сторону озера, с плеском хлопнувшись о воду.

— Что вы делаете, принц?! — только и успел крикнуть секретарь.

— Не волнуйтесь, милейший Герберт, может быть, вход в царство Грааля в мюнхенском дворце, но она, та самая русалка, что приплывала к моему брату еще в детстве, она определенно здесь! — с этими словами Отто нырнул и, отфыркиваясь, поплыл на середину озера.

Фон Блюм тотчас же развернулся и, подлетев к ожидавшему их кучеру, потребовал, чтобы тот что есть духу летел в замок за подмогой.

Впрочем, подмога не понадобилась, поплавав какое-то время и, должно быть, немного остыв, принц выбрался на берег, где тут же рухнул на землю, и, смотря в голубое небо, начал петь песню о любви крестьянской девушки и рыцаря.

Отто доставили в замок, где его тут же осмотрел придворный лекарь. К удивлению секретаря, он сообщил, что принц, должно быть, перебрал лишнего. При этом он намекнул на то, что нет ничего удивительного в том, что принц немножко набрался, так как, должно быть, они с королем помирились и выпили мировую.

Как ни пытался несчастный фон Блюм объяснить и доказывать, что от принца почти не пахло спиртным, то есть многим меньше обычного, доктор только рукой махнул, прописав принцу как следует выспаться.

Отто проспал десять часов кряду, а когда проснулся, сразу же велел отвезти его в Мюнхен. С то-

го дня он был поглощен идеей поиска тайного грота Венеры, через который можно попасть в мир, прекраснее которого нет на всем белом свете.

Под любыми предложениями он отказывался встречаться с братом, так как боялся, что тот прослышит о его поисках и начнет чинить препятствия.

Когда ему казалось, что он начинал нащупывать след таинственного входа в иной мир, он устраивал пир, приглашая всех своих друзей на прощальную, как он это называл, вечеринку.

Когда план проваливался и принц вновь оказывался в тупике, он вспоминал как-то рассказанную Людвигом историю о короле Ричарде Львиное Сердце, который шел к Монсегюру, но в последний момент волшебная крепость, в которой хранился Грааль, обернулась для несчастного и его рыцарей пленом в замке Дюрштайн.

В том же несчастливом 1868 году скончался бывший магистр ордена Святого Георгия дед Людвига и Отто — бывший король Баварии Людвиг Первый. Он отошел тихо и безмятежно, прожив жизнь, как он сам того и желал, по велению сердца и благородных стремлений. Он любил, был любимым. Пожертвовав коронной ради любви или химеры, он много путешествовал, занимался живописью и архитектурой. И, наконец, он исполнил цель своей жизни — встретил мессию красоты и гармонии, посадив его на баварский престол и сделав магистром рыцарского ордена.

Магда

В день, когда Отто удостоился чести лицезреть даму Эсклармонду и затем бросился в воды Шванзее, старая Магда чуть не лишилась жизни от страха и

отчаяния. Много раз во сне она видела одну и ту же картину. Два человека, оба одетые в сюртуки и шляпы, идут по берегу озера. Правда, в снах это было Шванбергское озеро. Садятся на скамейку, какое-то время беседуют о чем-то, после чего один из них — Магда знала, что это ее Людвиг, вскакивает и бежит к озеру. Где исчезает в его водах, которые смыкаются над его головой.

В следующее мгновение на поверхности воды появляется белый лебедь. Этот сон преследовал старую ведьму с того самого дня, когда ее замерзшую и больную нашел король. И вот теперь, гуляя по королевскому парку, где ей официально было разрешено оставаться и даже по желанию питаться на кухне, Магда увидела двух мужчин, одетых также, как и в ее сне. Она не разглядела экипажа, но явственно увидела, что один из мужчин вдруг припустил к озеру и бросился в него.

Испугавшись, что она видит смерть своего друга и покровителя, Магда закричала, тут же потеряв сознание. Ее нашли через несколько часов, после того как кронпринц был осмотрен врачом в замке. Зная о странной привязанности короля к старой и безобразной нищенке, старуху уложили в людской, где ее осмотрел личный врач Людвиг. Услышав о случившемся, к удивлению прислуги, в Берг прискакал сам король, он спешился, бросив поводья подбежавшему к нему мальчишке, и тут же помчался в людскую, где упал на колени перед едва пришедшей в себя женщиной.

Услышав о причине, повергшей Магду в столь плачевное состояние, Людвиг разрыдался и затем потребовал, чтобы старуху немедленно отправили в госпиталь для ветеранов, который содержался орденом Святого Георгия. Там она пробыла несколь-

ко недель, после чего была доставлена в карете в Берг, где старую колдунью ждала приготовленная для нее комнатка.

Но Магда не прижилась в новых для нее условиях, и, немного оправившись после перенесенного удара, она упростила короля разрешить ей вновь поселиться в пещере, где они впервые встретились. Не помогли ни разумные доводы, ни просьбы Людвига, который откровенно опасался за здоровье старой женщины. Магда согласилась лишь с тем, что если вдруг она не сумеет сама раздобыть хворост или заболит, она вернется в свою комнату в замке, где будет находиться столько времени, сколько пожелает.

Ничего не поделаешь, Людвигу пришлось согласиться со старой женщиной, дружбой которой он искренне дорожил и в советах которой нуждался.

— Забавно. Когда карлик Миме и его воспитанник Зигфрид, вооруженный вновь ожившим Нотунгом, отправились в лес, Миме велел Зигфриду убить для него дракона, который лежал и охранял золото Рейна. Зигфрид сразился с чудовищем и победил его. Капля драконьей крови попала ему в рот, и Зигфрид тут же научился понимать слова животных и птиц, что помогло ему узнать о том, что на скале, окруженной огнем, спит волшебным сном дочь Вотана валькирия Брунгильда. Зигфрид явился к ней и, пройдя сквозь пламя, пробудил Брунгильду своим поцелуем. А я, несчастное существо, однажды думая о Зигфриде, забрел к черной от дыма и копоти пещере и нашел в нем не Брунгильду, а тебя, Магда.

— Так что же вы, герой, тогда не поцеловали меня в сахарные уста? Быть может, ваш поцелуй

сделал бы меня молодой и красивой? — засмеялась в ответ Магда.

— Мой поцелуй? — Людвиг почесал в затылке, разглядывая уродливое лицо ведьмы. — Что ж, если тебе это поможет, я готов сделать все, что будет от меня зависеть, — его лицо при этом сделалось таким серьезным и решительным, что Магда невольно попятилась от своего короля. — Но тебе, милая Магда, придется тогда подтвердить перед моей дамой, что я сделал это исключительно с врачебной точки зрения, не то...

— Что вы, что вы, не стоит... — замахала на него руками ведьма. — И не просите! Стану я целоваться с первым попавшимся королем!

Грот Венеры

Грот Венеры — это был тайный павильон Людвигу. То есть тайным он только назывался. Людвиг велел построить его лично для себя, взяв за основу «Голубой грот» на Капри, но впоследствии изменил проект, сделав его больше напоминающим декорации первого акта «Тангейзера».

Небольшое, совершенно неподвижное озеро с ладьей в виде раковины Венеры, в которой любил плавать Людвиг. Огромная картина у задней стены, повторяющая задник в придворном театре. Живописные скалы и сталактиты, увитые гирляндами из роз — цветами Венеры.

За скалой совершенно невидимый для короля и его призрачных гостей размещался оркестр. Звук музыки Вагнера ублажали слух короля, когда он обедал за столом, сделанным из искусственных кораллов, или громко беседовал со своими гостя-

ми. Жанна Д'Арк, маркиза Помпадур, Луиза де Лавальер посещали его в гроте Венеры, наслаждаясь вместе со своим избранником радостью смертной жизни. Людовик Четырнадцатый, Филипп Второй, Парсифаль — все они были его гостями.

Проклиная Людвига за необходимость играть в столь сырых условиях и исподволь попивая недорогой коньяк из фляжек, музыканты то и дело прислушивались к громкому и одновременно мелодичному голосу короля. А он рассказывал об интереснейших вещах, был остроумен и находчив. Как хотелось, отложив инструмент, слушать его. Как хотелось встать и выйти навстречу к Королю-Лебедю, для того чтобы стать его другом. Если божества вообще способны на дружбу.

Но музыканты продолжали играть, а Людвиг декламировать стихи и произносить тосты за здоровье присутствующих.

Как хотелось выглянуть из-за скалы, чтобы убедиться, что он не один. И тут самое странное. До тонкого слуха музыкантов доносились другие голоса. Они слышали смех дам, звон бокалов и бряцанье брони.

Вдруг они начинали явственно понимать, что они действительно играют на королевском приеме в подводном дворце. Сообразно с нарастающими звуками музыки менялось освещение грота, превращая искусственные сталактиты и скалу Лорелея, а пещеру в страну грез.

Время от времени королю доставляли прямо в грот Венеры почту. При этом лакей не смел сам обойти озеро и подать письма королю. Пленник грота Венеры должен был приплыть к нему на ладье. Иногда посыльному приходилось ждать часами, иногда король уже поджидал его на берегу,

любуюсь со стороны эффектом, производимым сотнями электрических лампочек.

Едва только появилась первая электрическая лампочка, как баварский король повелел украшать ими свои дворцы, замки и даже парки. В каждом замке было во множестве динамо-машин, работавших в интересах короля и на благо красоты днем и ночью.

Находясь под строгим надзором, брат Отто слезно умолял Людвига допустить его в грот Венеры, где, по его же словам, он был готов умереть на месте, пораженный невероятным зрелищем, о котором так много говорили и писали в прессе.

— Пусть лучше живет, — бросал очередное слезное послание младшего брата в шапку посыльного Людвиг. — К чему мне здесь труп? Тем более труп наследника престола! Пусть сперва откажется от самой мысли о смерти, и тогда... а впрочем, не надо ничего ему передавать. Скажите только, что я всем сердцем желаю скорейшего его выздоровления.

Великое объединение Германии

Новый приезд Вагнера оказался на редкость удачным, так как никакая другая публика не была столь приучена к его творчеству, как баварская. Что же касается короля, он был счастлив, потому что получил возможность вновь заключить в объятия старого друга. В то же время он был уже не столь юн и наивен и прекрасно понимал, что золотой век их дружбы прошел, и за встречей неминуемо последует расставание.

Эти мысли отравляли его существование. Подобно человеку, умирающему от жажды, он мечтал прильнуть губами к живительному источнику ваг-

неровской музыки и пить, пить и пить, в то время как ему было позволено лишь смочить губы.

Но король терпел, зная, что расставание неминуемо, он соглашался и на эти капли.

Положение Людвига усугублялось тем, что он не мог жить ради своего народа, как мечтал вначале. Подданные не хотели того, что мог и должен был дать им их король. В то же время он не мог позволить себе жить для себя одного. Через непрозрачный экран или через букеты цветов он все же должен был общаться со своими министрами, принимать решения, управлять страной.

Когда народ на улицах скандировал «Долой Вагнера! Это не наша музыка!» — Людвиг приказал ставить спектакли лично для себя, какое-то время не разрешая публичного показа. Народ воспринял это как пощечину, а газеты заклеямили его эгоистом, ненавидящим своих подданных.

Теперь, вместо того чтобы проводить все время с вернувшимся на время постановки оперы другом, он был вынужден заниматься политикой. День ото дня Людвиг писал Бисмарку, взгляды которого относительно объединения Германии были сходными с взглядами Людвига.

В 1870 году Пруссия оказалась на пороге войны с Францией. Риска вновь вызвать народное негодование, Людвиг принял решение о вступлении в войну, где Бавария должна была поддержать своих бывших врагов.

Это было нелегкое решение, Бавария еще не отошла, как следует, от последствий недавней войны с Пруссией и уже должна была встать на ее защиту. Людвиг ждал революции, но неожиданно фортуна улыбнулась ему, и народ встретил приказ о мобилизации с восторгом.

Все прославляли Людвига, чье благородное решение возвышало теперь Баварию и баварцев в их собственных глазах и глазах всей прогрессивной общественности. Людвиг снова стал героем газетных публикаций, его именем называли детей, а на улицах вновь появились его портреты.

Новая война длилась недолго, и на этот раз закончилась победой для баварского короля. Пришло время пожинать плоды удачной кампании.

Людвиг хотел расширить границы Баварии, присоединив к ней Баденский Пфальц. Это было справедливо, потому что так уж повелось с самых древних времен — победитель должен был получить свою награду.

Другие планы заботили Бисмарка, занятого осуществлением проекта объединения Германии, за которое ратовал и баварский король. Но если Бисмарк желал объединения равноправных германских княжеств в единую, мощную державу под германской короной, надетой на голову прусского короля, Людвиг желал, чтобы независимо от объединения его Бавария сохранила свое военное устройство и свое собственное представительство при иностранных дворах.

Он тянул, не желая объединения, делавшего его покорным вассалом Пруссии, чем мешал Бисмарку, который теперь был вынужден слать в Мюнхен взволнованные письма, убеждая Людвига закончить начатое дело. Пока кто-нибудь из менее достойных, но более наглых королей не получит кусок пирога, по праву причитающийся Баварии.

В конце концов Людвиг сдался. Германия объединилась союзным договором, король Пруссии получил свою корону, а фактически короновавший его Людвиг, выполнивший свою миссию по объединению Германии, был вынужден отойти в тень.

Дворцы для Саладина

Одновременно Людвиг разрабатывал и затевал строительство сразу нескольких новых зданий, для чего сам следил за работами и вникал в самые незначительные мелочи. Замки строились быстро, но король, привыкший общаться с персонажами своих снов, желал, чтобы задуманные им постройки, точно в сказке, возводили за одну ночь. Из-за этого он постоянно спорил со строителями, умоляя ускорить работу, за что то выплачивал рабочим удвоенное жалованье, то грозил побросать нерадивых слуг в ущелья баварских Альп в назидание следующим строительным командам.

Впрочем, когда Людвиг занимался любимым делом — настроением его было отменным и злость быстро сменялась новыми идеями, приносящими ему радость.

В 1875 году он вдруг на удивление прессе пожелал лично провести воинский смотр. Чего с ним не бывало раньше. Баварцы вновь с восторгом лицезрели своего молодого короля. Тридцатилетний Людвиг был очень красив и весьма статен, что всегда ценилось у любивших и уважавших здоровый физический облик баварцев.

Его портреты снова продавались на лотках уличных торговцев, и в него снова влюблялись дамы. Но вопреки прогнозам, что теперь король наконец-то войдет во вкус и все же начнет бывать на публике, сразу же после смотра Людвиг удалился в один из своих новых дворцов. Оттуда ему было проще руководить строительством.

Король возводил Марокканский дом и павильон Шахен. И дом, и павильон блистали восточной роскошью. Здесь Людвиг принимал одного из сво-

их призрачных гостей, в последнее время нередко посещавшего его ночные пиры, — султана Египта и Сирии — Саладина, мудростью и справедливостью которого он открыто восхищался.

Людвиг не приглашал в свои святая святых ни родственников, ни адъютантов, ни министров. Когда же в один прекрасный день он понял, что роскошный дворец султана проигрывает из-за отсутствия в нем гостей и слуг, он, как это случилось и раньше, нарядил в восточные костюмы слуг, велел поставить кушанья, напитки и кальяны.

Так и сидели они, молча, в изящных позах, покуривая и время от времени перебирая четки.

Одетый в костюм султана Людвиг находился меж своих переодетых слуг. Он сел на самый красивый диван и начал курить кальян, распространяя в пространстве запахи гашиша и опиума.

Наркотики изменяли пространство, Людвиг декламировал или вел великосветские разговоры, обращаясь к одному из своих призрачных гостей. Не желавшие мешать ему слуги занимались своим делом, когда вдруг то один, то другой из них замечал, что в зале вдруг начинают появляться новые гости.

«Это было странно, — говорил камергер Людвигу, — вдруг я явно увидел, что «гостей» в зале стало больше. Я обернулся и понял, что среди одетых на восточный манер слуг полно людей, которые не работали в Марокканском доме или Шахене и не были мне знакомы. Решив, что происходит что-то неладное, я хотел было уже предупредить короля, но он весело кивнул мне, знаком приказывая молчать. Было заметно, что он прекрасно знает своих таинственных гостей. Меж тем время шло, в какой-то момент я забыл о незнакомцах, посчитав, что это слуги, приглашенные королем из какого-то дру-

гого замка. Когда на рассвете Людвиг поднялся с дивана и, простившись с нами, ушел в свои покои, незнакомцев и след простыл».

Рот, полный сокровищ

Сам факт, что король обожал театр и всячески покровительствовал ему, заставлял многих выдающихся актеров, музыкантов и театральных художников его времени лететь за призрачным театральным счастьем в Баварию. Баварский театр при Людвиге Втором получил свое второе рождение, так как в течение каких-нибудь десяти-пятнадцати лет в Мюнхен начали съезжаться выдающиеся корифеи своего времени. Театр постоянно получал новые притоки свежей крови, чему можно было только радоваться.

Куда большие хлопоты доставляли актеры, не желавшие довольствоваться дарованной им возможностью служить на театре, получая хорошие роли и более чем не дурственные жалованья из королевской казны.

Самыми желанными приглашениями все равно оставались замки и дворцы короля в верхней Баварии, куда Людвиг время от времени приглашал к себе целые труппы или отдельных исполнителей. Всем было известно, что король не спит по ночам и предпочитает, когда ему декламируют его любимые стихи или разыгрывают куски из пьес. Поэтому при каждом удобном случае актеры и актрисы театров, которые посещал Людвиг, старались предложить, а часто и навязать свои кандидатуры на эти ночные представления.

Певцы и певицы донимали короля предложениями прослушать в Линдерхофе или Шахене оперные арии в их исполнении.

Все знали, что на выездах можно заработать несопоставимо много. Кому-то король дарил драгоценный перстень, кому-то устраивал дождь из ассигнаций. Дамы пытались сделаться любовницами Людвига, а молодые актеры стремились заполучить его драгоценную дружбу.

Один только что приехавший в Баварию тенор как-то был удостоен личного приглашения короля в Марокканский дом, куда он с радостью и приехал. При этом юноша рассчитывал пленить воображение впечатлительного и малость недалекого, как он слышал, короля своими романтическими взглядами, природной восточной красотой и дивным голосом.

Для Марокканского дома юноша припас великолепный турецкий костюм, сам он был смугл, с тонкими чертами лица и черными, слегка выющимися волосами. В этом костюме он должен был петь перед королем в обстановке дворца султана. Все складывалось как нельзя лучше. Перечитав перед встречей с Людвигом несколько современных романов, написанных в восточном стиле, он наскоро придумал собственную легенду, в которой было все: страстная и безответная любовь к прекрасной девушке, и конфликт с ее жестокосердным отцом, и предсказания нелегкого жизненного пути, на котором актеру посчастливится, однако, найти истинного друга. Разумеется, в чертах «друга» Людвиг должен был без ошибки узнать себя. В общем, полный набор романтических коллизий, на которые должен был клюнуть король. Для полного эффекта юноша разучил все романтические взгляды, преподаваемые в частной школе госпожи Паддекрю, такие как «романтическое смотрение вдаль», «демонический взгляд исподлобья», «невинно потупленные глаз-

ки», «взгляд обреченного на муку», а также целый набор из коллекции «Страдания юного Вертера».

Поначалу все складывалось очень даже не плохо, и еще в театре, а затем в ресторане юноша успел обрисовать перед королем очертания своей горестной судьбы. Людвиг слушал его с глазами, полными слез, что сразу же ободрило авантюриста.

Оказавшись в Марокканском доме, он провел блистательный дебют, после чего был отпущен с подарком в свою комнату. Так как до полуночи, когда король назначил исполнение нескольких своих любимых арий и когда актер планировал покорить воображение баварского монарха восточным нарядом, еще оставалось время, в ожидании долгожданной премьеры юноша отправился гулять по парку. Там на одной из тенистых аллей он заметил склоненную над книгой фигуру секретаря Людвигу, господина фон Пфистермайстера, и решил, что не будет худо свести с ним дружбу или хотя бы выяснить что-нибудь важное о привычках и нравах короля.

Дело в том, что, несмотря на то что нравы и причуды Людвигу регулярно становились поводом для разбирательства их в прессе, сам король никого и никогда не подпускал к себе настолько близко, чтобы тот мог бы назвать себя его другом. Исключение составлял Вагнер, но маэстро был далеко.

Иными словами, о подлинной жизни Людвигу Баварского не знал никто. Время от времени приходили сообщения о том, что какой-то музыкант, побывавший в замке короля, вдруг вознамерился поделить впечатлениями с кем-нибудь из журналисткой братии или какая-нибудь недовольная Людвигом примадонна устраивала скандал в театре. Но, повторяюсь, все это были отдельные, как правило, не связанные между собой слухи, в прав-

дивости которых еще следовало разобраться. А о жизни Людвига не знал никто.

Поэтому юный актер так обрадовался, узрев в парке фон Пфистермайстера и решив, что это именно тот человек, который может научить, как сделаться кумиром неприступного властителя и соответственно лучшим и самым высоко оплачиваемым актером Баварии.

Разговор начался издалека. Они обменялись несколькими дежурными фразами, после чего актер поинтересовался, что читает секретарь. Оказалось, что тот читал книгу под названием «Интересные и поучительные истории, случившиеся при дворе иранского султана».

И рассказал историю, как при дворе султана Шальмеддина выступал один великолепный певец, голос которого можно было сравнить разве что со сладкогласным соловьем. После каждой песни султан бросал ему крупный бриллиант.

Певец был допущен в святая святых дворца, где плескались в хрустальном бассейне многочисленные жены и наложницы султана. Они смеялись и веселились, их тела переплетались в потешной борьбе или танцах любви.

Чернокожие невольники обмахивали султана и его гостя веерами из павлиньих перьев, прекрасные рабыни расставляли перед ними прямо на ковре диковинные яства.

— Как ты поешь! О, Аллах, как можешь ты даровать смертному такой божественный голос! — призывая в свидетели небо, изрек султан, пораженно уставившись на своего певца, словно только что увидел его. — Твой рот раскрывается лишь для того, чтобы исторгнуть несметные сокровища — песни, слушая которые я переполняюсь счастьем

и верой в то, что, когда я умру, Аллах возьмет меня в лучший мир, где я снова смогу ощутить блаженство, сходное с тем, что даришь ты мне сегодня.

— Если мой рот, как ты говоришь, о мой повелитель, раскрывается лишь для того, чтобы исторгнуть сокровища, что стоит тебе, любимому сыну Аллаха, наполнить его драгоценностями из своей казны? — ответил султану певец.

— И что же султан? Наполнил рот певца драгоценностями? — с замиранием сердца спросил юноша.

— Конечно, — секретарь хотел было продолжить рассказ, но в этот момент его позвали, и он был вынужден откланяться.

Когда настала полночь, актер облачился в свой восточный костюм, надел на голову золотую чалму со страусовым пером, которая так шла к нему. После чего за ним зашел паж, в обязанности которого входило проводить гостя к своему королю.

После первой же песни восхищенный Людвиг начал благодарить певца, осыпая его комплиментами. Дождавшись, как казалось, благоприятного момента, юноша как бы невзначай рассказал королю о легенде, после чего Людвиг трижды хлопнул в ладоши. И велел явившемуся на его зов арапчонку принести шкатулку с сокровищами. За расписанной сценами из жизни гарема какого-то восточного султана ширмой квартет музыкантов играл «Марокканскую невесту».

Актер не верил своим глазам. Еще несколько минут — и он богатый человек. В этот момент скрипка за ширмой сфальшивила и, громко ругаясь и сетуя на несправедливую судьбу, пославшую в его покои только портящих прекрасные инстру-

менты варваров, король отправился наводить порядок.

— Что вы сделали?! — бросился к лежавшему на подушках и грезившему о своем великолепном будущем актеру секретарь короля, который все это время находился за дверью, и только теперь позволил себе ворваться в зал.

— Я пересказал королю историю, услышанную от вас, — немного обескураженный тем, что его поймали за руку, ответил актер.

— Но вы же не знаете конца истории, — заторопился фон Пфистермайстер, его лоб намок, глаза напряженно вглядывались в ширму, за которой скрылся король. — Султан убил своего певца, положив в его рот слишком много драгоценных камней. Он задохнулся, подавившись камнем!

Услышав о столь безрадостной перспективе, актер побледнел.

— Он может и задушить. Он все может, — сверля взглядом ширму и стуча от страха зубами, прошептал секретарь. — Вот что, молодой человек, если вам хоть сколько-нибудь дорога ваша жизнь — бегите отсюда! Бегите из дворца этого деспота! Спасайтесь!

Юноша вскочил и, порывисто сжав руку господина фон Пфистермайстера, выбежал за дверь. Несясь по коридору, он сбил с ног арапчонка, и драгоценности баварского короля со звоном рассыпались по мраморному полу.

Король и секретарь стояли на балконе с бокалами шампанского в руках. С этого места они видели все подробности бесславного побега несостоявшегося королевского фаворита и заливались хохотом от проделанной шутки.

Дворец Людовика и Новый лебединый камень Людвига

Людвиг жил, переезжая из одного замка в другой и избегая появляться в Мюнхене, который был ему ненавистен. Впрочем, любые пыльные, шумные города вызывали неизменное отвращение короля. Его душа чувствовала себя свободной в Альпах, где он подолгу путешествовал в гордом одиночестве.

Местные жители знали Людвига в лицо и кланялись ему при встрече. С ними он был мил и любезен. Ведь они, так же как и их король, любили горы и леса, озера и прекрасные замки. Чистое голубое небо опускалось здесь настолько низко, что нередко король шел, ведя под уздцы своего коня, погруженный в лежащее на тропинке облако.

Именно здесь Людвиг построил два своих новых замка, которые вписались в картину природы так грациозно и непринужденно, как это делает самородок, вдруг вымытый водой из податливой почвы. Нойшванштайн (Новый лебединый камень) и Линдерхоф, получивший свое название от столетней липы, которую так любил король Максимилиан, появились почти что одновременно.

Линдерхоф расположился в окружении прекрасных гор, которые скрывали его, подобно тому, как раковина скрывает жемчужину. Сюда Людвиг неустанно заказывал и привозил сам дорогую, сделанную по специальным эскизам мебель, золотое шитье, художественные изделия и всевозможные украшения дворца. Это здание повторяло собой Трианон, отчего Людвиг в шутку называл его малым Трианоном.

Во время строительства Линдерхофа Людвиг лично консультировал архитекторов и художников, придираясь к ним по мелочам и требуя исторической правды. Он и задействованные в постройке художники Ватер, Пехман, Фрис, Шульц, Перрон и Шпиц неоднократно ездили в Париж, где копировали мельчайшие детали Трианона и Версаля.

Это был дворец, который Людвиг пожаловал одному из своих призрачных друзей — Людовику Четырнадцатому, Королю-Солнцу. Людвиг долгое время искал символ, который мог бы олицетворять собой и солнце, и саму солнцеподобную личность Людовика, и, наконец, остановился на царственной птице — павлине.

Именно эта птица по праву царствовала в Линдерхофе. Изображения павлина можно было найти везде. Узорами с павлиньими перьями были расшиты прекрасные гардины, золотые павлины украшали собой шелковую обивку стен. Фигуры павлинов можно было найти в каждом зале дворца. И еще повсюду, куда только можно было кинуть взор, стояли статуи и бюсты Людовика Четырнадцатого.

Посуда и столовые приборы — все либо рассказывало о жизни Короля-Солнца, либо было украшено павлинами и изображением солнца. Кругом, подобно разбросанным лучам солнца, светило золото. Материал алхимиков и королей. Мраморный вестибюль с бронзовой конной статуей Людовика, размещенной таким образом, что сверху короля венчало нарисованное на потолке солнце как его вечный символ. В спальне Людовика Четырнадцатого все было словно залито солнцем. Изображение короля в окружении богинь на Олимпе удваивалась за счет огромных зеркал. На гобе-

ленах аллегории «по Ватто» и «по Буше». Множество мелких золотых предметов, все в строгом соответствии со стилем.

Фасад был богато украшен лепными украшениями и статуями. Парадные залы дворца располагались на первом этаже Линдерхофа. Прекрасный золотой фонтан с Аполлоном поражал своей красотой и необыкновенно сильным напором воды — струя, поднимающаяся на пятьдесят метров от уровня земли.

Золотые павильоны — святилища Солнца были сделаны таким образом, что вошедший туда невольно замирал пораженный внезапной красотой.

Иногда, находясь в Линдерхофе, Людвиг надевал костюм в стиле Людовика, его слуги и офицеры гвардии одевались сообразно эпохе и предписанным им ролям. Зная историю и особенно хорошо изучивший многие придворные ритуалы своего любимого короля, Людвиг поначалу требовал исполнения последних, но потом отчаялся и махнул на все рукой.

Современные ему люди не понимали и не могли понять эпоху великого короля. Эпоху абсолютной монархии: когда понятия «король» и «Бог» были тождественны.

Иногда, обратившись в жреца Иберия, он сам служил солнцу, как это делали многие века назад на этом самом месте настоящие жрецы.

Агенты иллюминатов считали, что именно в Линдерхофе Людвиг прячет Грааль. Но брат короля Отто был иного мнения, ведь он сам много раз безуспешно пытался отыскать проход между мирами, который, как он считал, должен был находиться где-то в покоях короля. Тем не менее, по его предположению, если Грааль и существует,

Людвиг не стал бы хранить его в павлиньем дворце. «Павлин — птица невысокого полета», — много раз говорил Людвиг. По заверениям Оттона Виттельсбаха, данным им лечащему врачу профессору психиатрии фон Гуддену, Святой Грааль Людвиг хранил не в пышном Линдерхофе, а в Нойшванштайне.

Тем не менее в сопровождении своего личного врача и четырех санитаров принц несколько раз наведывался во время строительства обоих замков. И затем не раз пытался подкараулить брата во время его встреч с божественной хранительницей Грааля Эсклармондой в одном из золотых павильонов Линдерхофа, где рядом с королем несколько раз видели золотоволосую даму.

Впрочем, и иллюминаты, и кронпринц Оттон были правы в одном: Людвиг никогда не был подлинным хозяином Линдерхофа, так как тут всецело царил Людовик.

Другое дело царственный и неприступный Нойшванштайн — Новый лебединый камень. А ведь и Святой Грааль иногда сравнивают с камнем.

Нойшванштайн Людвиг построил на горе, как это делали короли и рыцари древности. Внешне это был настоящий рыцарский замок, напоминающий Хохеншвангау, который так любил Людвиг. В нем по приказу короля было сразу же проведено электричество, благодаря которому всю ночь напролет замок сиял огнями. Небывалые по тем временам подсветки стен замка время от времени меняли цвета, благодаря чему сам замок то заливался кровью, то вдруг зеленел, будто был сделан из цельного изумруда. Мощные прожекторы, установленные на крыше замка для того, чтобы при помощи их можно было подсвечивать облака, как бы

вырисовывая на них мистические картины, — делали Нойшванштайн чудом девятнадцатого века.

Добавьте к этому установленный по приказу короля лифт, о котором большинство даже не слышало, и получится совершенно неслыханная картина созвучия техники и искусства.

Людвиг, туристы и озеро на крыше

История рассказывает, что однажды, катаясь по Шванзее на лодке, недалеко от замка Берг в береговых кустах Людвиг заметил какую-то искорку. Но, как король ни напрягал зрение, ему не удалось понять, что же там так сверкает. Удивленный и немало заинтересованный он направил лодку в сторону таинственного огонька. И был неприятно поражен, заметив в зарослях высокого орешника небольшую компанию людей, которые наблюдали за ним в бинокли и театральные лорнеты.

Когда же король попытался прикрикнуть на них, чтобы незваные гости убирались прочь, туристы, вместо того чтобы тут же упасть на колени или поспешить исполнить монаршую волю, вдруг начали аплодировать ему и смеяться!

Доведенный до бешенства такими оскорблениями, король был вынужден отступить, гребя от берега и вслух проклиная невеж и грубиянов, пробравшихся в его владения, когда до его тонкого слуха донеслась иностранная речь. Без сомнения, это были не просто приехавшие на пикник мюнхенцы, и даже не швейцарские туристы, которых в это время года всегда с избытком можно встретить в верхней Баварии. Это были американцы — люди, для которых нет ничего святого, которые, прослышав о

странностях короля, проделали неблизкий путь, для того чтобы подкараулить его в часы уединения.

У любого, кто наблюдал бы эту сцену, не осталось бы ни малейших сомнений относительно того, что сами по себе американцы, среди которых были и леди, не могли бы подстроить просмотр без помощи кого-нибудь из замка. Так как мало было найти замок и озеро, нужно было еще знать, когда именно король вознамерится отправиться кататься на лодке и с какого берега к нему можно подкрасться, без риска оказаться сцапанными стражей.

О подготовке говорило и наличие у всех членов туристической группы средств для наблюдения, то есть биноклей и лорнетов.

Любой другой на месте Людвига первым делом провел бы дознание в замке и как минимум отдал бы под суд или немедленно уволил начальника стражи, но Людвиг поступил совершенно по-особенному.

Целый день он обижался на всех и, кляня свою судьбу, сидел в библиотеке, куда не разрешал приближаться никому кроме секретаря фон Пфистермайстера, которому доверял.

Ночью он написал несколько писем и велел вызвать к себе одного из архитекторов, помогавшего ему устанавливать систему лифтов и электрического освещения в Нойшванштайне, а также работавших там же художников Фон Шпица и Пилоти. После чего отправился спать.

Когда через пару дней все вызванные королем предстали перед ним, их вниманию был предложен невероятный план. Поскольку Людвиг не желал, чтобы случай с туристами повторился хотя бы еще один раз и при этом он считал ниже своего достоинства подозревать кого-либо из верных ему слуг,

он решил сделать для себя новое озеро, установив его прямо на крыше замка.

Идея показалась абсурдной только поначалу. Постепенно мастера были вынуждены признать, что предоставленный Людвигом чертеж поднебесного озера более чем реален. Потом все вместе они отправились в башню замка, откуда можно было перейти на крышу и осмотреть предполагаемую площадку для строительства.

Все сходилось. Берг был точно специально спроектирован таким образом, что на его крыше можно было расположить небольшой бассейн.

Людвиг обратился в совет министров с просьбой немедленно выдать ему деньги на постройку озера, и те не отказали, так как этот проект был куда дешевле предыдущих.

Озеро короля было сделано за самые короткие сроки, туда была запущена вода, и в ту же ночь Людвиг, облачившись в костюм Лоэнгринна, опробовал его. Компанию королю составил ручной лебедь, на шее которого сверкала золотая цепь.

Поначалу король был в восторге. Впервые он плыл в своей лодке, любуясь крупными звездами, плыл над всеми, и казалось, с каждым гребком его лодка поднималась все выше и выше. Людвиг прилег и начал разглядывать звезды.

Это было прекрасно. Звездная тишина окружала короля, делая мир нереальным и одновременно с тем прекрасным, как раз таким, каким создал его творец.

Неделю король был в хорошем расположении духа, наградил архитекторов, художников и строителей. Через неделю его настроение испортилось.

— Что это за озеро? — сетовал король вновь вызванным в Берг мастерам. — Это мертвое море,

никогда на нем не бывает волн. Вода всегда остается неподвижной, точно зеркало, в то время как в музыке Вагнера есть бури и шторм, есть ураганы!.. Я бы хотел плавать в музыке Вагнера, а не в этом стоячем болоте. Сделайте мне озеро опер, озеро прекрасной музыки, озеро Лоэнгина!

— Кроме того, когда становится совсем темно, — продолжал доверительным тоном король, — я почти не вижу, куда плыву. В то время как даже в моем крохотном гроте Венеры мои плавания освещают тысячи лампочек, мигающих и подсвечивающих воду сообразно с нарастанием звука. Зачем мне озеро без музыки и света? К чему нужны спокойные воды, когда мое сердце просит бури!

Мастера тут же взялись за установку подсветки, одновременно делая площадку, на которой мог бы разместиться оркестр, в то время как король взялся за создание невиданной доселе машины для производства волн.

Они закончили практически одновременно, опытные инженеры были поражены гениальностью Людвига, создавшего машину, при помощи которой бассейн то покрывался легкой рябью, то вдруг волны усиливались, точно их гнал неощутимый ветер, потом вода начинала кипеть, точно под бассейном был разведен костер. Увидев закипающую воду, один из инженеров, до этого спокойно трогавший воду, проверяя силу волны, с ужасом отдернул руку, опасаясь обжечься. И, о новое чудо техники, вода оставалась обычной температуры.

Теперь король мог плавать на своей лодке в компании с лебедем или один, любясь звездами, слушая музыку и качаясь на волнах. Спрятанный за башней оркестр играл всю ночь напролет. Когда музыкальная тема становилась напряженной, появ-

лялись волны, вода же начинала окрашиваться то в холодные цвета смерти, так что казалось, будто озеро побледнело, предчувствуя кончину Лоэнгрина. То оно вдруг начинало краснеть, превращаясь, в конце концов, в кровавое месиво.

Отважный рыцарь боролся с волнами, которые захлестывали его, пытаясь поглотить в своей утробе. Потом, когда напряжение спадало, а вода из красной окрашивалась в цвет изумруда, Людвиг изможденно падал на дно лодки, слушая стук своего сердца. Рядом с ним в лодке тихо сидел ручной лебедь. Разумеется, Людвиг не подвергал его более сильным испытаниям, не отпуская плавать в бушующих волнах.

Во время ночных катаний на лодке Людвиг все окрестные крестьяне и прослышавшие о необыкновенной новости мюнхенцы, которые специально приезжали к замку Берг, наблюдали величественную картину. На черном фоне ночного неба обычно темный замок вдруг точно взрывался фейерверком красок, по центральной башне то и дело пробегали световые волны, раскрашенные в необыкновенные цвета. Иногда они видели фигуру великана, возвышавшегося над всем этим великолепием. Иногда рядом с великаном появлялся лебедь.

И все время звучала музыка.

Бесплатные представления длились недели две, после чего вдруг резко прекратились. Оказывается, Людвиг вновь решил модернизировать свой бассейн, так как на этот раз его не устроил цвет воды.

По представлению короля, озеро, по которому плыл Лоэнгрин, должно было быть лазурно-голубым, в то время как его подсветка не давала подобного эффекта.

Посоветовавшись с химиками, воду окрасили медным купоросом. Король был доволен. Он снова плывал на своей лодке, на этот раз слушая прекрасные арии в исполнении новой восходящей звезды придворного театра Йозефа Кайнца. Теперь ему приходилось брать лебедя в лодку. Так как медный купорос мог погубить прекрасную птицу, отпусти он его поплавать.

Голос Кайнца звучал столь сладостно и прекрасно, что Людвиг невольно забывался, приходя в себя, лишь когда певец заканчивал очередную арию.

— Ах, почему же нельзя сделать так, чтобы этот голос звучал для меня вечно... — спрашивал король и не находил ответа. Будь он королем-рыбаком из Парсифаля или наделенным высшей властью божеством, тогда...

Однажды, слушая чарующий голос Кайнца и размышляя о своем, Людвиг почувствовал, как невидимый водоворот увлекает его куда-то. Решив, что такой эффект дала машина для производства волн, Людвиг сел в лодке, держась за ее борта. В то же время с ужасом для себя он увидел, что воды в бассейне становятся все меньше и меньше.

Он хотел было позвать на помощь, но не посмел прервать арию Тристана, которую в этот момент пел Йозеф Кайнц.

Сотворив крестное знамение, Людвиг приготовился к худшему. Он не мог выпрыгнуть из лодки, так как его предупредили заранее, что медный купорос очень вреден и он может погибнуть, если упадет в воду. Не мог попытаться добраться до берега. Дрожащими руками Людвиг сделал последнее, что мог в этой жизни, — расстегнул золотой ошейник на шее лебедя и, подняв птицу над головой, заставил его расправить крылья и взлететь.

Лебедь сделал круг над искусственным озером и улетел в сторону леса. Вместе с водой лодка опускалась все ниже и ниже, пока днище ее не стукнулось о дно бассейна.

Лодка Короля-Лебедея стояла в голубоватой лужице на дне опорожненного кем-то озера. А Кайнц все пел о несчастной любви и близости смерти. Этот контраст так рассмешил Людвига, что он повалился на дно лодки, хохоча и разве что не дрыгая ногами.

Как выяснилось позже, едкий купорос прожег днище бассейна, крышу, перекрытия и прорвался в личный кабинет короля, изуродовав его до неузнаваемости.

Тяжелая штука — романтика

После истории с озером на крыше король отправился в Нойшванштайн. Он снова много ездил верхом, высматривая красивые места для построек. Но на этот раз его сопровождал его новый друг Йозеф Кайнц, чье пение было так некстати прервано уходом воды из бассейна и смехом короля.

На самом деле Людвиг всегда щедро одаривал выступавших для него актеров, и, несмотря на прерванное выступление, Кайнц получил свой гонорар, но должно быть, молодому человеку этого показалось мало. Идея занять место великого Вагнера рядом с восторженным и склонным поддаваться на сантименты королем кружила головы многим творческим людям.

И Кайнц не был исключением. Признаться, еще в театре, на репетициях и показах, устраиваемых для Людвига, он всячески старался привлечь к себе

его внимание, но случай никак не выдавался. Поэтому Кайнц был счастлив, получив приглашение в замок Берг, где у него появлялся шанс поговорить с королем лично и, если повезет, набиться ему в друзья.

Но это было не самым простым делом. Йозеф Кайнц прекрасно знал о неудачах актрис, добивавшихся любви короля, о его незадачливой невесте, молодых гениях, являвшихся к королю с целью убедить его вкладывать деньги в их проекты.

В лучшем случае король вежливо выслушивал просителей, обещая подумать, и потом на вечные времена закрывал двери своих замков для неудачников. В то же время он видел, как совсем недавно король выбрасывал бешеные деньги на постановки опер Вагнера. Читал в газетах о бешено дорогих постройках, которые финансировал король. Людвиг отнюдь не был скуп. Но при этом говорить с ним о деньгах Кайнц считал возмутительной оплошностью.

«Романтика и только романтика может заставить Людвига остановить свой взор на ничтожном актере. Король не мизантроп, он одинокий человек, жаждущих дружбы и любви. Он молчит, потому что ему не с кем говорить. И читает вслух стихи, когда они начинают переполнять его до такой степени, что их уже невозможно удерживать в себе.

Итак, если мне удастся прослыть романтиком, Людвиг потянется ко мне, как к человеку, который хотя бы отчасти заменит ему Вагнера. А значит, у меня будет все!»

Решив так, Кайнц приступил к осуществлению своего плана. Первым делом он воспользовался тем, что его блистательная ария была прервана самим же королем, и на следующий день сделал

фальшивую попытку покончить с собой, оставив письмо, в котором объяснял свой поступок тем, что не в состоянии более сопротивляться преследующему его року. Который даже в день, когда актер мог произвести на короля должное впечатление, подстроил аварию в бассейне и тем самым испортил эффект от исполняемого произведения. Свою предсмертную записку он адресовал непосредственно королю, к которому обращался с заверениями искреннего восторга и робкой попытки боготворить его. При этом Кайнц клял себя за то, что не смог исполнить желания короля и пропеть все выбранные им произведения. Беря на себя вину за приключившуюся поломку, так как, по версии Кайнца, ничего такого не произошло бы, если бы не его злая судьба.

О случившемся доложили Людвигу, и тот тут же явился к пострадавшему, уверяя его в своей симпатии к нему и отсутствии вины последнего в аварии на крыше.

Король велел поместить актера в лучший госпиталь, где за ним был установлен надлежащий уход.

После излечения Людвиг пригласил Кайнца спеть для него еще раз и нашел данные молодого человека очень многообещающими. Слово за слово, они подружились.

Со времени дружбы с Вагнером Людвиг не получал такого наслаждения от общения с человеком. Наконец-то он чувствовал рядом с собой искреннего единомышленника и друга. Вместе они часами скакали по горам, плавали на лодке, наблюдали за звездами из обсерватории, построенной в Нойшванштайне. И все время Кайнц был вынужден учить новые и новые стихи и целые роли, которые ежедневно задавал ему король.

Благодаря Людвигу Кайнц узнал об искусстве декламации, о котором прежде даже не слышал. Король часами заставлял его произносить какую-нибудь одну фразу, вытаскивая ее с упорством профессора. Позанимавшись декламацией, они шли в библиотеку или фехтовали на рапирах.

По ночам, когда несчастный мечтал только об одном — уснуть, Людвиг вез его в Марокканский дом, где заставлял курить кальян, рассуждая об искусстве. Кайнц умирал от отсутствия сна и накапливающейся усталости. Король был богатырем, который мог за раз выпить несколько бутылок вина и не быть при этом пьяным. После вина Кайнц становился вялым и безразличным.

Однажды, после того как Людвиг в порядке высочайшего доверия отвез Кайнца в грот Венеры и они там битых шесть часов плавали на лодке и слушали музыку, актер понял, что еще немного, и он поднимет руку на особу государя.

Людвиг же излучал энергию и радость, он пел, танцевал, расхваливал недавно увиденные картины, а потом вдруг велел собираться и отправляться в театр.

После театра был ресторан. Изможденный Кайнц упал за стол, желая только одного — напиться и уснуть. Одетый в ливрею официант налил им по бокалу вина. Но едва только актер притронулся к нему, как Людвиг потребовал, чтобы тот прочитал ему монолог из «Валькирии», который тот должен был исполнять во втором акте.

Уставший сверх меры Кайнц отказался, сославшись на тяжелый день, чем смертельно оскорбил Людвигу. Шутка ли: назвать «тяжелым днем» столь возвышенное времяпровождение, которое он сам заранее придумал и срежиссировал для него!

Обиженный Людвиг встал из-за стола и, не приронувшись к еде, вышел из зала.

— Ты устал. Отдохни, — бросил он через плечо понявшему уже свою ошибку Кайнцу.

Людвиг и Захер Мазоха

Популярный писатель Захер Мазоха получал много писем от своих поклонников, поэтому он не придавал особого значения письму, присланному из горной Баварии и подписанному неизвестным ему маркизом Саверни. Следующее письмо от маркиза неожиданно пришло с почтовым штемпелем «Париж», а через неделю новое послание уже ехало к писателю из Барселоны.

Захер Мазоха отвечал формальными любезностями, и вскоре сам не заметил, как втянулся в переписку. С этого момента письма стали приходить с завидной регулярностью. Иногда писатель получал их с обыкновенной почтой, время от времени их доставляли специальные курьеры.

Любивший путешествовать Мазоха был потрясен возможностями неведомого маркиза, который, подобно бесплотному духу, мог вдруг оказываться в совершенно неожиданных местах, так, словно путешествовал по воздуху, не связываясь с таможенными неудобствами, проверками паспортов, очередями и багажом.

Какое-то время писатель был уверен, что его мистифицируют и на самом деле он переписывается с несколькими шутниками, живущими в разных странах и поддерживающими отношения между собой посредством телеграфа или семафорной почты. Но, внимательно изучив почерк писавшего, он

пришел к выводу, что все письма составлены и написаны одним человеком. К тому же человеком, который действительно перемещался из страны в страну с какой-то невероятной по тем временам скоростью.

Идею о том, что неведомый ему шутник сначала написал огромное количество писем и затем роздал их своим друзьям с просьбой отсылать их в строго выбранное время, Мазоха отмел сразу же. Так как помимо чисто чувственного аспекта последних, в письмах господина Саверни нередко содержались ссылки на недавние события и газетные публикации, подделать которые не представлялось возможным.

Правда, странный маркиз активно путешествовал лишь полгода, после чего осел в верхней Баварии, откуда продолжал слать Захеру Мазоха письма, полные философских размышлений о том, что есть красота, и если принять гипотезу о том, что в страданиях душа совершенствуется, отчего же не в тех, которые описывает в своих рассказах Мазоха.

Постепенно писатель начал догадываться, кто скрывается под именем маркиза Саверни, о чем и дал понять Людвигу. Тот пришел в восторг. Теперь он мог, наконец, раскрыться перед Мазохой в своих сомнениях и мечтах.

Людвиг писал Захеру Мазохе об идее неограниченной королевской власти, ссылаясь на опыт восточных деспотов. В своих письмах он откровенно преклонялся перед султанами, которые могли посылать на гибель тысячи своих подданных. Он вспоминал о фараонах Египта, которые могли истребить четверть населения собственной страны во время постройки величественной пирами-

ды, славящей солнце. Построить гробницы и пирамиды с целью добиться бессмертия для себя одного, загубив тысячи и тысячи других.

Мазоха поддерживал Людвига, говоря, что в нем он чувствует силу Атиллы, прекрасную жестокость русского царя Ивана Третьего и дух Марии Кровавой. Весной писатель собирался навестить своего нового друга в одном из его замков. Людвиг написал, что будет ждать приезда господина Мазохи с нетерпением. Так как ему очень хочется пообщаться с ним приватно. Он предложил Мазохе оплатить его приезд и всю дорогу, с тем чтобы писателю было удобно и не очень утомительно совершать столь длительный переезд.

Выяснилось, между прочим, что к услугам Мазохи Людвиг может предоставить маленькое судно, на котором обычно ходил сам, кроме этого, в случае если писатель предпочитает путешествовать по железной дороге, его ждет поезд, целый вагон в котором являлся собственностью короля Баварии. Людвиг печалился о том, что до сих пор не приобрел для своей страны и себя лично летательных аппаратов, посему не в состоянии предоставить Мазохе этого вида транспорта.

Впрочем, если Мазоха пожелает, в Нойшванштайне имеется воздушный шар, на котором король и писатель смогут подняться на высоту птичьего полета, с тем чтобы обозреть оттуда красоты верхней Баварии.

Теперь, наконец, Мазоха мог вздохнуть с облегчением. После того как Людвиг описал, каким образом он привык путешествовать, Захер уже не думал о мистификациях и розыгрыше с двойниками. Действительно, к чему королю стоять в очередях на многочисленных таможах, когда он пересека-

ет границы то на собственном корабле, то на поезде, то на машине.

После этого, желая еще больше расположить к себе короля, Мазоха принялся расписывать ему свою новую, только еще готовившуюся книгу «Сад мучений», в которых излагал красоту пыток, приводя в изобилии их описание.

Король живо интересовался смертью под колоколом, снятием кожи и смертью от всевозможных наслаждений.

Казалось, что свидание должно было принести множество барышей Мазохе, слышавшему о Людви́ге как о самом щедром меценате своего времени. Спеша на встречу с королем, он уже возносился в мечтах на высоты, некогда занимаемые при баварском короле Вагнером.

Тем не менее в своих письмах Мазоха все чаще называл своим единственным желанием, с которым он связывал посещение Баварии, надежду получить новый импульс, новые впечатления, которые могут растормошить его, дав толчок для новой работы.

Встреча гостя

Встреча короля и писателя оказалась в высшем смысле необыкновенной и навсегда оставила в сердце Мазохи неизгладимый след. Начать с того, что на границе Баварии, куда писатель приехал за полночь, его ждал экипаж черного цвета, запряженный тройкой вороных лошадей, с серебряными султанами на головах. Кучер, лицо которого скрывал капюшон черного, похожего на монашескую сутану плаща, открыл перед ним дверцу кареты, не слезая с козел, а лишь потянув за веревку.

Нимало удивленный таким приемом, но понимающий, что, зная о его репутации, баварский король может пожелать сделать само путешествие по своим землям, точно списанным из какого-то мистического романа, Мазоха покорно сел в карету, приготовившись к новым сюрпризам.

Необыкновенным же было все. Едва только карета Мазохи покинула пределы городов, дорогу окружили точно наблюдавшие за безопасностью короля великаны горы. Теперь дорога уже не была удобной и наезженной, экипаж трясло на камнях, то и дело кучер заставлял тройку коней поворачивать по извивающейся змеей дороге. Отчего Мазоха только что не выворачивало наизнанку.

«К черту романтизм, из-за которого можно опозориться перед королем, представ перед ним с зеленым лицом и трясущимися ногами», — рассуждал про себя писатель, уже проклиная себя за опрометчивый шаг посетить горного повелителя в одном из его любимых замков.

В какой-то момент он высунул голову из кареты и увидал, что колесо зависло над ужасной пропастью, дна которой не было видно.

Испугавшись, писатель бросился на другую сторону сиденья, желая перетянуть карету своим весом. Но когда он взглянул в другое окно, он вновь увидел пропасть. Тем временем с гор спустился туман, который летел холодными, серыми клочьями, похожими на обрывки саванов мертвецов.

Чуть живой Мазоха ехал дальше, крестясь, читая молитвы и вспоминая по именам всех своих друзей и родственников, с которыми ему, по всей видимости, не суждено было уже встретиться.

На какое-то время туман заволок все, так что Мазоха перестал видеть горы и пропасти. Исчез-

ло все. Писатель высунул из окна кареты руку, и рука пропала так, точно она растворилась в густом сером тумане.

Было трудно дышать, шляпа и пальто сделались влажными. Как ни старался Мазоха различить что-либо в окно, ничего не получалось. Он только слышал, как постукивают и поскрипывают колеса, чувствовал, как покачивается карета. Создавалось впечатление, что и он, и карета, и кучер, и лошади — все они вдруг оказались в сером мешке какого-то горного духа. Несчастные и не ведавшие о своей доле пленники.

Неожиданно туман начал редеть, писатель посмотрел на небо и увидел продирающуюся сквозь рваные облака и все еще летающие по воздуху клочки саванов бледную, точно покойник, луну. Мазоха высунулся из кареты, чтобы разглядеть открывшийся ему лесной пейзаж, в этот момент они двигались через лес. Но тут вдруг карета вздрогнула и полетела, не разбирая дороги. До слуха Мазохи долетело отдаленное пение волков, которых еще раньше него безошибочно почувствовали лошади.

Скорчившись на своем сиденье, покрытом шкурой какого-то животного, Мазоха уже слышал догонявшую их стаю, уже предчувствовал, как сумасшедшие кони вдруг низвергнутся с какого-нибудь обрыва, карета разобьется, а его израненное тело достанется голодным волкам, которые выковыряют его из колымаги, подобно тому, как извлекают краба из разбитой раковины.

Но ничего такого не произошло. Лес закончился. И дорога повела круто наверх, к таинственному и прекрасному Нойшванштайну, в котором ждал лебединый король.

Встреча произошла в одном из тайных покоев замка, после того как Мазоха принял ванну и переделся после дальней дороги. Много читая о баварском короле, перед тем как решиться на поездку, Мазоха знал, что Людвиг считается самым красивым королем своего времени и отличается оригинальностью и крайней импозантностью во вкусах и манере поведения.

«Таймс» писала, что, со слов слуг замков Нойшванштайн, Берг и Хохеншвангау, Людвиг любит переодеваться в костюмы своих любимых театральных героев или исторических персонажей, воображая себя в старом времени. Проанализировав переписку, Мазоха пришел к выводу, что его король примет будучи одетым на восточный манер, изображая из себя какого-нибудь шейха или султана, или вдруг представится неким современным Владом Дракула.

Но ничего такого не произошло. Людвиг принял Мазоху, сидя в самом темном углу огромного плохо освещенного зала, так что во время всего разговора Мазоха мог слышать лишь его голос. Красотой и тембром которого он затем не уставал восхищаться многие годы, описывая встречу с Королем-Лебедем.

В середине зала светом было выделено кресло, на котором должен был сидеть писатель.

Находясь в своей нише, король мог наблюдать за Мазохой, в то время как тому не удавалось увидеть самого короля.

— Неограниченная королевская власть... так вы поддерживаете мое желание найти место на земле, где можно было бы устроить государство с неограниченной монархией?

— О, да, конечно, — восторженно ответил на своем месте Мазоха.

— И вы хотели бы сделаться подданным в этой империи?

— Если эта империя или государство будет поощрять искусства, поддерживать книгопечатание, возводить замки и театры, — Мазоха поклонился сидевшей напротив него темноте.

— Тогда вы согласитесь стать подданным империи с абсолютной монархией. Там, где король имеет право судить или миловать, где все подчинено желанию центра власти, подобно тому, как планеты подчинены воли солнца?

— О, да, Ваше величество, — Мазоха снова поклонился.

— Готовы ли вы поклясться в этом, можете ли вы доказать свою преданность идеалам красоты любой ценой? Нечеловеческой, но божественной красоты?

— Я готов, — Мазоха сделался серьезным, его лоб вдруг взмок, и ладони сделались влажными.

— Хотел спросить вас: когда двое придаются наслаждению посредством боли, как это описываете вы, существует ведь опасность, например, забить человека до смерти... — темнота хихикнула.

— Для того чтобы этого не произошло, вначале можно договориться о слове-пароле, — Мазоха пытался разглядеть что-нибудь в темноте, но у него ничего не получилось. — То есть, когда произносится это слово, все пытки сразу же прекращаются.

— Ну и где тогда ваша неограниченная власть? Где страх жертвы, если жертва вольна прекратить муку в любой момент? Где правда и реальность?

— Но, Ваше величество, мы говорим о наслаждении, а не о способах доведения до физической гибели, — попытался возразить уже понявший свою оплошность Мазоха.

Темнота напротив пульсировала, казалось, что оттуда с ним разговаривает бесплотный дух — настоящий ужас и кошмар. Мазоха хотел пить, его горло пересохло и теперь болело.

— Сладкая боль? — Людвиг смотрел на своего гостя из темноты, наслаждаясь его состоянием.

— Не особенно. Пить хочется, — Мазоха растянул мешавший дышать галстук. Послышался щелчок, и тут же перед ним раздвинулись в стороны плитки пола и из открывшегося провала начал подниматься сервированный стол.

Мазоха схватил графин с вином и, поспешно налив себе, выпил, только после этого предложив вина королю. Вопреки ожиданию, Людвиг не сдвинулся с места и не составил Мазохе компанию во время ужина.

— Я не понимаю, какое теперь время суток? Еще ночь? Утро? — уплетая утиную ножку, осведомился Мазоха. — Мне кажется, или тут нет окон?

— Никаких окон и никаких дверей, — спокойно ответил ему Людвиг. — С этого момента вы мой пленник, и можете наслаждаться неограниченной монархией, дух которой царит в этом замке.

— Но, Ваше величество, зачем же так шутить? — Мазоха подавился мясом, которое теперь застряло у него в горле.

— Каждый день вы будете получать все необходимое для жизни, еду, вино, по вашему желанию сюда будет подана вода для умывания и даже для купания. По ночам, когда я чувствую себя особенно хорошо, мы будем беседовать с вами на темы, близкие нам обоим, и слушать музыку великого Вагнера. Так как я понял из ваших писем, что вы разделяете мою любовь к этому композитору.

— Но, Ваше величество, таким образом, получается, что вы запираетесь здесь вместе со мной? Зачем вам нужна неограниченная королевская власть, если вы сами становитесь пленником? — Мазоха поставил на стол кубок с вином, и стол лениво пополз вниз, изразцовые плитки пола вновь сошлись, так будто бы никогда не покидали своего места.

— А кто вам сказал, что я сейчас с вами? — Людвиг засмеялся.

Не помня себя от ужаса, Мазоха вскочил и одним прыжком оказался в темном углу, из которого слышал до этого голос короля. Там было пусто.

На следующий день измученный Мазоха получил возможность бежать из замка. Рискуя жизнью, он вылез в лаз, откуда подавали накрытый стол, так что наблюдавший за побегом Людвиг возблагодарил бога за то, что не додумался закрыть лаз выдвигающимися ножами, как это нередко делали тираны прошлого.

Писатель пересек длинную анфиладу комнат, пронесся не остановленный никем по галерее с великолепными портретами и, оказавшись во дворе, прыгнул в свою карету, потребовав, чтобы кучер, который точно специально поджидал писателя, сидя на козлах, немедленно увез его из этой проклятой богом Баварии. Вопреки ожиданию, кучер не заставил себя долго упрашивать, и карета тронулась.

Никто не помешал пленнику покинуть Нойшванштайн, солнце весело улыбалось ему, а ветерок нес с гор ароматы цветов и полей.

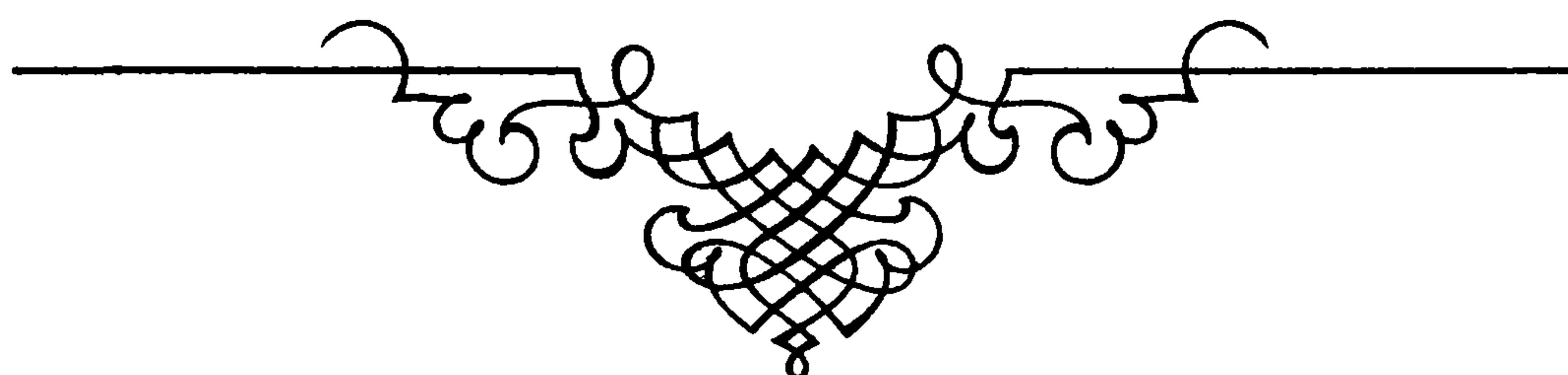
В карете Мазоха нашел письмо от Людвига, в котором тот просил у него извинения за невинную шутку, тут же лежал великолепный золотой порт-

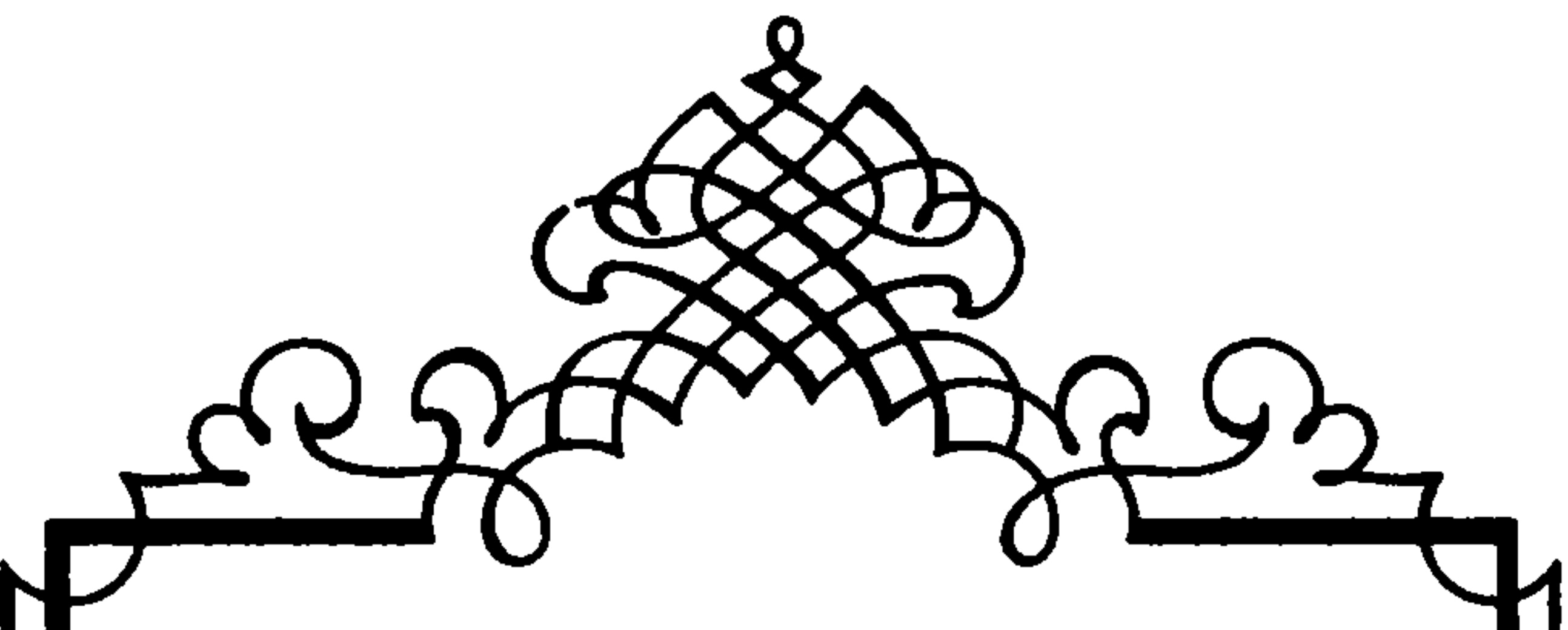
сигар с лебедем и переплетенная оленьей кожей последняя книга Мазохи, которую Людвиг приобрел через своего представителя в Берлине.

Когда Мазоха проезжал мимо скалы Девы, как называли ее местные жители, на вершине ее стоял прекрасный белый конь, в седле которого сидел рыцарь в сияющих доспехах.

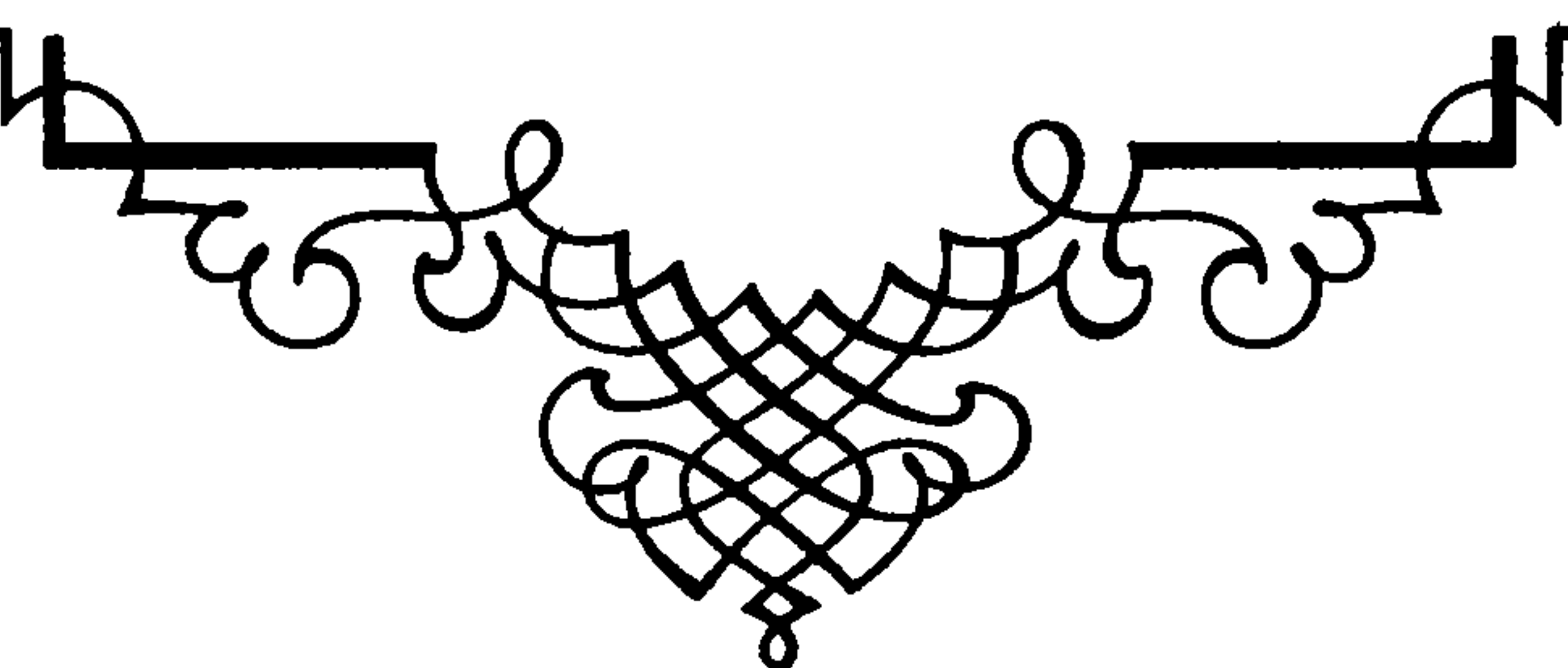
В какой-то момент призрак сорвал со своей головы оперенный шлем и проезжающий мимо писатель узрел короля Баварии во всем его величии и красоте.

Больше они не виделись.

Часть третья
ПАДЕНИЕ И ВОЗНЕСЕНИЕ
ЛЮДВИГА ВИТТЕЛЬСБАХА

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.
Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Вильям Блейк

Начало заговора

Меж тем до иллюминатов дошли сведения о том, что баварский король дал обет безбрачия. Принесший эту новость лакей Людвига не мог, однако, сообщить подробностей и обстоятельств принесения обета. Также он не имел понятия, был ли тот дан в церкви, на Святом Писании или какой-нибудь другой значимой реликвии. Но зато он мог сказать со всей определенностью, что король начал говорить об обете после одной из встреч со своей дамой.

Кто она — таинственная дама короля, лакей не знал, добавив только, что она никак не может быть принцессой Гизелой, в связи с которой иллюминаты подозревали Людвига. Так как лакей прекрасно знал принцессу и не мог бы спутать ее с новой пассией короля.

Означенная особа, по словам самого Людвига и многих его слуг, именовала себя старинным именем Эсклармонда. Была стройна и имела великолепные светлые волосы, которые по непонятной прихоти обычно носила распущенными.

Время от времени она появлялась в замках короля и проводила с ним ночи, после которых таинственным образом исчезала. Иногда они не расставались по нескольку дней, при этом Людвиг старался скрыть от посторонних глаз свою возлюбленную, но слуги и стража все равно имели возможность украдкой видеть их вместе.

После такой информации магистр иллюминатов был вынужден упросить принесшего сведения лакея сделаться их постоянным осведомителем, а заодно и помочь секте завербовать как можно большее количество королевских слуг, для того чтобы постоянно иметь информацию о личной жизни короля, которая, несмотря на тщательную слежку за Людвигом, оставалась в строжайшей тайне.

Так вскоре до секты иллюминатов дошли потрясающие сведения о том, что в Хохеншвангау состоялся рыцарский совет. Что примечательно, никто из явившихся на королевский зов гостей не прошли в Хохеншвангау обычным образом через ворота, а возможно, летели по воздуху или воспользовались скрытым от всех подземным ходом, что было неудивительно, учитывая любовь короля к тайнам.

По словам сразу же нескольких слуг, памятный совет состоялся в лебедином зале, рядом с королем была оставшаяся у него с вечера дама Эсклармонда. Трое мужчин, одетые в доспехи и длинные до пят плащи, приветствовали короля.

— Мы пришли сообщить вам, Ваше величество, что недалек тот час, когда вы сможете завершить свою земную миссию и перенестись с нами в царстве Грааля, — сказал самый старший, смело глядя в глаза Людвигу.

— Мы давно готовы, — король обнял за талию даму Эсклармонду.

— Вам следует готовиться и опасаться заговора, который может погубить все дело, — невозмутимо продолжал рыцарь.

— Дело в том, что до нас дошли слухи, — начал самый молодой из участников совета рыцарь, — о том, что ваш брат, благородный Оттон, пал жертвой ужасной измены.

— Отто? — Людвиг побелел. — Но Отто находится в одном из замков, где за ним ведется наилучший уход, мне докладывали...

— Ваш брат не сумасшедший, точнее он один раз действительно столкнулся с тем, что было выше его понимания. Но от этого недуга его мог бы спасти месяц на водах, в то время как доктор — психиатр Бернгард фон Гудден, состоящий в секте ваших врагов иллюминатов в степени иллюминат-минервал, настоял на изоляции принца, и теперь...

— Милый Людвиг! — Эсклармонда остановила не знавшего, как продолжить, рыцаря, чтобы не испугать еще сильнее короля. — Мы получили сведения относительно того, что с момента заточения вашего младшего брата в его замке ему постоянно давали препараты атропиновой группы. Из-за которых

у него непрерывные галлюцинации. К сожалению, мы узнали об этом слишком поздно, чтобы помешать. Ваш брат уже не может прожить без этих лекарств, — Эсклармонда выглядела расстроенной. — Мы ничем не можем помочь принцу Оттону. Но вы — Людвиг! Вас мы еще можем забрать отсюда. Не скоро еще народ поймет то, что вы делаете для него, — она зарыдала, уткнувшись в грудь короля.

— Мужайтесь, сын мой, — вновь взял слово старший из рыцарей. — Заговор уже давно осуществляется. Вас назовут сумасшедшим и изолируют, подобно тому, как уже изолировали вашего брата, который после всех этих лекарственных экспериментов уже не сможет наследовать престол Баварии, а если и сможет, то будет лишь формальным королем — королем-марионеткой. К сожалению, мы не можем забрать вас прямо сейчас. Но умоляю вас, Ваше величество, не позволяйте им пленить вас, заставляйте кого-нибудь пробовать вашу еду. Потому как будет печально, если, в тот момент когда откроются врата, вы не сможете найти в себе сил или возможностей, для того чтобы перешагнуть их.

Иллюминаты были в замешательстве. О том, что наследный принц Оттон Виттельсбах находится под домашним арестом, знали все. То же можно было сказать и об участии в деле получившего степень иллюминат-минервал доктора Бернгарда фон Гуддена. Но вот откуда слуги могли знать о том, что принца травят именно атропинами? Да и вряд ли фон Гудден стал бы распространяться относительно своей причастности к секте, зная, что король является магистром враждующего с иллюминатами ордена. Все это было крайне загадочно и требовало дополнительного дознания.

Камердинер Майр

В то же время на сторону иллюминатов встал камердинер Людвига господин Майр, который за приличную сумму обещал устроить королю обструкцию, опозорив его в прессе и выставив перед всей Баварией и всем миром сумасшедшим. Сделал он это следующим образом.

Как известно, Людвиг терпеть не мог две категории людей, а именно журналистов и туристов, которые нет-нет, да и забредали в его владения. После же памятного совета с рыцарями Грааля, который наблюдали подкупленные иллюминатами слуги, он стал опасаться их еще больше, отчего усилил охрану замков и дворцов, где находился со своей свитой.

Майр же, подкупив начальника стражи, начал приглашать и приводить в Линдерхоф туристические группы и журналистов, которые гуляли по парку и даже замку в дневное время, когда король по своему обыкновению спал.

На следующий день после таких экскурсий Людвиг нет-нет, да и натыкался на следы посторонних людей. Это могла быть забытая книга, конфетный фантик, след женского сапожка на дорожке в парке. На вопросы короля о происхождении этих предметов Майр начинал ругать нерадивых слуг, которые, по его мнению, плохо знают свои обязанности. Что же касается голосов, которые король слышал в полусне, Майр уверял его, что те являлись не чем иным, как продолжением сна.

Однажды днем король проснулся от шума, раздававшегося под его окнами. Решивший, что заговор, о котором он получил подтверждение от своих призрачных гостей, уже начался, он схватил со

стены шпагу и пистолет и высунулся из окна, собираясь поднимать гарнизон в ружье.

Какого же было его удивление, когда он заметил удиравшую со всех ног компанию. Увидев короля в гневе, дамы побросали кружевные зонтики, мужчины похватали развешенные на скульптурах сюртуки и шляпы, и теперь они все вместе улепетывали по дорожкам парка.

Рассерженный Людвиг велел вызвать к нему камердинера, и тот, явившись, тут же начал уверять короля в том, что убегающие и бросающие по дороге вещи люди являются не чем иным, как плодом его воображения.

Когда же взбешенный Людвиг спустился в парк и лично принес оттуда кружевной зонтик, сунув его под нос предателю, тот сделал вид, что не видит этого предмета.

Любой другой, наверное, решил бы, что сошел с ума, но только не Людвиг. Поняв, что Майр желает выставить его как параноика, Людвиг бросился на камердинера с криком:

— Если ты не видишь этого зонтика, то, быть может, почувствуешь его на своей шкуре, — после этого он как следует отделал предателя и, возможно, убил бы его, не явись на помощь к Майру слуги.

Теперь Людвиг и сам понимал, насколько шатко его положение на троне и в этой жизни. Любой из слуг или все вместе могли свидетельствовать о безумии своего короля, а он не мог никак защитить себя. Да что там себя, как оказалось впоследствии, он — король Баварии не смог даже выгнать не в меру обнаглевшего Майра, так как за него тут же заступилась оппозиция.

Замковые слуги

Желая немного развеяться и обдумать сложившееся положение, Людвиг затеял новое строительство — рыцарский замок Фалькенштайн, который должен был разместиться на отвесной скале на границе с Тиролем. По задумке короля, Фалькенштайн должен был сделаться лучшим замком в Баварии. Для его постройки Людвиг постоянно выписывал себе ученых и архитекторов. По изначальному проекту короля возле Фалькенштайна следовало сделать искусственный вулкан, кроме этого, на территории замка должна была быть установлена взлетная площадка, с которой можно было бы подняться в воздух на летательном аппарате. Вопросом покупки самолета Людвиг занимался лично.

Такая активность короля мешала иллюминатам, ведь пока он находился на строительной площадке, они не получали сведений относительно его личной жизни, так как слуги-предатели размещались в основном в Нойшванштайне и Линдерхофе. А следовательно, не могли и навредить ему.

План, как выкурить Людвигу со строительства, был предельно прост и незатейлив. Однажды во время закладки фундамента рабочие обнаружили ящик с динамитом, о чем тут же было доложено королю. Решив, что враги вознамерились погубить его физически, не дожидаясь повода для того, чтобы объявить о сумасшествии, Людвиг был вынужден покинуть стройку и руководить ею лишь на расстоянии. Это и было нужно иллюминатам.

Заговор свержения Людвигу Виттельсбаха был необыкновенно важен для всей политической системы Баварии, так как по планам иллюминатов после устранения Людвигу должна была произойти

смена правящей династии с последующим упразднением королевской власти, так как иллюминаты планировали создать народное правительство, во главе которого встанет элита секты, с магистром-магом во главе. И Людвиг с его монархическими идеями мешал им, точно застрявшая в горле кость.

Мало того, король, появление которого было предсказано величайшими прорицателями прошлого и настоящего, миссия которого была выше понимания обыденности, мог порушить все их существующие планы, уже потому, что деяния его были явно продиктованы каким-то высшим разумом. Разумом, с которым иллюминаты не имели контакта.

Бог ли, внеземная ли или параллельная цивилизация поддерживала короля-мессию, было неизвестно.

Неизвестность пугала. На этот вопрос мог ответить только король, но он не стал бы давать разъяснения врагам, а друзей у него не было.

С самого начала своего правления Людвиг вел себя как человек не от мира сего. Да, он тратил много денег. Но это были деньги, которые казна выдавала ему на его личные нужды. А он тратил их на замки, которые украшали Баварию, делая ее желанной для туристов. За несколько лет правления Людвиг поднял в Баварии оперу и вообще театр на такую высоту, что их начали называть лучшими в мире!

Короля обвиняли в эгоизме, но никто всерьез не смог бы утверждать, что все великолепие, появившееся в Баварии благодаря старанию короля, вдруг уйдет вместе с ним в могилу.

В один из дней осведомители начали сообщать о том, что, оказывается, в замке Нойшванштайн в тайной церкви у Людвига сокрыта чаша, которую якобы принесли ему таинственные гости. Впервые эта чаша была замечена Майром еще в Линдерхо-

фе, куда Людвиг привозил ее на время ремонта в своем новом Монсегюре, как нередко он называл Нойшванштайн. Коварный камердинер пригласил фотографа, который втайне от всех проник во дворец и сфотографировал чашу. Но когда он выходил из замка, то поскользнулся на мокрых после дождя ступенях, и камера разлетелась на куски.

Посоветовавшись, иллюминаты решили, что речь идет о легендарной чаше Грааля. Об этом косвенно намекали уже те факты, что таинственная возлюбленная Людвиг носила имя Эсклармонда, как и легендарная хранительница Грааля, и что Нойшванштайн (новый лебединый камень) он называл Монсегюром. А ведь именно в Монсегюре по легенде катары хранили Священную Чашу.

Догадку подтверждал и тот факт, что начиная с 1880 года Людвиг неофициально изъявил желание оставить престол, с тем, чтобы поселиться где-нибудь на необитаемом острове, где он сможет создать для себя королевство с неограниченной монархической властью. Специальная комиссия была отправлена обследовать Эгейское море, для того чтобы отыскать подходящий для этих целей остров. Одновременно с тем Россия получила от Людвиг официальное предложение продать ему Крым, природа которого особенно нравилась впечатлительному и любившему все прекрасное Людвигу.

«Наверняка этот лебединый король ищет место для того, чтобы укрыть там Грааль», — решили иллюминаты.

Этого ему никто не собирался позволять. Было принято решение ограбить Нойшванштайн. Но затруднение составлял тот факт, что никто доподлинно не знал, как пройти в тайную церковь, где, по слухам, Людвиг хранил Грааль, а чертежи замка были лишь у его главного архитектора — у короля!

В конце концов было решено, что пришло время осуществить намеченный заговор. Но тут планы секты вновь начал расшатывать сам король, который перевел часть прислуги из Хохеншвангау в Линдерхоф и таким образом немного обезопасил себя.

Для того чтобы преданные ему слуги знали предателей, работавших на иллюминатов, Людвиг придумал оригинальное решение. Всем слугам, о которых он доподлинно знал, что они отправляют донесения в Мюнхен, король повелел поставить черные печати на лоб, а предателю Майру так и вовсе носить маску. Самому Майру он объяснил это так, что не в состоянии более видеть его наглой морды.

Меж собой слуги и стража, преданные Людвигу, собираясь вместе, находили доступные им способы наказания предателей и даже перехватили несколько писем.

Но несмотря на все их усилия, донесения на короля продолжали поступать, так как иллюминаты не жалели денег, желая в любой день иметь компрометирующие короля сведения, большую часть которых откровенно выдумывали.

Тем не менее в 1882 году к иллюминатам поступил подлинный отчет о новой встрече Людвиг с его призрачными гостями, которых на этот раз слуги не видели, но зато явственно слышали обращенные к королю голоса и его ответы.

Тайные знания — горькие знания

Все происходило в Хохеншвангау, в зале Рыцаря Лебедя, столы в котором были накрыты для пира. Музыканты играли что-то из «Валькирии», а Людвиг, смеясь, потчевал своих невидимых гостей, рассказывая им что-то забавное.

Вдруг точно по мановению волшебной палочки музыканты разом прекратили играть, так что в зале образовалась звенящая тишина.

Король застыл с поднятым кубком в руках, когда в трепещущей тишине раздался печальный голос, возвестивший о том, что не пройдет и нескольких месяцев, как не станет его лучшего друга — великого композитора Рихарда Вагнера.

Услышав это, король сел, точно подкошенный, золотой кубок выпал из его рук и со звоном покатился по полу. Вскоре музыканты за ширмой слышали приглушенные рыдания. Самого короля они не могли видеть, так как он был скрыт от них. Никто не встал со своего места и не подошел к Людвигу, никто не утешил его в этом преждевременном горе.

Музыканты не знали, продолжать ли играть или убраться подобру-поздорову. Так и сидели они, молча, вздыхая или роняя слезы по еще живому и здоровому человеку. По композитору, которому оставалось так немного на этой земле.

Рихард Вагнер умер через несколько месяцев после того, как об этом возвестили королю. Перед смертью он был удостоен милости фортуны. Его опера «Парсифаль», поставленная в Байройте, имела невиданный успех.

«Я не напишу больше ни одной ноты, ибо дело мое завершено! Свою миссию, несмотря ни на что, я осуществил полностью и счастливо!» — писал Вагнер Людвигу. В конце письма он умолял короля пожаловать в Байройтский театр или удостоить его встречей в Мюнхене, через который композитор должен был возвращаться домой. Но Людвиг не сумел найти в себе сил на последнее свидание с другом. Ведь в отличие от Вагнера он знал о том, что встреча эта будет действительно последней.

После смерти друга Людвиг еще больше отстранился от людей. Он не желал видеть слуг, общаясь с ними через специальное устройство в двери, не хотел видеть своих министров. Все помыслы короля были о том времени, когда ворота между мирами, наконец, откроются, и он сможет уйти из этого жестокого мира. Но вот успеет ли?!

Все чаще за своей спиной король ощущал хриплое дыхание погони. Его загоняли, обкладывали, подрезая по дороге. Он уже устал уходить из окружений, обманывать летящих за ним охотников, обходить многочисленные ловушки.

Так, однажды внутренняя полиция ордена Святого Георгия собрала сведения относительно министра Людвигу графа Макса фон Холштайна, которого король считал чуть ли не единственным преданным ему человеком в своем окружении. Согласно неопровержимым доказательствам, предъявленным облапошенному королю, Макс фон Холштайн состоял в секте иллюминатов в степени жреца.

Король потребовал от Холштайна, чтобы тот дал честное слово, что не имеет отношение к иллюминатам, и тот не посмел отрицать своей причастности. За честность и откровенность перед своим монархом Людвиг оставил Холштайна при своей особе, сняв его для порядка с нескольких занимаемых им должностей, но продолжая относиться к нему со всей не растраченной теплотой и любовью.

Теперь, после смерти Вагнера, газеты вдруг начали преследовать короля рассказами о его жестокости, сообщая, что с некоторых пор спектакли, которые ставятся непосредственно для короля, изобилуют сценами насилия и разврата. Иначе от чего королю было бы нужно смотреть их в одиночестве.

Некоторые газеты обнаглели до такой степени, что опубликовали серию фальшивых интервью с актерами театра, которых король якобы выписывал из-за границы для того, чтобы те делали на сцене всякие непотребства. Какая-то берлинская прима жаловалась на то, что ее чуть ли не подвергли насилию прямо на сцене, другая обвиняла короля в том, что у нее была похищена дочь, которая чудом осталась жива после того, как побывала в придворном театре.

При этом ни в одном списке актеров баварских театров, включая самые бедные труппы, никогда не числилось этих горе-жалобщиков, никогда люди с такими именами не пересекали границы Баварии.

Людвиг мог без труда разоблачить грязных писак, но у него не было ни малейшего желания ввязываться в полемику с людьми, не имеющими ни чести, ни совести.

Кроме того, после посещения верхней Баварии Мазохой и после того, как он написал воспоминания о Людвиге, короля начали открыто сравнивать с героями произведений этого автора, приписывая ему чуть ли не все пороки общества.

Прочитав написанное Захером Мазохой о себе, Людвиг отказался от попыток заткнуть рот бульварной прессе, так как побоялся, что любое движение с его стороны может повредить талантливому писателю.

Страдая от невозможности высказаться, предъявить доказательства своей непричастности к описанным в газетах ужасам, Людвиг посчитал ниже своего достоинства вступать в эту неравную борьбу.

Он не писал больше Мазохе, опасаясь, что его письма могут быть перехвачены. А значит, не имел возможности заверить писателя в своей искренней

дружбе и любви к его творчеству. Не мог послать несколько слов утешений и уверений в том, что он — Людвиг Баварский сделает все возможное, чтобы имя Захера Мазохи не было втоптано в грязь.

Однажды, почувствовав себя особенно плохо, король решился на отчаянный шаг и отправил писателю свой перстень, который, как доказательство его добрых отношений, должен был передать Мазохе личный секретарь Людвиг. К перстню король не посмел приложить даже коротенькой записки.

Вот так и жил баварский король. Жил загнанный в угол, точно дикий зверь, преследуемый охотниками.

Охота на короля

Все это мучило Людвиг, делая его подозрительным и грубым. Тем не менее он еще сохранял свой трон, пытаясь выкрутиться из западни, которую устраивала ему оппозиция.

Несмотря на серию неудач и явное нежелание видеть кого-либо из своих министров, Людвиг с радостью уезжал в горы, где общался с простыми крестьянами и фермерами, с которыми он был прост и весел. Верхняя Бавария обожала своего необыкновенного короля, считая, что Мюнхен просто недостойн его милости.

Немного отдохнув в горах, король отправлялся со своими адъютантами и телохранителем в Мюнхен, стараясь, по возможности, не привлекать к себе лишнего внимания. Эти поездки были приятны для Людвиг, так как, находясь рядом с двумя-тремя спутниками, он мог молчать, уехать вперед или

немного отстать от компании, думая о своем, чего не удавалось сделать среди шумной толпы слуг и придворных.

Но вскоре и этим невинным радостям пришел конец. В России прогремел взрыв, унесший жизнь Александра Второго, в Париже неистовствовала революция. В таких условиях министр жандармов и личная охрана короля потребовали, чтобы тот путешествовал под усиленной охраной либо сидел безвылазно в мюнхенском дворце. Образно говоря, короля сажали под замок.

Людвиг согласился с усиленной охраной в столице, но по-прежнему пользовался полной свободой в верхней Баварии.

Находясь под неусыпным наблюдением, точно преступник под стражей, окруженный охранниками, почти лишенный возможности лично присутствовать при осуществлении своих очередных архитектурных задумок, Людвиг оставался королем, и с этим иллюминаты не желали смиряться.

Несмотря на то что сведений, которые могли указывать на безумие короля, иллюминатами было собрано более чем достаточно, король все еще пользовался любовью народа, а значит, готовившийся столько лет переворот мог провалиться.

Поэтому снова и снова руководство секты вызывало к себе слуг Людвига, требуя от них новых подробностей и письменного подтверждения каждого сказанного ранее слова.

Была собрана врачебная комиссия (все члены которой были иллюминатами). На рассмотрение комиссии были представлены многочисленные свидетельства и доносы, собранные за много лет.

Целые тома документов, подшитых писем и отчетов слезки легли на стол, тем не менее говорить

о признании короля сумасшедшим было еще рано, так как любые доводы за безумие или слабоумие Людвига Виттельсбаха неизменно встречали контрдоводы. Взять же на себя смелость выступить против своего дееспособного, умного и талантливого короля, объявив его сумасшедшим, было не простым делом, на которое мало кто мог согласиться. Поэтому члены комиссии предпочитали сказываться больными, эмигрировать из страны или даже кончать жизнь самоубийством, лишь бы только не подписывать заключения, которое могло стать убийственным прежде всего для них самих.

Короля обвиняли в том, что он не терпит, чтобы до него дотрагивались. В этом присягали несколько слуг и доктор, служивший прежде в замке Берг, которому будущий король, а тогда кронпринц запретил произвести осмотр, не получив на то санкции короля Максимилиана.

Это был достаточно сильный довод в пользу сумасшествия, если бы его не опровергал тот простой факт, что время от времени король осматривался зубным врачом, с которым мило беседовал и которому позволял делать его работу, не выказывая недоброжелательства и стараясь не обращать внимания на боль. Что же касается других врачей, чьи услуги обычно необходимы всем, то Людвиг никогда ничем серьезным не болел и, следовательно, врачи ему были просто не нужны.

Королю ставили в вину, что он был груб со многими слугами, кому-то отвесил оплеуху, кого-то сбросил с лестницы. Но что сделал бы любой нормальный человек, обнаруживший у себя дома гнездо шпионов?

Говорили, что Людвиг поменял местами ночь и день. Но так жила практически вся богема.

Безусловно, о безумии короля могло говорить уже то, что он неоднократно приказывал заковывать своих министров в цепи, сажать их на хлеб и воду, сдирать с живых кожу или убивать каким-нибудь иным образом. Но ни одно из этих приказаний никогда не было исполнено, так как в стране давным-давно была принята конституция, согласно которой власть короля не позволяла ему казнить кого-либо по собственному усмотрению. А значит, все эти «приказания» можно было расценивать не иначе как ругань и несдержанность в словах.

Как уже говорилось, короля обвиняли в том, что для него лично ставились спектакли со сценами насилия. Но самая тщательная проверка опровергала эти слухи полностью. А значит, Людвига невозможно было обвинить в жестокости.

Короля обвиняли в том, что он ненавидел, когда возле его замков появлялись посторонние. Но если бы психиатры выдвинули такое обвинение, вместе с королем пришлось бы отправить в лечебницу практически всех домовладельцев, господ, имевших земельные владения и загородные постройки, и особенно фермеров, не терпевших, чтобы возле их домов и особенно в них болтались чужие люди.

Людвиг ненавидел, когда на территорию его страны заявлялись проверяющие из Берлина и однажды даже отдал приказ изловить особо надоевшего ему кронпринца Фридриха и посадить его в тюрьму, чтобы тот сдох там от голода и жажды.

Узнав о таком приказе, трусливый Фридрих немедленно покинул Баварию, зарекаясь когда-либо возвращаться в нее. Что же касается баварцев — они были в восторге от изобретательности своего короля. На отношения же с официальным Берли-

ном этот эпизод никоим образом не повлиял. И, в конце концов, Бавария добилась необходимой для себя свободы, в чем была заслуга Людвига.

Людвига неоднократно обвиняли в том, что он общается с придуманными гостями и картинами, устраивая для них пиры. Об этом было собрано, наверное, больше всего свидетельств. Однако и здесь снова возникали «но». Говоря о том, что Людвиг общался с призраками, доносчики не забывали указывать на то, что и они сами нет-нет да видели или слышали этих самых призраков. А значит, либо король общался с чем-то пока неизвестным науке, либо гости его были вполне реальные люди, приезд которых в замках не могли зафиксировать, так как прибывшие пользовались подземными ходами.

О том, что в замках были и есть подземные ходы, никто не сомневался.

Последняя капля

Не имея возможности открыто объявить Людвига сумасшедшим, его решили добить по-другому. Было общеизвестно, что король тратит деньги казны на постройку замков и дворцов, а также на театральные постановки, которые постоянно заказывает. Эти две статьи расходов были самыми большими в Баварии.

В одном только 1884 году Людвиг получил заем в размере полутора миллионов марок и через год пришел за аналогичной суммой. Казна действительно не справлялась с прихотями и аппетитами своего монарха, о чем ему и было доложено министром финансов.

Разгневанный Людвиг тут же, не откладывая, заперся со своим секретарем в кабинете, где они составили несколько писем с просьбами о займе под любые проценты. Письма были разосланы во все банки и торговые дома Баварии.

В ответ на это палата министров была вынуждена пойти на крайние меры: в прессе был опубликован финансовый отчет, содержащий среди прочего сенсационную информацию о том, что личный долг короля на 1885 год достиг четырнадцати миллионов марок.

После чего ни один банкир Баварии, даже из тех, кто был безоговорочно предан королю, не посмел выдать Людвигу требуемую сумму. Одним метким ударом монарх был лишен возможности получить деньги в собственной стране.

Король оказался загнанным в угол долговыми обязательствами, вестью о своем банкротстве и одновременно с тем необходимостью достать проклятые деньги на продолжение строительства.

В отчаянии он снарядил адъютантов с собственноручными письмами к шведскому, бельгийскому и бразильскому королям, а также к богатейшим людям Америки с просьбой о выдачи займа на сумму пятьдесят миллионов марок.

Ответ пришел только от Орлеанского герцога, который обещал Людвигу содействие в переговорах с бароном Ротшильдом, которому король должен был выслать вексель.

Именно эта бумажка и сыграла в дальнейшем роль последней капли в войне секты иллюминатов против короля Баварии.

Больше всего на свете Людвиг опасался, что означенный вексель может попасть к ненавистному камердинеру Майру, поэтому он попросил секретаря

ря Хессельшверда, чтобы тот отвез конверт с векселем в Париж к Ротшильду. Для сопровождения секретаря был выделен отряд личной охраны Людвига. Но, едва только конверт оказался в руках Хессельшверда, как он помчался к своему подлинному хозяину. Охрана ждала у ворот замка, так как Людвиг не мог предположить, что кто-то нападет на секретаря непосредственно в замке.

Нападение не потребовалось, и, выйдя от Людвига, Хессельшверд просто скользнул в соседнюю комнату. Там его уже ждал «друг» короля, бывший министр граф Макс фон Холштайн, который сломал королевскую печать и, прочтя вексель, тут же повелел секретарю скакать в Париж, дабы король считал, что его воля выполняется и не успел ничего заподозрить.

Сам же Холштайн дождался, когда экипаж с секретарем покинет замок, и, сев в свою личную коляску, прямехонько отправился в Мюнхен, где, не скрывая радости, вручил вексель совету министров.

Тут же было вынесено решение о необходимости устранения короля от государственных дел.

Буквально на следующий день были собраны врачебная комиссия, призванная заочно освидетельствовать Людвига и вынести ему диагноз, и семейный совет Виттельсбахов, на котором новым королем был провозглашен дядя Людвига принц Луитпольд. Людвиг же должен был отправиться в один из своих маленьких замков, под постоянный медицинский надзор, как это было проделано ранее с его младшим братом Оттоном Виттельсбахом.

Ночь на 10 июня 1886 года выдалась черной и беззвездной. Около часа ночи к замку Хохеншвангау прибыли несколько черных закрытых экипажей

с маленькими фонариками, слабо освещавшими дорогу. В первом ехали доктор Гудден, его ассистент и бывший министр Холштайн. В остальных размещались шесть придворных и восемь санитаров.

Комиссия не взяла с собой дополнительной охраны, полагая, что король сдастся, не протестуя, достаточно ему будет увидеть фон Гуддена, долгие годы пользовавшего его родного брата, и главное Холштайна, к которому несмотря ни на что король питал добрые чувства и которому привык верить как самому себе.

Комиссия въехала в ворота замка, после чего фон Гудден и Холштайн отправились на поиски короля. Как и обычно, в это время здесь никто не спал, как не спали и в других замках Людвига. Когда не спит король, не спят и его подданные.

Фон Гудден ожидал, что ему удастся застать Людвига у себя, но его не оказалось в замке. В этот день король принимал своих призрачных гостей в Нойшванштайне и собирался вернуться в Хохеншвангау ближе к рассвету. По сигналу семафорной почты из Хохеншвангау к нему должны были выслать коляску.

Боясь, как бы хорошо знающий горные дороги кучер Стефан не опередил комиссию, граф Холштайн отправился на конюшню, где велел распрягать лошадей, так как за королем он поедет сам в другой коляске.

Тут же около запряженных и готовых к выезду лошадей был поставлен пост, дабы старый Стефан не смог выехать из Хохеншвангау. Никогда еще в замке, ну разве что с момента появления на свет маленького Людвига, когда его дед перевернул здесь все вверх дном, в считанные дни сменил прислугу в замке и посадил на окрестные земли преданных

ордену Святого Георгия людей, не было такого самоуправства.

Почуявший недоброе старый кучер Стефан, а точнее рыцарь ордена Святого Георгия и особа, приближенная к королю-мессии, Стефан Дюран понял, что настал его час. То, чего он ждал долгие сорок два года, находясь рядом с королем. Рыцарь Стефан сделал вид, будто бы послушался бывшего министра, и, кланяясь, вышел из конюшни. Тут же он бросился на королевскую кухню и, кликнув там своих ребят, предупредил их о готовящемся покушении, сам же он выбрался через секретный лаз, что многие годы был спрятан в погребке, и бросился со всех ног в Нойшванштайн.

Слава Богу, он знал здесь все тропы, и ему не нужно было пользоваться основной дорогой, на которой, без сомнения, его сразу же поймали бы иллюминатские прихвостни.

Задыхаясь и с трудом справляясь с одышкой, Стефан Дюран из славного рода Дюранов, служивших некогда при дворе Раймона Шестого, прыгал с камня на камень, протискивался между здоровенных валунов, спускался в узкие расщелины и поднимался снова. Он прекрасно знал эту дорогу и благодарил бога за то, что не поленился каждый день или ночь совершать этот маршрут, так что мог пройти его теперь с закрытыми глазами.

Подготовка к обороне

В этот момент на крыше Нойшванштайна король, наконец, узрел трепещущийся в воздухе проход между мирами и шагнул бы в него, не удержи его появившаяся тут же точно сотканная из воздуха дама Эсклармонда.

— Людвиг! Любовь моя! — закричала она, цепляясь полупрозрачными руками за одежду короля.

— Что случилось, Мона? — Людвиг с трудом удержался на козырьке крыши. — Врата вот-вот закроются, для чего ты удерживаешь меня на этой земле?

— Это не врата, — Эсклармонда потянула Людвиг на себя, и он был принужден присесть, ухватившись рукой за черепицу крыши.

— Если это не врата, тогда что же? — король выглядел раздосадованным. Черное беззвездное небо затаилось над ними, словно пушистый хищник перед прыжком.

— Это всего лишь призрак врат. А врата скоро появятся. Мы ценим твое мужество и то, что ты готов сделать это прямо сейчас, но... — она прильнула к королю, глядя его густые, прекрасные волосы. — Тебе следует подождать. Царство Грааля никуда не денется.

— Я был готов уйти в твой мир прямо сейчас, — Людвиг посмотрел вниз, но вид развершейся перед ним пропасти не вызвал страха. — Я ни о чем не спрашивал, не интересовался, как это произойдет... как вообще два мира могут существовать одновременно... Я верил тебе.

— Ты обязательно попадешь в мой мир. Что же касается того, как это происходит, мой мир сильно отличается от твоего мира. И даже если я захочу рассказать тебе о чудесных процессах, происходящих в мироздании, ты не поймешь ни единого слова, потому что в твоём мире еще нет таких слов. Ваша наука сильно отстала от нашей. И мне пришлось бы потратить долгие дни для того, чтобы все сделалось понятным.

— Скажи хотя бы: ты любишь меня? — Людвиг посмотрел в ночь, туда, где светился дивными огнями Хохеншвангау.

— Да, моя любовь. Помни лишь то, что я очень люблю тебя. Что наша встреча была predetermined, и очень скоро мы будем вместе, — она обняла Людвига за талию, и вместе, держась друг за друга, они добрались до чердачного окошка, откуда до этого король выбрался на крышу.

Стефан Дюран влетел в замок, когда король и божественная Эсклармонда как раз спустились в Лебединый зал. Увидев венценосную пару, рыцарь Дюран повалился к их ногам, умоляя короля немедленно бежать из страны.

— Бежать из страны? Но это невозможно! — Людви́г подскочил к окну, отметив, что по дороге к замку действительно приближается вереница огоньков. — Разве этот проход между мирами может появиться, скажем, в Швейцарии или Австрии?

— Проход появится здесь. Я точно не могу сказать, возникнет ли он в Нойшванштайне, Хохеншвангау или Берге, но во всяком случае мы наводили его на лебединое озеро и...

— Понятно. Мы никуда не поедем, — Людви́г побледнел.

— Может, можно пойти на сделку с фон Гудде-ном? — предположила Эсклармонда. — Может, вы могли бы пообещать графу Холштайну, что вернете ему отобранные у него прежде должности? Может, можно было бы пообещать легализовать секту иллюминатов, пусть свяжутся со своими хозяевами, а мы тем временем дождемся, когда появятся врата, и уйдем отсюда.

— Мы останемся здесь, любовь моя, и примем бой! — в волнении Людви́г посмотрел на старого конюха, только теперь он понял, кто перед ним. — Встаньте с колен, доблестный рыцарь, и отвечайте,

сколько человек пожаловали арестовывать меня и есть ли у нас силы, для того чтобы при необходимости закрыться в Нойшванштайне и держать оборону столько, сколько это понадобится?

— Благородный сэра, — несмотря на наряд слуги, старый рыцарь держался с большим достоинством и одновременно с почтением к своему королю, которому он служил с того времени, как Людвиг появился на свет. — Комиссия состоит из семнадцати человек, и у них, насколько я это успел понять, нет никакой бумаги, подтверждающей их полномочия. При помощи семафорной почты мы соберем отряд из местных пожарных, фермеров и естественно охраны замка, все эти люди, теперь я это могу сказать, являются рыцарями ордена Святого Георгия и поставлены здесь только для того, чтобы защищать вашу милость в случае опасности.

— Действуйте, — король со вздохом обнял за плечи Эсклармонду. — Надеюсь, что это поможет нам выиграть нужное для перехода время. Я приказываю вам, сэра...

— Мое настоящее имя Дюран, — помог ему бывший кучер.

— Я приказываю вам, сэра Дюран, готовиться к встрече комиссии и, если это потребуется, обороне Нойшванштайна.

Первая атака

В течение часа замок был окружен фермерами и крестьянами из соседних деревень, кроме того, услышавший призыв о помощи рыцарь, исполнявший должность мэра в городе Фюссена, прислал пожарных и полицию.

На рассвете, когда члены комиссии наконец-то достигли Нойшванштайна, они были взяты в клещи и арестованы как мятежники и предатели.

Людвиг приказал отправить их обратно в Хохеншвангау, а там бросить в темницу вплоть до судебного разбирательства. Но поскольку вместе с замаскированными под крестьян рыцарями на защиту пришли и не подготовленные, но чистосердечно преданные королю баварцы, Людвиг пообещал им, что прикажет выколоть членам комиссии глаза и снять с живых кожу, после чего они согласились отпустить предателей и не устроили самосуда.

Получив таким образом временную отсрочку, Людвиг тотчас бросился к расположенному в Нойшванштайне телеграфу и отбил слезные послания Бисмарку и австрийской императрице с просьбой спасти его от произвола кабинета министров. Так как считал, что вмешательство международной общественности может серьезно отсрочить арест, если не отменить его полностью.

Меж тем обеспокоенный отсутствием вестей от членов комиссии официальный Мюнхен прислал, наконец, в Нойшванштайн и Хохеншвангау разъяснения относительно судьбы короля и назначения регентства.

Не желая неприятностей и без того перетрусившим сверх меры членам комиссии, король приказал отпустить их на все четыре стороны.

Но тут уж Людвиг недооценил фон Гуддена. И вместо того чтобы отправиться подобру-поздорову в Мюнхен, комиссия свернула с дороги и направилась в замок Берг, который согласно приказу совета министров предназначался теперь для содержания безумного короля. Там они, как ни в чем не бывало, занялись переоборудованием помеще-

ний под стандарты лечебницы для буйно помешанных сумасшедших.

Так, уже на следующий день на всех окнах некогда привлекательнейшего из замков теперь, словно по мановению волшебной палочки какого-то черного и зловредного колдуна, выросли решетки. А из бывшего кабинета короля был сделан удобный карцер с обитыми войлоком стенами.

11 июня комиссия вновь явилась в замок, верные Людвигу рыцари хотели было запереть ворота и держать оборону, но король не позволил им сделать этого. Вопреки ожиданию, он согласился лично встретиться с членами комиссии. Рядом с Людвигом находилась неизвестная профессору фон Гуддену дама со светлыми волосами, уложенными в старомодную жемчужную сетку, у нее были несколько необычные манеры, которые выдавали в ней иностранку.

Дама представилась Эсклармондой и вежливо попыталась поговорить с фон Гудденом, убедительно доказывая ему, что если короля обвиняют в том, что он встречался не с женщиной, а с каким-то призраком, то она — дама Эсклармонда является вполне живой и еще может постоять за себя и своего возлюбленного.

Не без внутреннего трепета иллюминат-минервал смотрел в глаза легендарной хранительнице Грааля, не зная, что предпринять. Сам он прекрасно понимал, что ни о какой подмене в данном случае не может идти речи. Что это именно та Эсклармонда, о которой говорил закормленный лекарствами принц Оттон и подкупленная прислуга, и что самое главное — это та самая Эсклармонда, легенда о которой пришла аж с двенадцатого века, когда хранительница Грааля исчезла из Монсегю-

ра перед его взятием, избежав таким образом ко-стра инквизиции.

В какой-то момент иллюминат хотел уже упасть к ногам божественной хранительнице и умолять ее о великой милости — показать ему чашу и до края последней инкарнации на этой земле сделать своим преданным рабом. Но в последний момент он взял себя в руки, решив, что ничего уже не изменишь, ведь за его спиной стоит рота принесших присягу принцу-регенту жандармов.

Людвиг тянул время, прося фон Гуддена осмотреть его для окончательного освидетельствования или попытаюсь еще раз связаться с австрийской императрицей, обещавшей всяческое содействие и политическое убежище. Внешне король держался спокойно и ровно, но на самом деле его душа трепетала, а сердце ныло. Начиная с ночи, они с Эсклармондой уже четыре раза видели очертание входа, появлявшегося то тут, то там, а теперь король должен был покинуть Нойшванштайн, быть может, как раз в ту минуту, когда вход проявится настолько, что можно будет уйти в него.

— Я признаю за лучшее подчиниться судьбе, — тянул он время, поглядывая на окно, за которым уже угадывалась трепещущая окружность входа. — Мой дядя не мог бы устранить меня от правления, если бы мой народ не был на это согласен. Следовательно...

— Позвольте напомнить вам, Ваше величество, — профессор вежливо поклонился Людвигу, отчего тому сделалось не по себе. — Согласно конституции Баварии, король может вернуться к власти, если его неспособность руководить государством продолжится не дольше года. От себя лично могу заверить вас, что доктора и я лично приложим для этого все свои силы.

— Так же, как вы лечили моего брата?

При упоминании о кронпринце Оттоне фон Гудден побледнел. «Атропиновая группа, — крутилось у него в голове. — Ему сообщили обо всем этом его друзья из другого мира — инопланетяне, параллельщики или как их там называют господа писатели вроде Жюль Верна.

Фон Гудден взял себя в руки.

— Обещаю вам, что мы сделаем все возможное, и даже больше этого.

— Не понимаю, как вообще вы могли объявить меня сумасшедшим, если врачи давно не видели меня? И к чему нужно лечить человека, которого уже признали неизлечимым?

— «Неизлечимым»? Гм... с чего это вы взяли? — психиатр притворно поднял брови. Но Эсклармонда тут же вытащила из рукава свернутый в трубочку и перевязанный голубой лентой листок бумаги и, сделав книксен, передала его фон Гуддену. Это был тот самый акт, который доктор подписывал вместе с еще тремя психиатрами, перед тем как отправиться арестовывать короля.

*«1. Его величество страдает резко развитой формой душевного расстройства, известной под именем *paranoia*, — прочел он первый пункт медицинского заключения.*

2. Вследствие слишком большой давности и запущенности болезнь Его величества должно считать неизлечимой. Исходом болезни может быть только слабоумие.

3. Такая болезнь уничтожает свободу воли, и дальнейшее вмешательство короля в государственные дела будет только мешать управлению королевством. Это состояние душевной деятельности короля является пожизненным.

Gudden, Hagen, Grashey, Hubrech».

— Пожизненное ведь означает то же самое, что и неизлечимое? — закончил свою мысль король. Все время, пока фон Гудден читал прекрасно знакомое ему заключение, Людвиг неотрывно смотрел в окно. В какой-то момент он чуть было не поверил, что вход проявился полностью.

— Ваше величество, нам пора, — фон Гудден толкал его вон из зала. Вход снова исчез, не успев как следует оформиться, после чего вдруг снова появился, пульсируя и поблескивая по краям.

— Вы даже не догадываетесь, милейший профессор, насколько мне легко освободиться. Стоит только выпрыгнуть из этого окна, и всему позору конец, — в этот момент очертание входа исчезло, и король обреченно пошел вслед за командиром жандармов.

Эсклармонда осталась в Нойшванштайне.

Плен в Хохоншвангау

Людвиг был перевезен в Хохоншвангау, где, по мнению фон Гуддена, его было проще контролировать. Там король, желая протянуть время, предложил психиатру осмотреть и освидетельствовать его на предмет душевных расстройств и вменяемости. Но ему в этом было отказано. Для заключения короля под стражу оказалось довольно и присланного из Мюнхена разъяснения.

В ожидании неизбежного Людвиг пользовался последними дарованными ему крохами свободы, гуляя по парку и поджидая вестей от Эсклармонды или преданных ей рыцарей.

Король сидел на берегу, наблюдая за тем, как его ручной лебедь чистит перышки.

Воды озера были гладкими, и лишь движения прекрасной птицы время от времени тревожили ее безмятежную, зеркальную поверхность.

Секретарь Людвиг Пфистермайстер подошел к королю, остановившись в шаге от него и почтительно сняв шляпу.

Какое-то время оба молчали, наконец, Людвиг, не поворачиваясь к секретарю, указал на место рядом с собой.

Пфистермайстер приблизился, на ходу стаскивая с себя дорогой по моде узкий сюртук, который он тут же разложил прямо на земле, сев на него.

Король был одет в бриджи для верховой езды и жокейскую куртку, вытертую на локтях. На его голове красовалась выдавшая виды фетровая шляпа, нередко во время конных прогулок заменявшая королю зонт.

— Что скажешь? — Людвиг безотрывно смотрел на лебедя, тем не менее Пфистермайстер чувствовал, что внимание короля сосредоточено на чем-то ином. На чем-то, чего секретарь не может увидеть или даже почувствовать.

— Это правда? — Пфистермайстер услышал, как предательски задрожал его голос. Он попытался вернуть себе обычный тон, но ничего не получилось. — Это правда, что вы хотели шагнуть с крыши? — приглушенно спросил он.

— Я хотел пройти в обозначенные там врата, а не покончить с собой. Это не одно и то же! — Людвиг раздраженно повел плечами, и секретарь вздрогнул, решив, что невольно обидел короля.

— Я не хотел сделать вам больно, Ваше величество. Я только... — Пфистермайстер посмотрел на лебедя, тот закончил с туалетом, принявшись теперь ловить в воде мелких рыбешек. — Я только

хотел сказать, что, наверное, не смог бы вот так... в неведомое... совершенно без гарантий...

— Кто сказал тебе про то, что я пытался уйти? — Людвиг снял шляпу и теперь обмахивался ею: становилось душно.

— Дама Эсклармонда, — Пфистермайстер хотел уже подняться и уйти, но король неожиданно остановил его вопросом.

— Вы давно знакомы с госпожой де Фуа?

— Мы разговариваем около двух недель. Госпожа просит меня записывать за нею, — Пфистермайстер сглотнул слюну. — Ваше величество, я хотел сказать, что буду свидетельствовать, что дама Эсклармонда и ее спутники реальны. И что я много раз общался с ними, и моя жена была удостоена чести прислуживать госпоже де Фуа. Извините, но вы же понимаете, что в замке нет женской прислуги, в то время как госпоже необходимо...

— Кто-нибудь из замка или моей свиты еще общался с рыцарями Грааля? — Людвиг обернулся, вглядываясь в конопатое лицо секретаря.

— О, да, если нужно, я могу составить список... все они верные люди... и все пойдут за вас на смерть. Они будут свидетельствовать перед членами комиссии. Никто не сможет обвинить вас, назвать рыцарей Грааля плодом воображения или галлюцинациями, после того как мы все будем свидетельствовать...

— Пустое, — король поднялся и пошел в сторону замка, Пфистермайстер следовал за ним. Увидев, что Людвиг возвращается, приставленные к нему охранники поднялись со скамейки и проследовали за ним.

— Простите меня, Ваше величество! Я понимаю, что нам будет трудно опровергнуть все, что будет предъявлено. Но вы... я хочу понять, Ваше величе-

ство. Вы ведь собираетесь уйти. Совсем уйти. В другой мир? Вроде того, о котором пишет господин Жюль Верн? На другую планету... я не знаю. Почему вы считаете, что, уйдя отсюда, вы не погибнете? Почему вы не думаете, что покинете этот мир, уйдя в могилу, как все люди? Откуда вы знаете, что дама Эсклармонда не присланная вам в искушение адская гурия, явившаяся сюда ради гибели вашей души? Где и когда вообще описывалось, как люди, не будучи умершими, уходили на небеса?

— Отчего вы мучаете меня, Пфистермайстер? — Людвиг остановился, опустив голову. — Неужели непонятно, что я уже давно на все решился. Что я готов уйти за своей дамой по первому ее слову.

— Но если она приведет вас в ад? — Пфистермайстер задрожал, понимая, что говорит ужасные вещи.

— Значит, я отправлюсь в ад, — на глаза Людвигу навернулись слезы, порывисто он обернулся к секретарю и сжал его руку. — Если это вызов, я приму его как вызов. Если приказ — как приказ. У меня всего один шанс любить. Если же меня ждет гибель и ад, то я не понимаю, чем ожидающий меня в грядущем ад хуже ада на этой земле?

Ведь пройдет совсем немного времени, и я, преданный, буду осмеян и отправлен на муку. Меня заточат в каком-нибудь маленьком замке, посадят на цепь, обреют голову и будут закармливать ядовитыми веществами, пока я не утрачу самой способности думать.

Что же я потеряю в этом мире, кроме своих же страданий?

— Но ваши замки? Прекрасные замки, которые были построены вашими усилиями. Грот Венеры, хижина Хундинга...

— Полно вам, я строил их не для себя, — отмахнулся король.

Гибель богов

Когда-то давно дочери Рейна, русалки, хранили на дне великий клад — золото Рейна. Беззаботно плескались они, играя и поддразнивая влюбленных в них юношей. А почему не поддразнить, когда те все равно приходят на берег, чтобы лить слезы, играть на лютнях или состязаться друг с другом, показывая свою удаль.

Однажды на берег Рейна пришел карлик Альберих, который тоже влюбился в прекрасных русалок, умоляя одну из них подарить ему свою любовь. Но русалки только насмехались над подземным кузнецом: к чему им нибелунг-гном, когда рядом так много молодых и статных юношей.

Альберих понимал это, но все равно сидел на берегу, жадно следя за русалками. Вскоре они перестали замечать маленького человечка, и тут нибелунг впервые услышал о кладе и связанным с ним предсказанием.

Кто скует из золота Рейна кольцо, станет властелином мира и обладателем несметных богатств. Но, для того чтобы сковать такое кольцо, кузнец должен навсегда отказаться от любви, прокляв ее.

Посмотрев в последний раз на русалок, Альберих проклял любовь, которой был лишен.

Верховный бог Вотан любовался из заоблачной крепости Вальхаллы на подвластную ему землю. Но не радовало увиденное Вотана. Думу думал бог, как же ему отдать долг братьям-великанам, построившим для него Вальхаллу.

Не думал Вотан, что великаны справятся с его сложным заданием, и пообещал им в качестве оплаты богиню юности Фрейю, в которую был влюблен один из братьев.

Когда последний камень заоблачной крепости был положен, Вотан благородно передал Фрейю великанам, перешла она по радужному мосту на сторону строителей. И в тот же момент все боги сделались старыми и дряхлыми. Понял Вотан, что не может он отдать Фрейю, и обратился к великанам с просьбой назначить другой выкуп.

Недолго думали великаны и потребовали, чтобы Вотан раздобыл для них золото Рейна, хозяином которого с недавних пор сделался нибелунг Альберих.

Делать нечего, тотчас боги собрались в поход и вскоре достигли подземных кузниц Альбериха. Здесь работало множество маленьких мастеров, порабощенных коварным Альберихом, на пальце которого красовалось кольцо власти.

На разведку в кузницу был послан бог огня коварный Локки. Тот разведдал, что Миме, брат Альбериха, подарил ему шлем, надев который Альберих может превращаться в любого зверя или птицу. Обрадовавшись этой новости, Локки отправляется к богам и рассказывает им свой план.

Вместе они явились в кузницу Альбериха и попросили его продемонстрировать свое мастерство и превратиться в жабу. Но как только Альберих стал жабой, боги схватили его и связали. В качестве выкупа Альберих был вынужден отдать все золото Рейна, но даже этого богам показалось мало, и Вотан сорвал с его пальца волшебное кольцо.

Страшным криком закричал на богов Альберих и проклял некогда любимое кольцо. «Пусть теперь оно будет приносить своим владельцам несчастья и смерть», — воскликнул карлик. Но никто не слышал его писклявого голоса.

Тут же Вотан отдал все золото, включая кольцо, великанам, и они освободили Фрейю.

И в тот же момент проклятое кольцо показало свою силу. Из-за золота вспыхнула ссора, братья-великаны сразились на дубинках и один из них погиб.

В ужасе боги толпятся вокруг Вотана, в их светлый и радостный мир впервые пришла смерть, а значит, недалеко кончина мира.

В своем заоблачном замке Вотан ждал, когда свершится его судьба, близок конец власти богов, норны, прядущие нить мира, знают об этом. Они перечисляют преступления верховного бога, за которые тот должен понести наказание. Внезапно нить мира рвется, и норны исчезают вместе со своим знанием.

Герой Зигфрид прощается со своей женой — дочерью Вотана Брунгильдой, подарив ей в знак любви попавшее к нему кольцо нибелунгов.

Он отправляется в странствие, идя вниз по Рейну. Вскоре река выводит его к замку Гибиунгов, где живут колдун Гунтер, его сестра колдунья Гунтуна и их молочный брат Хаген.

Они с радостью принимают у себя не ведавшего о том, куда занесла его судьба, Зигфрида, Гунтуна подносит ему рог с волшебным зельем, выпив которое он забывает о том, кто он и откуда.

Зигфрид засыпает в замке Гибиунгов, а когда просыпается, Гунтуна представляется ему его невестой, в которую он давно влюблен. Когда Зигфрид спрашивает, отчего он ничего не помнит, коварная Гунтуна сообщает, что на празднике в честь их помолвки Зигфрид бился на турнире с Гунтером. И выпав из седла, сильно ударился головой.

Зигфрид отправляется к Гунтеру, прося его разрешения поскорее справить свадьбу с Гунтуной.

На что Гунтер требует от Зигфрида великого подвига. Он должен явиться к скале, окруженной пламенем, где живет валькирия Брунгильда, и привести ее в замок. Только после этого Зигфрид сможет жениться на Гунтуне.

Не подозревая о страшном заговоре, Зигфрид является к своей жене Брунгильде и похищает ее для Гунтера. При этом он не желает слушать ее уверений в том, что они женаты. Он отнимает от Брунгильды кольцо и надевает его себе на палец. Зигфрид отдает свою жену Гунтеру и тут же венчается с Гунтуной.

Оскорбленная Брунгильда требует, чтобы Гунтер убил Зигфрида, что он и пытается сделать на следующий день, когда хозяева и гости отправляются на охоту.

Там Зигфрид понимает, что его хотят убить, и спасается бегством. Улизнув от погони, он спускается к Рейну, где навстречу ему из вод выплывают русалки, которые умоляют героя отдать им кольцо, которое может погубить своего владельца.

Услышав страшное пророчество, Зигфрид решает, что, если он вернет кольцо русалкам, его сочтут трусом, поэтому он отказывает им и идет навстречу своей судьбе.

Зигфрид пошел через лес, и ему встретились охотники, предложившие поесть с ними и рассказать за ужином о своей жизни.

Зигфрид охотно рассказывает о том, как его воспитывал карлик Миме, обучивший его кузнечному делу, о том, как он сковал свой меч из обломков отцовского, как потом убил этим мечом и карлика, и караулившего золото Рейна дракона. И замолкает.

Он помнит свою жизнь лишь до этого места, а дальше провал... в этот момент к костру подходит

Хаген, он подливает в вино Зигфриду снадобье, снимающее заклятие, и Зигфрид вспоминает и огненную скалу, и свой поцелуй, пробудивший валькирию ото сна. Вспоминает Брунгильду, которой поклялся в верности и которую отдал Гунтеру.

— А теперь еще раз вспомни своего учителя Миме, — шепчет ему на ухо Хаген. — Я сын Альбериха, брата Миме, которого ты убил в благодарность за то, что тот воспитывал тебя с самого рождения.

Воспользовавшись тем, что Зигфрид отвернулся, утирая слезы, Хаген поразил его копьем в спину. Зигфрид умер.

Хаген и Гунтер дерутся из-за сокровищ Рейна, и Хаген убивает Гунтера. Когда же Хаген пытается сорвать с руки Зигфрида кольцо нибелунгов, мертвая рука угрожающе поднимается. Хаген бежит в страхе от мертвого героя.

В это время приходит Брунгильда. Она видит мертвого Зигфрида и приказывает разложить на берегу Рейна погребальный костер. На него кладут Зигфрида. Когда костер разгорается, Брунгильда в воинских доспехах на коне бросается в пламя и погибает в нем.

Огонь поднимается до самого неба, пожирая Вальхаллу. Боги погибают. Кольцо возвращается на дно Рейна, где лежит по сей день.

Вот так закончилось проклятье, уравнились судьбы, смерть славнейшего героя Зигфрида послужила искупительной жертвой и пали боги.

Людвиг смотрел в огонь камина. Где-то недалеко возле замка Берг его подруга светлая ведьма Магда зажгла другой огонь, его отблески можно было заметить на озере.

«Если рыцари Грааля предадут меня — рано или поздно они тоже погибнут, как погибла прекрасная Вальхалла, как погибли древние боги», — теперь ему вдруг стало непонятно и странно замешательство секретаря, посмеявшегося усомниться в верности рыцарского слова.

«Как же странно устроены люди. Они перестали верить и доверять. Но с другой стороны, в чем-то он прав, я мог шагнуть с крыши и, не достигнув врат, найти смерть на бульжном дворе. Так где же правда? Можно ли попросить гарантий и ждать, что их исполнят? Можно ли доверять богам, обладая не божественным, а всего лишь человеческим разумом, дрожащей душонкой и целым роем сомнений?

Господи, как же тяжело жить, не доверяя никому и никогда...

Последний раз Мона сказала, что они уже переправляли к себе нескольких человек из прошлого. Но всегда ли это происходит в физическом теле или это путешествие имеет эфирную, эмпирическую природу — она молчит. Что же делать?»

Людвиг встал и, добравшись до окна, смотрел какое-то время в ночь.

«Безусловно, моих знаний не хватает для того, чтобы понять все то, что необходимо знать, для того чтобы пересечь этот барьер. Но при этом Мона говорила, что уже переносила в свой мир людей далекого прошлого, а следовательно, они еще в меньшей степени обладали знаниями, чем я. Как же они объясняли им? Называли царство Грааля раем и забирала туда избранных? Или гротом Венеры. А раз так, то, может, Тангейзер и был одним из посвященных в таинства рыцарей Грааля.

Он был перенесен в волшебное место, называемое гротом Венеры, за которым начинался мир,

лучше которого нет, — мир Грааля. А потом, вернувшись в наш мир, не смог здесь жить, продолжая любить свою даму и мир, частью которого он стал.

Но, если Тангейзер мог вернуться, следовательно, он был перемещен в грот Венеры в физическом теле. И значит, мне следует ожидать именно этого... Или... Как мало знаний, как ничтожно мало мы знаем на самом деле.

Когда человек покупает дом или переезжает в другую страну, он собирает сведения относительно того, что ждет его в путешествии и на новом месте. Он может покупать книги, расспрашивать тех, кто уже был там и совершал подобные переезды. Но мне не у кого спрашивать. Я совсем один».

Пленник

Тем не менее комиссия опасалась сразу же перевозить короля в приготовленный для него замок Берг, так как до сих пор не прибыл курьер с манифестом об устранении короля от престола. А одного разъяснения полномочий комиссии было явно недостаточно. Из-за чего их действия можно было расценивать как не имеющие под собой юридической силы.

Уже в Хохоншвангау король получил телеграмму от Бисмарка, предлагающего ему выступить в палате депутатов с заявлением о заговоре и государственной измене.

Находившаяся в этот момент на Штарнбергском озере Елизавета Австрийская рассылала телеграммы во все королевские дома Европы, умоляя заступиться за несчастного баварского короля. Сама Елизавета со свойственной ей решимостью

и смелостью была готова вступить в сражение с охранявшими Людвига жандармами и выкрасть его из унижительного заточения.

«...Решайтесь же, мой друг, — писала императрица Людвигу, — пока вы в Хохеншвангау, вам достаточно перебраться через горы, для того чтобы оказаться на свободе. Но, даже если ваши тюремщики не позволят вам этого, моя коляска будет ждать вас за Шванбергским озером у скалы Девы, откуда мы уедем в Австрию или Швейцарию. Решайтесь же, Людвиг, ваша жизнь принадлежит не только вам. Она достояние этого мира, часть самых главных его сокровищ!

Спасите себя, Король-Лебедь, божественный Лоэнгрин, или позвольте мне сделать это.

Преданная вам Елизавета».

Получив письмо императрицы, Людвиг долгое время ходил взад и вперед по залу Лоэнгрина. Эсклармонды не было рядом, как не было ни кого, с кем можно было посоветоваться или выработать план действий. С тоской он глядел в окно, в котором не возникало больше очертание входа, столь заметного в Нойшванштайне. Тревожные мысли посещали его одна за другой.

В какой-то момент Людвиг решил, что сопровождающие его всю жизнь рыцари Грааля теперь оставили его, как, по слухам, перед самой казнью оставили Жанну Д'Арк руководившие ею голоса. Он чувствовал себя потерянным, обманутым и забытым.

Вечером он принял в своем кабинете советника и придворного врача Муллера, который также советовал королю бежать.

Ах, наивные люди, куда мог бежать истерзанный, измученный король? Бежать от цели своей

жизни? От самой возможности пройти, наконец, через врата в страну Грааль, где ждут его друзья и любимая женщина, где добро и благородство не подменяются сомнительными ценностями денег и положения в обществе?

Не зная, куда деваться от охватившей его тоски и отчаяния, Людвиг вызвал к себе камердинера Вебера и несколько часов беседовал с ним, пытаясь при этом решить, что делать. После Вебера король пожелал встретиться с ненавистным Майром, надеясь получить из его уст оценку ситуации в том виде, как видели ее иллюминаты.

Все сходилось к тому, что не оставалось ничего лучшего, чем бежать. Бежать, пока его не напичкали лекарствами до такой степени, что он уже не сможет принадлежать себе, быть собой...

Меж тем в Хохеншвангау прибыл долгожданный курьер с документами о законности деятельности комиссии и манифестом. С этого момента все, кто так или иначе поддерживал короля, могли быть обвинены в государственной измене. Положение же самого Людвига сделалось исключительно шатким, тем не менее он не терял голову, ожидая, что в любой момент либо раскроются врата, либо на дороге к замку появится Эсклармонда во главе с призрачными рыцарями Грааля или преданными своему королю и магистру рыцари ордена Святого Георгия.

Но Эсклармонда не давала о себе знать, и никто не приезжал. Умирая от неизвестности, Людвиг решил сам отправиться к ней и велел закладывать экипаж, но ему было в этом решительно отказано. Так король понял, что уже находится в плену.

В полночь, когда Людвиг по своему обыкновению бродил по замку, к нему навстречу вышел в

стоптанных тапочках и роскошном восточном халате профессор фон Гудден, предложивший королю снотворное.

Обескураженный такими нарушениями придворного этикета и правил, заведенных в Хохеншвангау, Людвиг вернулся в свой кабинет, где упал на колени перед недавно приобретенной картиной с изображением Лоэнгринна и молился так около часа.

В два часа ночи в кабинет Людвига постучали, и он был удивлен, заметив на пороге двух незнакомых ему женщин. Уже несколько лет в Хохеншвангау и других королевских замках и дворцах не было женщин, эти же ко всему прочему были одеты в платья, приличествующие служанкам.

— Что вам угодно и кто вы такие? — удивленно произнес король, инстинктивно догадываясь, что неизвестные ему дамы прибыли в Хохеншвангау, для того чтобы помочь ему, и не в его интересах поднимать шум.

— Ваше величество, верные вам рыцари ордена Святого Георгия ждут вас. Мы принесли веревочную лестницу, наши люди напоят стражу, и вы сможете выбраться из замка. Вам помогут перебраться через горы с тем, чтобы вы могли бежать через Тироль, если будет такая необходимость, вас донесут на руках.

В доказательство своих слов старшая из дам предъявила королю веревочную лестницу. А вторая заверила его, что сумеет прикрыть его уход, встав в дверях и отражая атаки при помощи принесенных с собой пистолетов и, даже если это понадобится, шпаги.

Людвиг был растроган до глубины души, но тем не менее он был вынужден отказать дамам. Здесь, в Хохеншвангау, он во всяком случае имел воз-

возможность дожидаться появления заветного прохода между мирами. В то время как эмиграция означала бы потерю самого шанса на спасение. Распрощавшись с отважными женщинами, король посетил замковую церковь, обошел все залы, прощаясь с картинами и кланяясь статуям точно старым друзьям.

На рассвете его перевезли в Берг.

Узник замка Берг

13 июня был праздник Святой Троицы, и Людвиг сообщил фон Гуддену, что хотел бы отправиться на торжественное богослужение, в чем ему снова было отказано. Людвиг попытался возразить профессору, что даже если его и считают сумасшедшим, пребывание в церкви должно повлиять на него умиротворяюще. На что фон Гудден ответил ему, что согласно теории Чарльза Дарвина и других ученых материалистов — бога нет, а значит, какой смысл тратить время на служение ему.

Вместо посещения церкви королю был предложен завтрак, который он не смог есть, так как девять часов утра для него было еще слишком рано. В одиннадцать доктор пригласил его на оздоровительную прогулку по парку. В провожатые были взяты два самых сильных из приставленных к королю санитаров, теперь неотлучно следовавших за ним.

Людвиг вел себя спокойно и вполне миролюбиво, он прекрасно знал Берг и теперь рассказывал доктору о том, как когда-то велел установить на крыше замка бассейн и сам изобрел машину, производившую волны. В доказательство правди-

вости своих слов король настоял на том, чтобы они обошли замок и поглядели на край бассейна, который был виден с одной из дорожек парка. Так как было ясно, что на крышу его не пустят.

Приятно удивленный спокойствием нового пациента, фон Гудден проговорил с ним целый час, устроившись на одной из скамеек парка, откуда было видно лебединое озеро. По сути, Людвиг нравился фон Гуддену, который любил интересных людей и оригинальные идеи. Что же касается плененного короля, то мало того, что Людвиг Виттельсбах обладал поистине энциклопедическими познаниями и ясной памятью, позволявшей ему сохранять мельчайшие детали и подробности, не прибегая к записным книжкам, по жизни Людвиг мало общался с людьми и теперь буквально изливал на врача потоки красноречия.

Причем король был настоящим эрудитом, то есть он не придерживался в разговорах какой-то одной темы, а мог поговорить о науке и искусстве, об истории и лингвистке. Он прекрасно знал литературу и держал в уме множество стихов. При этом король был столь милым и непосредственным, что фон Гудден невольно проникся к нему глубокой симпатией.

В этот час он открывал для себя Людвига с принципиально новой стороны. Оказалось, что король отнюдь не был человеконенавистником, который только и знает, что запирается в своем замке и общаться со слугами не иначе как через хитроумное устройство в двери.

Со слугами-шпионами, неустанно докладывающими о каждом твоём шаге, профессор разобрался бы куда как круче, нежели мягкий по своей природе и деликатный король. То же можно было ска-

зять и о министрах, которые, улыбаясь в лицо, затем подстраивали каверзы.

Да случись такое не в просвещенном девятнадцатом веке, а хотя бы в семнадцатом, все участники заговоров болтались бы на виселицах, Людвиг же не мог даже выставить негодяев из своих личных покоев, не вызвав таким образом бурю негодований в свой адрес.

Фон Гудден понял, что Людвиг все время, пока официальный Мюнхен считал его нелюдимым эгоистом, прекрасно общался с крестьянами, живущими в деревнях вокруг его замков. То есть он как всякий нормальный человек предпочитал проводить время с теми, кто был ему приятен.

О том, что король не выдумал эти контакты, желая запоздало выгородить себя, профессор понимал, припоминая вооруженных вилами и топорами крестьян, в считанные минуты вставших на охрану своего любимого короля. Что-что, а народную любовь и уважение очень трудно подделать.

Людвига обвиняли в том, что он разговаривает с деревьями и кланяется статуям, но когда король поведал своему психиатру истории вековых деревьев, окружающих Берг, и провел его по аллейке статуй, фон Гудден невольно снял шляпу, преклоняясь перед ними, как склоняют голову перед вечностью и красотой, на краткий миг явленной миру.

Вернувшись в замок, фон Гудден отменил назначенные накануне Людвигу препараты и в доказательство своих добрых намерений пообедал с королем, слушая его рассказы и размышления на самые разные темы и открыто восторгаясь его умом, проницательностью и знаниями.

Пошел дождь.

Сделка

Вечером доктор и его подопечный вновь отправились на прогулку по парку. На этот раз профессор отпустил санитаров, уверив их в том, что они с королем прекрасно понимают друг друга и никаких неприятностей не предвидится. Кроме того, замковый парк окружали солдаты, которые не допустили бы, чтобы пленник покинул свою тюрьму.

Какое-то время они шли молча. Людвиг опирался на длинный зонт, доктор прихватил с собой массивную трость. Когда они отошли настолько, что их разговор было невозможно подслушать, фон Гудден огляделся по сторонам. Как будто никого не было. Сердце иллюминат-минервала прыгало в груди, колени тряслись.

— Ваше величество! — обратился он к Людвигу и не узнал своего голоса. — Я хотел бы спросить вас о даме Эсклармонде, — он откашлялся, проклятая дрожь усилилась.

— Что вы хотели, мой друг? — в этот момент Людвиг ненавидел профессора, пожалуй, еще больше, чем прежде, но не хотел с ним ссориться. В конце концов, то, что ему сегодня не дали лекарств, было решение психиатра, а следовательно, один неосторожный шаг, и добрейший Бернгард фон Гудден накачает его медикаментами до такой степени, что он не то что не различит появившихся врат, а, пожалуй, забудет, как его зовут.

— Я хотел сказать, ведь это же страшная ошибка, то, что вы здесь. Ваше величество, — фон Гудден перешел на шепот, хотя это было излишним, рядом никого не было, — я читал доносы слуг. Они писали о придуманной даме, в то время как я лично видел госпожу Эсклармонду и готов подтвер-

дить, что это не выдумка, не фантазия и не галлюцинация. Следовательно, мы имеем дело с непроверенными обвинениями и, как следствие, с ошибкой.

— Разумеется, Эсклармонда живая! — Людвиг пожал плечами. — Прежде чем развивать смутные гипотезы и ставить диагноз, можно было спросить у меня.

— Да, да... чудовищная несправедливость, непростительная ошибка! Но что же теперь поделаться? Я слуга закона и должен исполнять его волю, хотя видит бог, как мне это не по душе, — фон Гудден сбил палкой лежавшую на дорожке шишку.

— Но вы же можете написать в Мюнхен? — Людвиг затаил дыхание, вдруг ему показалось, что он нашел способ выбраться из своего заточения.

— Могу, это верно. Но только что это меняет? — профессор направился в сторону озера, и король послушно, точно ягненок на веревке, последовал за ним. — Кто меня будет слушать. Я должен сделаться вашим тюремщиком, в этом моя миссия. Если не будет меня, мое место займет другой, незаменимых нет. Хотя...

— Что хотя? — Людвиг попытался уцепиться за последнюю возможность.

— Хотя, если я скажу перед советом, что ваша...

— Невеста, — помог ему король.

— Что ваша невеста Эсклармонда...

— Эсклармонда де Фуа, — Людвиг затаил дыхание.

— Так вот, если я сообщу им, что ваша невеста — божественная Эсклармонда де Фуа, сведения о которой можно почерпнуть в сказаниях о Граале двенадцатого века, находится здесь... боюсь, что меня самого упекут в дом умалишенных.

— Но вы же сами видели Эсклармонду! — не выдержал Людвиг. — Вы понимаете, что она реальна!

— Да, я видел хранительницу Грааля и готов присягнуть в том, что это именно та женщина и не может быть другой, но кто в это поверит, спрошу я вас?

— Но вы же поверили? — Людвиг почувствовал, как его охватывает отчаяние.

— Я посвященный, состою в степени иллюминат-минервала, и мне видны многие вещи, которые не видят другие. В этом мы с вами похожи, и я могу понять вас. Но другие... люди... У нас есть доносы о том, что в Нойшванштайне вы, мой король, прячете Святой Грааль. Много полезных сведений о вас дал ваш брат, но все это слова. Я не видел ни фотографического снимка, никакого другого доказательства того, что это действительно так.

— Мой несчастный брат? — при упоминании об Отто сердце Людвига сжалось.

— Да, Оттон Виттельсбах рассказывал о гроте Венеры — проходе, которым в свое время воспользовался бард Тангейзер. О божественной Эсклармонде и Граале, который был передан вам на хранение. Он убежден, что вы заключили договор с какими-то ангелами или иными неземными существами, с тем чтобы они позволили вам уйти от нас, чтобы жить в ином, лучшем мире со своей возлюбленной, не принадлежащей, как я понимаю, этому миру. Многие дни я слушал вашего несчастного брата и записывал за ним. И вот теперь, когда я лично видел божественную Эсклармонду...

— Что вы хотите? — Людвиг побледнел, отчего его лицо напомнило доктору маску смерти.

— Я хочу, чтобы вы передали иллюминатам Грааль, — четко и не обдумывая ответа, сообщил профессор фон Гудден.

— Но как вы смеете?! — Людвиг хотел было ударить врача по щеке, но тот вовремя закрылся рукой.

— Смею, потому что хочу помочь вам. Вы отдаете Грааль, и мы позволяем вам сменить имя и уехать из Баварии со своей невестой. Или оставайтесь в Берге. Я не стану лечить вас, и вы будете жить здесь семейной парой возле ваших любимых озер и гор. Я не обещаю вам вернуть престол, это не в моей компетенции, но зато я имею право распоряжаться лично вами, мой пациент, — профессор улыбнулся, показав Людвигу желтые зубы хищника. — На самом деле я могу посылать отчеты в Мюнхен относительно того, что вы проходите курс лечения, не лечу вас. Вы будете жить здесь или отправитесь путешествовать за границу. Я в силах устроить вам это. Но не более.

— Но вы же сами подтвердили, что Эсклармонда не призрак. Вы видели ее, а значит, скорее всего, ее сумеют увидеть и другие посвященные.

— Да, она жива. Но долго ли божественное создание останется живой, после того, как ее признают тем, чем она является, и примутся изучать. Дорогой мой, мы с вами живем на пороге двадцатого века, и сегодня медицина движется гигантскими шагами. Что я вам рассказываю. Вы сами инженер и изобретатель. Вы знаете, что наука не стоит на месте. Неужели вы думаете, что наши профессора не захотят выведать секрет женщины, которая открыла тайну бессмертия?

Да сообщу я, что здесь Эсклармонда де Фуа, ее тут же положат на операционный стол и искромсают на фрагменты. Не знаю, найдут они там что-нибудь или нет, но на выходе это будет уже не ваша Эсклармонда, не та женщина, которую вы страстно любите. Подумайте об этом. Грааль — да если только

наши жрецы узнают о том, что здесь на самом деле находится Грааль, они сотрут все ваши замки в порошок, но докопаются до него. И никакие запредельные друзья и призрачные рыцари ничего не сумеют с этим поделать. Впрочем, для запредельных друзей или кто они там у вас — посланцы других миров или ангелы, у нас найдутся самые современные пушки и бомбы.

— С бомбами на ангелов?! — Людвиг схватился за голову и рухнул на еще мокрую после дождя скамью. Профессор сел рядом с ним.

— А как же, вы, Ваше величество, увлекались Востоком. Так вот, есть такое направление — буддизм. Они говорят, что если тебе встретился на улице сам Будда, убей его, ибо истинный Будда в твоём сердце. Шарахнут и по ангелам, и по Господу Богу, если понадобится. В конце концов, если это Бог — ему не повредит, а на нет и суда нет. У них ведь просто — у военных.

Фон Гудден замолчал, давая Людвигу возможность как следует обдумать его слова.

— А дама Эсклармонда, как я понимаю, осталась в Нойшванштайне. То есть, если я, к примеру, напишу, чтобы она приехала к вам, она приедет?

— Мона?! Вы не посмеете! — Людвиг вскочил, психиатр же остался сидеть на скамеечке, рассматривая рисунок, который он только что нацарапал своей тростью.

— Дама Эсклармонда не современная, всего боящая барышня. Она бросится на выручку своему любимому и, поступив так, неминуемо угодит в ловушку. Так неужели я должен в моем преклонном возрасте начать заниматься похищением невинных дев и шантажом моего бывшего монарха? — он брезгливо повел плечами.

— Не должен, а придется, — ответил фон Гудден за короля. — Потому что Грааль того стоит, потому что во все времена будут рыцари, отправляющиеся в крестовый поход за Граалем, готовые пожертвовать даже жизнью ради счастья хотя бы лицезреть эту святыню. Я же готов пожертвовать даже не одной жизнью. Жизнью хранительницы Грааля Эсклармонды и вашей жизнью — Ваше величество. Вы же не ребенок и можете понять, что я не отступлю за меньшее.

— Да я вас!.. — король наклонился над психиатром, его руки дрожали.

— Что? Убьете? Глупо — парк окружен армией. Вам все равно не выбраться отсюда. Так что могу предсказать дальнейшее развитие событий: вас схватят и вернут в замок, но тогда уже у вас, Ваше величество, начнется совершенно другая жизнь. Подумайте — карцеры, побои, поливание головы ледяной водой. И главное, препараты, призванные сделать из вас тупое полено, равнодушный ко всему овощ, пустое место.

Иногда вы будете вспоминать, кем вы были, и тогда вы будете биться головой об стенку, надеясь хотя бы таким образом расстаться с жизнью. Но вашу жизнь будут охранять. Вы не сумеете причинить себе сильного вреда. А каждая ваша неудачная попытка свести счеты с жизнью будет стоить вам недель унижения, когда вы будете часами сидеть связанным, не имея даже возможности самостоятельно и без посторонней помощи сходить на горшок.

Вот такая жизнь будет ждать вас, если я умру. Я же предлагаю вам жизнь, любовь, творчество в обмен на предмет, цены которого вы не знаете, и что с ним делать — не понимаете. Решайте сами,

что здесь «много» и что «мало». Вы проиграли, мессия красоты и гармонии, проиграли, Король-Лебедь, рыцарь Грааля Лоэнгрин. А я выиграл.

Незавершенное по сей день расследование

Когда доктор и король не явились к установленному часу, в замке возникло определенное волнение. Но после медицинский персонал и комендант пришли к выводу, что не стоит раньше времени поднимать шум, так как все запомнили, что фон Гудден и Людвиг вели себя вполне миролюбиво. Людвигу не давали лекарств, и, в конце концов, доктор и пациент обедали вместе, при этом обычно чуравшийся людей король не выказывал раздражения и озлобленности.

Скорее всего, профессор хотел завоевать доверие пациента, показывая ему, что тот свободен в своих поступках и не привязан к строгому расписанию или утомительным процедурам.

Когда же в напряженном ожидании прошли три долгих часа, слуги и медицинский персонал отправились на поиски.

Они обшарили огромный парк вокруг замка, но это не дало ровным счетом ничего. И доктор, и пациент таинственным образом исчезли, не оставив ни малейших следов.

Стоящий кольцом вокруг парка гарнизон не заметил, чтобы из парка кто-нибудь выходил или выезжал.

Во втором часу ночи, обшаривая баграми озеро, удалось обнаружить трупы. Тело доктора фон Гуддена лежало у берега, там, где вода доставала от

силы до колена. Тело короля было в нескольких шагах от него, опять же на мелководье, где вода едва достигала груди взрослого человека.

В два часа ночи трупы были извлечены из воды и доставлены в замок, где комиссия установила время смерти — без шести минут семь, именно в это время остановились заполненные водой часы короля.

На шее доктора фон Гуддена были обнаружены следы удушения. Легкие были заполнены озерной водой, так что можно было предположить, что кто-то насильно погрузил его голову в воду и держал так, пока фон Гудден не перестал подавать признаков жизни.

Тело короля было чистым, без каких бы то ни было следов, свидетельствующих о насильственной смерти последнего. Берег же был буквально затоптан следами, недалеко от места обнаружения трупов полиция нашла трость, зонт, шляпу доктора и сюртук короля.

Согласно выводам, сделанным полицией, доктор и его пациент отправились на прогулку в начале седьмого. Поравнявшись со скамейкой на берегу, на которой они сидели утром, Людвиг вдруг сорвался с места и побежал в сторону озера. Эта попытка самоубийства была подобна той, что описывалась в деле его младшего брата, когда тот, обманув своего секретаря господина Герберта фон Блюма, сбежал от него, кинувшись в воды Шванзее.

Доктор фон Гудден пытался помешать королю совершить самоубийство, произошла потасовка, в результате которой на берегу и появились обнаруженные полицией следы. В конце концов, не имея возможности по-другому отделаться от мешавшего ему доктора, Людвиг был вынужден утопить его.

О чем красноречиво свидетельствуют следы, обнаруженные на горле последнего.

Избавившись от доктора, Людвиг бросился в воду, где нашел свою смерть.

Официальная версия полиции была принята за основное объяснение произошедшей на Шванбергском озере трагедии.

Тем не менее легко обнаруживаются явные несостыковки деталей и насильственная притянутасть за уши выводов.

Так, полиция обнаружила множество следов на берегу, которые не могли оставить только две пары ног, даже если предположить, что король и доктор хаотично бегали вдоль линии воды.

Людвиг был превосходным пловцом, а все знают, насколько сложно утопиться человеку, который великолепно плавает. Поэтому следует взять под сомнение версию о попытке короля свести счеты с жизнью, утопившись.

На шее у доктора фон Гуддена были обнаружены следы удушения, то есть следы от пальцев, предположительно короля, располагались на горле доктора, в то время как обычно следы, оставленные при удерживании головы жертвы под водой, обычно имеют место на задней части шеи и плечах.

Опять же, доктору фон Гуддену было шестьдесят два года, он был здоровым и физически развитым человеком. По версии следствия он пытался сначала удержать Людвига Виттельсбаха от рокового шага, за что был утоплен им. Но, если на теле доктора были обнаружены следы удушения, отчего же на теле короля не было никаких следов, ведь фон Гудден должен был хотя бы отбиться от него?

Мало вероятно, что профессор фон Гудден безропотно подставил своему убийце шею, позволив утопить себя у самого берега.

Конечно, была и потасовка, и попытка убийства, и сопротивление. Были и следы борьбы, но они остались на теле или телах настоящих убийц, которые не предстали перед судом.

Согласно версии, прозвучавшей в ряде малотиражных газет Баварии и за рубежом, в смерти Людвига Второго и профессора фон Гуддена следует винить секту иллюминатов, давно преследующих несчастного короля.

Доказательства: как известно, доктор-психиатр Бернгард фон Гудден состоял в секте иллюминатов в степени иллюминат-минервал. После того как тот успешно довел до слабоумия младшего брата Людвига, ему было поручено добиться признания короля психически больным и, как следствие, не способным к делу управления государством.

Тем не менее иллюминаты знали о связях и влиянии Людвига Виттельсбаха на иностранные державы. Знали об искренней дружбе последнего с Елизаветой Австрийской, которая рассылала письма по всем царственным домам Европы и рано или поздно добилась бы освидетельствования короля перед международной медицинской комиссией. Кроме этого, активно разрушал их планы и Бисмарк, которому не была выгодна смена власти в Баварии.

Следовательно, заточение Людвига в замке Берг могло завершиться еще до того, как фон Гуддену удастся уничтожить его рассудок химическими препаратами, а значит, всему делу конец.

Поэтому Людвига было решено убрать.

Иллюминаты следили за перепиской короля с Елизаветой Австрийской. Поэтому они знали, что на момент, когда король был помещен в Берг, Елизавета находилась по другую сторону Шванбергского озера в замке Поссенгофен у своих родственников. Следовательно, если бы король решил бежать, ему пришлось бы переплыть озеро.

Людвиг прекрасно плавал, и озера верхней Баварии были знакомы ему с самого детства, поэтому в случае если бы было объявлено о его бегстве, вряд ли кто-нибудь усомнился бы в вероятности последнего.

Иными словами, доктор должен был вывести Людвига на прогулку в парк, где его поджидали убийцы.

При этом не исключено, что согласно планам иллюминатов фон Гудден должен был тоже погибнуть, так как вряд ли полиция при сложившихся обстоятельствах не выдвинула бы обвинения против него.

Поэтому иллюминаты пришли к решению о ликвидации фон Гуддена.

Эта версия была, наверное, самой популярной среди вариантов развития событий, хотя она также имела свой минус.

Согласно этой версии картина, которую должны были обнаружить замковые слуги и полиция, должна была быть следующей: на берегу или на мелководье лежит тело убитого доктора. Короля нет, он исчез с места преступления, находится в бегах в Баварии или перебрался за границу по фальшивому паспорту.

Но служащие замка и медицинский персонал нашли не только тело фон Гуддена, но и тело короля. А значит, здесь следует принимать либо вер-

сию полиции о самоубийстве последнего, либо списывать все на несчастный случай, либо искать другие разгадки. Ведь невозможно же предположить, что продумывающие все иллюминаты не догадались спрятать тело короля, чтобы тот считался в розыске? В конце концов, его можно было доставить на лодке на середину озера и, утяжелив камнями, утопить там.

Известно, что вину в смерти Людвига Второго чуть было не взял на себя русский композитор Петр Ильич Чайковский, считавший, что каким-то непостижимым образом обрек Короля-Лебедя на смерть в водах Лебединого озера, отправляя до этого на смерть балетного персонажа.

Странности добавлял тот факт, что Людвиг погиб через десять лет после премьеры «Кольца нибелунгов», после которой композитор имел столь поразившую его аудиенцию с Королем-Лебедем. Общеизвестно, что Чайковский, опубликовавший ряд статей непосредственно после посещения Баварии, сделал повторные публикации сразу же после смерти Людвига Второго. Но его версия смерти короля показалась читателям излишне мистической, и ей не придали значения.

Особенно разбирался в прессе тот факт, что доктор отослал приставленных к Людвигу санитаров. Некоторые газеты утверждали, что просьба устранить эскорт исходила от короля. Но эта версия не нашла подтверждения, в конце концов, до сих пор история медицины не знает случая, когда бы признанный психически больным человек самостоятельно распоряжался приставленной к нему стражей.

Без сомнения, санитаров удалил именно фон Гудден. Но для чего же он это сделал?

А не для того ли, чтобы организовать нападение на Людвига, как это было предложено рядом газет. Действительно, ведь санитары были бы лишними свидетелями, в то время как никто не посмел бы обвинить пожилого доктора в том, что тот не сумел защитить своего пациента от его же самого.

Если бы удалось спрятать тело короля, внушив всем, будто бы тот сбежал за границу, возникли бы вопросы, как сильные и привыкшие к своей работе санитары не смогли остановить одного-единственного человека, который бросился в воду и достиг другого берега.

Была еще версия о том, что на самом деле король спасся, в то время как на берегу озера у замка Берг был найден труп его двойника. Но она, так же как и многие другие версии гибели баварского короля, не нашла подтверждения. Так как имей Людвиг Второй двойника, он не прослыл бы замкнутым и нелюдимым, так как двойник заменял бы его на официальных приемах и парадах, где самому королю было неприятно бывать.

Свидетельство о последних минутах жизни короля Людвига Второго, написанное со слов юродивой Магды, живущей в парке у замка Берг

После недавнего дождя Шванбергский парк выглядел особенно свежо и трогательно. Король и доктор вышли из замка и неспешно отправились на прогулку.

Фон Гудден отослал санитаров, чье присутствие сковывало короля и не давало возможности поговорить по душам.

Подобно древней ящерице, Магда грела свои старые кости на большом валуне, любуясь уставшим за день и теперь упорно сползающим все ниже и ниже к горизонту солнцу. Точно так же утомленный за день человек пытается склонить отяжелевшую голову на подушку.

Магда знала, что ее король арестован и сослан в Берг. Это наводило на грустные мысли и одновременно с тем радовало. Печалило — потому что баварский король пал и теперь находился в когтях его злейших врагов, имеющих знания и власть сделать из него полного идиота. Радовало то, что ее король, ее обожаемый спаситель и добрый друг теперь здесь, в Берге, с ней.

Радовало, потому что старая Магда знала будущее, чувствовала, как дрожит воздух, а сам эфир готов разорваться открывшимися перед Королем-Лебедем вратами. Она знала, что Людвиг уйдет, убежит из-под стражи, вознесется в лучший мир.

Однажды Людвиг рассказал ей историю Лоэнгринна, пришедшего на землю, для того чтобы восстановить справедливость, спасти честную девушку и расколдовать ее обращенного в лебедя брата.

Лоэнгрин был не принят, не понят, его подозревали в том, что он якобы занимается черной магией. Так что несчастный рыцарь был вынужден вернуться туда, откуда пришел. Людвиг считал себя непонятым и изгоняемым всеми Лоэнгринном. Но сама Магда считала его лебедем!

Заколдованным лебедем, которому рыцарь заоблачной страны Грааль должен был в один прекрасный день вернуть его подлинный облик и настоя-

щую жизнь. Король — нет, на самом деле она никогда не называла его так. Людвиг был словно подкидышем в мире людей. Гадким утенком, который всю свою жизнь должен был открывать в себе прекрасного лебедя, чтобы в один из дней, расправив мощные крылья, умчаться в родные ему небеса.

Со своего места Магда видела, что доктор и Людвиг о чем-то яростно спорят. При этом король то вскакивал, то ходил из стороны в сторону, то вдруг застывал на месте, с тоскою всматриваясь в спокойные воды озера.

В какое-то мгновение он вдруг бросился на фон Гуддена, пытаясь задушить его. Магда вскрикнула, понимая, что сейчас произойдет непоправимое.

Услышав ее, Людвиг обернулся, и тут лицо его осветилось детской радостью. Король оттолкнул от себя уже изрядно задохнувшегося доктора и пошел в сторону воды.

Решив, что ее друг хочет покончить с собой, Магда бросилась с валуна, неуклюже плюхнувшись обеими коленками на песок. Перед нею на фоне безмятежного озера сияла открывшаяся в самом воздухе вибрирующая воронка. Туда и шел ее Людвиг.

— Они успели! Слава Богу! Они успели! — задохнулась в крике женщина. Не сумев сразу подняться на ноги, она ползла теперь к линии воды, протягивая руки к ускользящему от нее королю и не переставая молить о том, чтобы силы света, забирающие теперь Людвига, сжалились и приняли бы и ее.

Фон Гудден засвистел в свисток, и тут же Магда заметила, как к королю поспешили четыре черные фигуры, по всей видимости, дожидавшиеся условленного знака за деревьями. Началась погоня. Поняв, что от желанных врат его теперь отделяют не

только несколько метров воды, но и летящие за ним преследователи, Людвиг бросился в воду, но не смог плыть, так как воды было по колени. Он шел, то и дело оборачиваясь и ругая на чем свет стоит подосланных к нему убийц.

До желанных врат оставалось смешное расстояние, когда кто-то схватил короля за волосы, стараясь не дать ему исчезнуть. Людвиг извернулся в воде, нанося удары по голове, рукам и плечам напавшего на него. Завязалась свара. Кашляя и отплевываясь, король крушил направо и налево, отбиваясь от своих преследователей подобно медведю, атакованному собачьей сворой.

Меж тем Магда доползла до кромки воды, она уже не надеялась доплыть до врат, так как дорогу ей перекрывали дерущиеся.

В просвете воронки начали угадываться смутные тени, они звали Людвигу, не имея возможности помочь ему. В какой-то момент Магда явственно увидела донну Эсклармонду, которая делала спешные распоряжения.

Заметив ее, Людвиг закричал, выворачиваясь всем телом и оставляя в руках преследователей сюртук. В следующее мгновение в руках фон Гуддена оказался револьвер, Магда закричала, привлекая внимание Эсклармонды или Людвигу. Выстрел прозвучал как гром небесный. И тут картина сначала застыла, а потом начала разворачиваться в замедленном темпе.

Магда увидела, как пуля остановилась в воздухе, словно попала в невидимую прозрачную стену. В тот же момент Людвиг окончательно освободился от сюртука, его рубашка расстегнулась, обнажая шею и грудь. Еще секунда, и король начал оседать на руки своих врагов, в то время как его

душа вылетела из тела, расправляя прекрасные лебединые крылья. Душа сделала круг над лебединым озером, прощаясь с ним, и исчезла в открытых для нее воротах заоблачного царства.

Остановленная в воздухе пуля плюхнулась в воду.

Поняв, что король погиб, медленно выходили из странного оцепенения его убийцы, в то время как фон Гудден, наблюдавший всю сцену вознесения, опустился на колени и, размашисто перекрестившись, погрузил голову в воду, оставаясь в таком положении до тех пор, пока черным коршуном над озером не поднялась его черная душа.

В то время когда коршун хотел ворваться вслед за Людвигом во ворота, они со звоном захлопнулись перед его клювом, заставив Гуддена-коршуна заклекотать от охватившего его отчаяния.

Магда утверждала, что она сидела на берегу и видела, как замковые слуги и медики искали в озере тела доктора и короля, но у нее не было ни малейшего желания помогать им в этих поисках. Перед тем как окончательно стемнело, она была удостоена видения божественной хранительницы Грааля Эсклармонды, которая велела ей оставаться в этом мире и рассказывать всем о том, как на самом деле ушел из жизни баварский король.

Магда с честью исполняла долг перед Людвигом и страной Грааля до конца своей жизни.

Каждый день она садилась недалеко от того места, где слуги нашли тело Людвига. Теперь там из самой воды возвышался крест, и смотрела на мирные воды лебединого озера.

Она была оставлена в замковом парке и получала содержание от королевской казны, достаточное

для того, чтобы жить, благовествуя о чудесном вознесении последнего короля-романтика — Людвига Второго Виттельсбаха, Короля-Лебедя.

После скандальной истории с гибелью Людвига его дядя — принц Луитпольд не посмел надеть себе на голову корону Баварии, так что сразу же после смерти несчастного короля его место занял кронпринц Оттон. Младший брат Людвига Отто, которого специально для этого выпустили из его маленького сумасшедшего дома.

Оттон был куклой на троне, что вполне устраивало всех, в то время как реальную власть в стране осуществлял уступчивый и всего боявшийся принц Луитпольд, которого можно было напугать, уговорить или каким-нибудь другим образом повлиять на его мнение. С неуступчивым и, главное, плохо предсказуемым Людвигом это было почти невозможно.

Отто сразу же потребовал, чтобы его называли «Его величеством», смеясь и хлопая в ладоши всякий раз, слыша, как произносится его новый титул. Через месяц эта игра ему наскучила, и новый баварский король вновь занялся расшифровкой тайн и поисками входа в запредельный мир, который, по его мнению, должен был знать его погибший брат.

Общаясь со своим бывшим магистром на спиритических сеансах и выяснив таким образом всю правду о заговоре и вознесении, рыцари ордена Святого Георгия попробовали канонизировать короля. Но это оказалось невозможным ввиду того, что при вскрытии в легких Людвига была обнаружена вода, а, как известно, утопленники не могут войти в сонм святых.

Смерть Людвига оплакивала вся верхняя Бавария, для которой несчастный король был не просто абстрактной фигурой на троне, Людвиг дружил со многими крестьянами и пастухами. Крестил их детей, вникал в домашние дела. Он был их другом, который, так же как и они, любил свободу, горы и леса. Он строил свои замки именно в горах, не на потеху чванливой мюнхенской публики, а ради того, чтобы еще более украсить верхнюю Баварию.

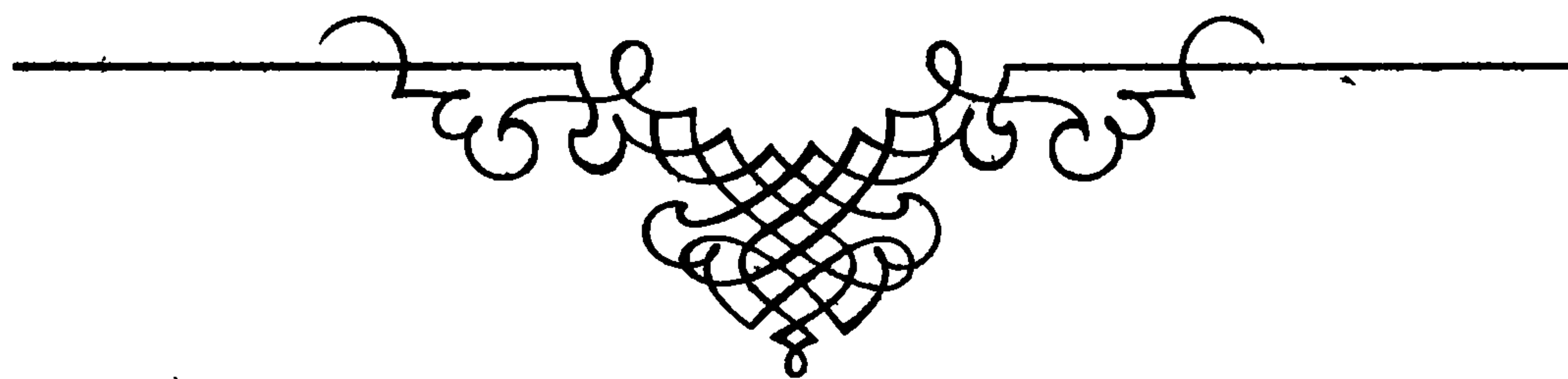
Он был их другом — и вот теперь его не стало.

Во время торжественных похорон Людвига к храму, в котором его тело было выставлено для прощания, слетелось множество птиц, почти как в день его рождения.

После того как тело короля было предано земле, огромные стаи поднялись в небо и покинули Баварию.

В тот же год началась птичья чума, которая стоила жизни многим тысячам птиц. Во избежание заражения домашней птицы армиям нескольких стран было поручено отстреливать дикие стаи птиц, следующих по пути их привычной миграции. Но это не помогло, и птичья чума перешла, в конце концов, в испанку, унесшую небывалое количество человеческих жизней.

Но еще через десять лет неприятности с птицами как будто миновали, и пернатые снова начали прилетать в Баварию. Правда, теперь их было намного меньше, чем при Короле-Лебеде.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая ПРЕДСКАЗАНИЕ

Мессия красоты	11
Замок Хохеншвангау	15
Тайна наследника	19
Происшествие в деревне	26
Высокий лебединый край	30
Лоэнгрин	32
Казнь у лебединого озера	36
Призрак собственного замка	41
Дорога на Мюнхен	44
Начало пути	49
Лоэнгрин – призрачная вечеря	52
Орден Святого Георгия	59

Часть вторая КОРОЛЬ ЛЮДВИГ ВТОРОЙ

Королевская власть	64
Людвиг и ведьма	74
Куда плывут облака	77
Вагнер	78
Капельмейстер Леви	83
Людвиг и вакханка	86

В спальне короля	89
Принцесса Гизела	96
Три письма	101
Хижина Хундинга	105
Вагнер и антивагнеристы	114
Король и крестьянка	120
Оттон Виттельсбах	125
Виктория Браун	128
Проклятие русалки	133
Прощание с Вагнером	137
Дама Эсклармонда	142
Война	148
Театр одного зрителя	152
Право первой ночи	156
Заколдованный лес	159
Лебединое озеро	165
Братья	169
Отто и сокровища Грааля	173
Магда	177
Грот Венеры	180
Великое объединение Германии	182
Дворцы для Саладина	185
Рот, полный сокровищ	187
Дворец Людовика и Новый лебединый камень Людвига	193
Людвиг, туристы и озеро на крыше	197
Тяжелая штука — романтика	203
Людвиг и Захер Мазоха	207
Встреча гостя	210

Часть третья

ПАДЕНИЕ И ВОЗНЕСЕНИЕ ЛЮДВИГА ВИТТЕЛЬСБАХА

Начало заговора	218
Камердинер Майр	222
Замковые слуги	224
Тайные знания — горькие знания	227

Охота на короля	231
Последняя капля	235
Подготовка к обороне	239
Первая атака	242
Плен в Хохеншвангау	247
Гибель богов	251
Пленник	257
Узник замка Берг	261
Сделка	264
Незавершенное по сей день расследование	270
Свидетельство о последних минутах жизни короля Людвига Второго, написанное со слов юродивой Магды, живущей в парке у замка Берг	276